

ПРОБЛЕМЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

39 - 40

Л. М. 93

PROBLEMS OF EASTERN EUROPE

NUMBER 39 - 40

Edited by Frantisek Silnitsky and Larisa Silnitsky
Copyright by *Problems of Eastern Europe*

Manufactured in the U.S.A.

Publication of this issue was made possible
by a grant from the National Endowment
for Democracy

**ПРОБЛЕМЫ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

39 - 40

Вашингтон

1993

Журнал редактируют: **Франтишек Силницкий**
Лариса Силницкая

Сотрудник редакции: **Людмила Алексеева**

Художник: **Лев Межберг**

Технический редактор: **Джули Моффетт**

Этот номер был издан благодаря финансовой помощи
американского Национального фонда в поддержку
демократии

От редакции

В этом номере "Проблем Восточной Европы" мы публикуем лишь одну работу — "Крушение демократических режимов: кризис, разрушение и восстановление равновесия" Хуана Хосе Линца. Она была напечатана в одноименном сборнике под его собственной и Альфреда Степана редакцией. Сборник содержит самостоятельные разделы, посвященные крушению демократических режимов в Европе и в Латинской Америке

Сборник вышел в свет в 1979 г., но материал профессора Линца, как читатели смогут убедиться сами, нимало не устарел. Задача автора, как отмечает он сам, была: указать на возможности, благодаря которым лидеры молодых демократий могли бы обеспечить консолидацию, стабильность, устойчивость или восстановление равновесия своих режимов.

Перед лидерами государств, возникших на территории бывшего СССР, и молодых демократий Европы стоят серьезнейшие проблемы, и мы надеемся, что они смогут извлечь пользу из опыта других стран. Этот опыт блестяще систематизировал и проанализировал профессор Линц.

Linz, Juan J.

***The Breakdown of Democratic Regimes:
Crisis, Breakdown and Reequilibration.***

The Johns Hopkins University Press, Baltimore/London, 1979.

Хуан Хосе Линц

КРУШЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

**КРИЗИС, РАЗРУШЕНИЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ
РАВНОВЕСИЯ**

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	09
Глава I	13
Мертворожденные или осажденные демократии.....	18
Социально-экономические изменения как фактор укрепления демократии.....	22
Глава II	
Факторы крушения демократии	
Революция и крушение демократического режима.....	27
Легитимность, дееспособность, эффективность демократии и ее свержение.....	30
Партийная система и неустойчивость демократии.....	42
Нелояльная, полулояльная и лояльная оппозиции.....	48
Кризис, утрата власти, крушение и перехват власти.....	65
Установление и консолидация демократического режима и его стабильность.....	68
Инкорпорация извне в коалицию с основателями режима.....	74
Легитимация как проблема демократического руководства.....	76
Глава III	
Процесс разрушения	
Неразрешимые проблемы и кризис.....	83
Кризисные группы и их место в обществе и политике.....	92
Политическое насилие и его воздействие.....	93
Утрата монополии на организованную политическую силу.....	97
Кризис демократии и многонациональные государства.....	101

Кризис, демократическая партийная система и формирование правительства.....	109
Отказ от подлинной демократии.....	114
Отступление: президентская и парламентская демократия.....	118

Глава IV

Конец демократии

Потеря власти, вакуум, подготовка к передаче власти или к конфронтации.....	124
Конец демократического режима и его последствия.....	133

Глава V

Обретение нового равновесия

Проблема обретения нового равновесия демократической системы.....	143
Восстановление и повторное провозглашение демократии.....	149
Право на неповиновение, восстание и подпольную деятельность в защиту демократии.....	151

Примечания.....	161
------------------------	------------

ВВЕДЕНИЕ

Изменение политического режима сказывается на жизни миллионов, оно порождает широкий спектр эмоций — от страха до надежды. "Марш на Рим", приход к власти Гитлера, гражданская война в Испании, Прага в феврале 1948 г., путч против Альенде — эти драматические события, ставшие символом смены власти, запечатлелись в памяти людей как переломный момент в их жизни. Однако в действительности эти события явились лишь кульминацией довольно длительного процесса политических перемен. Просматриваются ли в этих процессах общие характеристики или каждый из них представляет собой уникальную, особую ситуацию? Можно ли построить модель процесса крушения демократии и тем самым объяснить его отдельные аспекты и динамику? И если да, то поможет ли нам такая модель лучше понять условия, обеспечивающие стабильность демократии?

Проблема стабильности и краха политических систем давно является предметом пристального интереса политологов. В последние годы ученые-обществоведы уделяли огромное внимание изучению предпосылок политической стабильности, в особенности стабильности демократических государств¹. Однако эти анализы носили, можно сказать, статический характер; акцент делался на общественные, культурные и экономические предпосылки стабильности режима в данный конкретный момент, а не на динамике кризисных процессов, крушения и восстановления равновесия уже существующих режимов или консолидации новых. Акцентирование указанных выше моментов было обусловлено, главным образом, наличием систематизированных количественных данных и новой техники статистического анализа². Этот подход отражал существовавшую в послевоенные годы оптимистическую веру в прочность вновь образовавшихся демократических режимов. Но историки предоставили нам подробные описания общественных, экономических и политических перемен, и событий, которые при-

вели к власти Муссолини, Гитлера и Франко. Дополнительным богатым источником сведений об этих событиях являются мемуары людей, творивших историю³.

Полезно проанализировать конкретные события, описанные в трудах историков и в мемуарах их участников, при помощи современных методов исследования, разработанных обществоведами, для построения описательной (а, возможно, и объяснительной) модели процессов, которые приводят к смене режимов⁴. Анализ некоторых представляющихся на первый взгляд уникальными исторических ситуаций свидетельствует о возможности выделения их общих характеристик, таких, например, как определенная последовательность событий, которая просматривается в ряде стран. Собственно, мы видим, что и сами участники этих событий часто сознают значение такой последовательности, что выражается в нередких решениях уйти в отставку, вызванных ощущением трагедии, безвыходности, а иногда и высокомерием⁵.

При проведении такого рода анализов обществоведы, главным образом социологи (прежде всего марксистской ориентации), ставят во главу угла структурные характеристики обществ — социально-экономические инфраструктуры, предопределяющие условия, в которых действуют актеры на политической сцене, и лимитирующие выбор участников исторических событий. Они концентрируют внимание на общественных, главным образом классовых, противоречиях, которые, по их мнению, обуславливают маловероятность, если не невозможность, стабильности институтов либеральной демократии. Крушение демократий, считают они, объясняется общественным и экономическим неравенством, концентрацией экономического могущества, экономической зависимостью от других государств и неизбежной антидемократической реакцией привилегированных слоев общества против институтов, предоставляющих широким массам возможность мобилизовать свои силы на борьбу с существующим общественно-экономическим порядком. Мы, разумеется, вовсе не намерены отрицать значение всех этих факторов и их важное влияние в неко-

торых конкретных случаях⁶. Но и в тех случаях, когда социологический анализ, основывающийся на критериях культуры, национального характера или психологии, может объяснить, почему наступил крах режима, мы все равно должны задаться вопросом, как это произошло?

Нам думается, что мы не можем игнорировать действия как тех, кто в большей или меньшей степени заинтересован в сохранении открытой демократической политической системы, так и тех, кто ставит выше другие ценности, не намерен защищать демократию и, более того, готов даже свергнуть ее. Именно эти действия определяют динамику политического процесса⁷. Мы считаем, что структурные характеристики общества, существующие в нем в открытом или скрытом виде конфликты, являются факторами, предоставляющими участникам общественных и политических событий — и не только людям, но и институтам — определенную возможность выбора, но эти же факторы создают некоторые ограничения, что может оказать влияние на окончательный результат. Мы исходим при этом из предпосылки, что у этих актеров была возможность выбора, от которого зависели шансы сохранения стабильности режима⁸. Нет сомнения, что результаты их действий и событий накапливаются, и этот кумулятивный эффект, в свою очередь, влияет на возрастание или уменьшение шансов на выживание демократической системы. В последней стадии, накануне развязки, возможности спасти систему могут быть минимальными, и наша модель, следовательно, будет отражать вероятность, а не закономерность.

В этом контексте особенно интересен анализ тех случаев, когда в какой-либо стране после кризиса демократии восстанавливается демократический режим, поскольку такие случаи доказывают обратное по сравнению с рядом развиваемых нами гипотез. В блестящем анализе падения Веймарской республики, проделанном Карлом Дитрихом Брахером, наиболее интересны выделенные им характерные черты и поэтапная последовательность процесса, который привел к краху режима, — утрата власти, вакуум власти и захват власти⁹. Нам следует бо-

лее строго придерживаться политических переменных, которым не уделялось внимание в ряде исследований стабильности демократий, поскольку, по нашему мнению, именно политические процессы играют самую важную роль в крушении режима¹⁰. При этом, разумеется, не следует игнорировать социальный базис, экономические и культурные факторы. Также совершенно очевидно, что без учета исторических взаимосвязей трудно объяснить, почему во многих странах те же политические институты не переживают таких трудностей. В кризисных ситуациях наподобие тех, которые будут обсуждаться в нашей работе, решающую роль могут сыграть лидеры и просто сильные личности, как, например, де Голль, а этого не в состоянии предусмотреть никакая модель¹¹. Более того, мы намерены показать, что некоторые типы индивидуумов или институтов, сталкиваясь с определенной ситуацией, склонны предпринимать действия, существенно способствующие краху режима. Наша задача — описать как можно подробнее эти их действия.

Мы признаем, что, формулируя задачи нашего исследования, мы стараемся указать на возможности, используя которые, демократические лидеры могли бы обеспечить консолидацию, стабильность, устойчивость или восстановление равновесия их режимов. Мы также постараемся описать препятствия, с которыми они могут столкнуться. Мы надеемся, что наши познания могут помочь им, хотя, с другой стороны, результаты наших исследований, если они верны, могут оказать пользу и тем, кто намерен поступить в "школу диктаторов"¹².

Центральным моментом нашего анализа и главной темой очерков, помещенных в настоящей книге, является соревновательная демократия¹³. Авторы не делают попыток включить в круг исследования проблемы авторитарных, тоталитарных или традиционалистских политических систем¹⁴.

Чтобы избежать недоразумений в понимании наших интеллектуальных экскурсов, необходимо дать по возможности точное определение типа режима, крушение которого мы изучаем. Демократия, по мнению авторов, может быть кратко определена следующим образом: это законное право формулировать и отстаивать политические альтернативы, которым сопутствует право на свободу объединений, свободу слова и другие главные политические права личности; свободное и ненасильственное соревнование лидеров общества с периодической оценкой их претензий на управление обществом; включение в демократический процесс всех эффективных политических институтов; обеспечение условий политической активности для всех членов политического сообщества независимо от их политических предпочтений. Практически это означает право создавать политические партии и регулярно проводить свободные и честные выборы, не лишая какого-либо политического института прямо или косвенно электоральной значимости. Ныне под демократией понимают как минимум прямое избирательное право для мужчин, однако в прошлом это определение можно было бы распространить также на режимы, которые ограничивали право на участие в голосовании требованиями в отношении собственности, уплаты налогов, вида занятий или грамотности.

В таком определении демократии исключение из политического соревнования ряда партий, которое на практике осуществляется путем временного или частичного ущемления малых партий или индивидуумов

(например, политическая проверка при приеме на гражданскую службу), не рассматривается как нечто несовместимое с гарантиями свободного соревнования¹⁵.

Демократический режим характеризуется скорее равными легальными возможностями выражения любых мнений, а также защитой со стороны государства от произвольного, а главное, насильственного вмешательства в осуществление этого права, нежели безусловной свободой выражения любых мнений. Под такое определение демократии не подпадают режимы, получившие подлинную поддержку большинства, но затем утратившие охоту предоставлять свою власть общественной переоценке. Демократия не требует обязательной смены правящих партий, но возможность такой смены должна существовать, поскольку сам факт таких перемен является основным свидетельством демократического характера режима¹⁶.

Несомненно, социальные и политические реалии в странах, рассматриваемых в настоящем анализе, подчас отклоняются даже от столь минимального определения. В особенности это справедливо для латиноамериканских государств и для сельских местностей Италии к югу от Рима в первые десятилетия нашего века, когда административное, социальное и политическое давление настолько ограничивало гражданские политические свободы, что даже подсчет голосов казался делом подозрительным. Однако отклонения от демократического идеала не обязательно означают его отрицание, и все режимы, рассматриваемые здесь, удовлетворяют нашему минималистскому критерию. Под сомнение может быть поставлено лишь включение Перу и Колумбии. Включение в анализ очень небольшого числа других стран (например, Японии, Чехословакии, Латвии, Литвы и некоторых балканских государств межвоенных лет, Греции после второй мировой войны), показывает, как мало демократий удовлетворяет даже столь минималистскому определению.

В этом определении намеренно опущены какие-либо отсылки к преобладанию демократических ценностей,

к социальным отношениям, к равным возможностям в деловой или образовательной сферах, ибо центральным моментом анализа является крушение политической демократии, а не кризис демократических обществ. Разумеется, влияние политической демократии на неполитические аспекты жизни общества, или же наоборот — недемократической культуры на сохранение или падение демократического режима, достойны изучения; однако включение в определение таких элементов как демократизация общества и степень равенства не только отвлекло бы от изучения относящихся к самой теме вопросов, но и сократило бы число случаев, подлежащих анализу.

При таком определении в наш анализ не включаются преобразования постдемократических режимов в тоталитарные; внутренние перемены, формирующие посттоталитарные режимы (например, десталинизация в коммунистических странах); крушение тоталитарных режимов (Португалия, 1974 г.); переход от традиционного монархического правления к демократии. Несомненно, есть нечто общее в процессах преобразований, сопровождающих крушение любых режимов, и есть отличия между этими преобразованиями и тем специфическим, что характеризует падение демократий. Было бы, однако, трудно выделить характеристики таких переменных и дать им определения, не прибегая к сравнительному анализу режимных перемен в демократических и недемократических системах. При этом, конечно, не следует упускать из виду некоторые общие аспекты. Так, ни одна система, которую хоть в какой-то степени можно назвать тоталитарной, не потерпела крушения вследствие причин внутреннего свойства — даже те из них, которые испытали существенные преобразования, вроде перехода от тоталитаризма к авторитарному режиму¹⁷. Нацистский режим и даже фашистский режим в Италии (который можно определить как "сдержанный тоталитаризм") были свергнуты лишь в результате поражения от внешних сил. Крушение большинства авторитарных режимов приводило после переворота или революции не к установлению демократии, а к созданию иного автори-

тарного режима (а на Кубе — тоталитарной системы). Изучение тех немногих случаев, когда авторитарный режим сам преобразовал себя в демократию или был свергнут и уступил место демократии, может помочь пониманию общих процессов. Хотя и редко, но все-таки случалось, что демократию сменял авторитарный режим, а затем демократия была вновь восстановлена. Авторы настоящего сборника, анализирующие такие примеры, пользуются этой возможностью, чтобы изучить, как данный роковой кризис демократии помог позднейшим демократическим правительствам избежать некоторых ошибок их предшественников¹⁸.

В анализ не включены и некоторые постколониальные демократии, у которых было мало времени для формирования, форма правления была заимствована от прежней колониальной державы, и консолидация политических институтов, как правило, совпадала с процессом государственного строительства. Вряд ли наш анализ подходит к крушению демократических институтов в странах Африки и Азии (например в Нигерии и Пакистане) после обретения независимости, ибо почти во всех случаях мы ограничиваемся странами, существовавшими до того, как они стали демократическими (здесь можно назвать лишь Финляндию, обретшую государственность после первой мировой войны, и Австрию, вследствие диктата победителей ставшую отдельным государством после распада Австро-Венгерской империи).

Все демократии, к которым может быть приложена данная модель, являются нациями-государствами — даже Испания, которая для некоторых ее жителей представляется многонациональным государством (большинство все же воспринимает ее как мононациональное государство). Лишь для Австрии, где немалое число граждан отождествляло себя с Германией, мононациональный характер государства может быть поставлен под сомнение. Включение в анализ таких стран как Чехословакия и многонациональная Югославия межвоенных лет показывает значение культурных и языковых конфликтов в кризисе демократии; правда, в случае Чехословакии

будет нелегко разделить факторы внутренней напряженности и внешнего давления, которые привели к Мюнхену и отделению Словакии, а затем — к утрате и демократии, и независимости¹⁹.

Следует ли рассматривать режимы, которые являются предметом нашего анализа, как соревновательные демократии, или же их следует классифицировать как демократические режимы особого типа? Главы, посвященные некоторым латиноамериканским странам, четко определяют характеристики их демократических институтов (особенно способы их функционирования), которые отличают их от давно сформировавшихся демократий Западной Европы и даже от европейских "демократий в пути". Фактически Александр Уайлд предлагает пользоваться модифицированным и менее строгим определением демократии, в котором учитывались бы некоторые общие характеристики соревновательных политических институтов и те любопытные формы, которые могут приобретать такие институты. К сожалению, содержательного и общепринятого определения соревновательной демократии, равно как и общепринятой меры степени демократии не существует. Широко принято лишь различие между демократией, основанной на власти большинства, и демократией, которую Люпхарт назвал "консоциативной"²⁰. Однако в нашем анализе нет ни одной подлинно консоциативной демократии: ни одна из них практически не испытала крушения своих институтов. Это заставляет предположить, что сам политический механизм, описываемый термином "консоциативная демократия", может оказаться весьма эффективным в преодолении напряженных ситуаций, которые в иных обстоятельствах могли бы поставить под угрозу демократические институты. Несомненно, что те демократии, которые обычно считаются консоциативными (Нидерланды, Бельгия, послевоенная Австрия, Ливан до его распада), обладают многими общими характеристиками, благоприятствующими стабильной демократии.

Подводя итоги, можно сказать, что данный анализ приложим лишь к демократическим режимам в сложив-

шихся нациях-государствах, достигших независимости или определенной политической автономии задолго до кризиса режима. Кроме того, все рассматриваемые здесь демократии основаны на власти большинства, а не на сложных механизмах социально-групповых отношений.

Мертворожденные или осажденные демократии

Очень важно, может ли наша модель распада строя основываться на анализе режимов, установившихся лишь незадолго до наступления кризиса, который привел к их падению; ведь тут может случиться, что речь пойдет о распаде общественной консолидации, а не крахе демократического режима²¹. Могут сказать, что такая модель неприложима к режимам, удовлетворяющим требованию постоянства структур, которое сформулировал Г. Экштейн, в особенности к стабильно существующим в течение нескольких поколений, т.е. к Англии, Швейцарии, скандинавским странам, Бельгии, Нидерландам, даже Франции²².

Это нельзя игнорировать, и нам придется вернуться к этому вопросу, говоря о возможности веры в законность демократических институтов как фактора, повышающего вероятность устойчивого существования демократии. Говоря тавтологически, стабильность сама по себе рождает стабильность. Старые демократии некогда были молодыми, им угрожали те же опасности, которые угрожают всем новым демократиям, даже если в те времена развитие истории шло медленнее (такие доводы могут встретиться) и было связано с сохранением непрерывности традиционных институтов и элит. Таким образом, тогдашним демократиям противостояли правители, у которых было меньше проблем, и проблемы эти были полегче. Кроме того, у некоторых старых демократий было то преимущество, что они были малыми и относительно процветающими странами — в некоторых частях Европы, например²³. Историки и социологи уже обращали внимание на неповторимость обстоятельств, в которых происходило в этих странах преобразование традицион-

ных политических систем в современные демократии. Можно, однако, возразить, что там, где эти неповторимые обстоятельства и медленное развитие, ведущие к демократии, не имели места (даже до Великой французской революции), вероятность консолидации демократии была значительно ниже.

Однако и там, где низвергнутые ранее демократические режимы были восстановлены лишь недавно (Португалия, Германия, Австрия, Испания), либерально-демократические процессы происходили и развивались в течение полувека, а то и долее, в рамках конституционных или полуконституционных монархий. В Италии конституционная монархия была учреждена одновременно с созданием нации в процессе Рисорджименто (воссоединение Италии. — Примечание переводчика); затем начался процесс демократизации, ускорившийся (как и во многих более устойчивых демократиях) в первые десятилетия XX века, в особенности после первой мировой войны. Страны Латинской Америки, несмотря на отклонения от идеала (олигархии, ограниченные демократии, периоды авторитаризма), идеологически крепко привержены либеральной демократии — ни одна форма законодательной власти не имеет столь широкого круга сторонников. Верно, что в ряде этих стран значительные интеллектуальные меньшинства отстаивали другие формы политического устройства, но огромное большинство предпочитало легалистские, рационалистические, демократические формы. Лишь в Германии в канун установления демократии в 1918 г. консервативная, анти-демократическая идеология имела многочисленных и хорошо организованных сторонников в значительных общественных группах.

Подводя итоги, можно сказать, что в рассматриваемых странах демократия как таковая не была чем-то новым, и в большинстве случаев ей не приходилось сталкиваться еще до наступления кризиса с широкой враждебностью, хотя бывало и так, что некоторые демократические режимы или поддерживающие их силы, сложившиеся лишь за несколько лет до падения демократии,

попадали под обстрел. Могут возразить, что зачастую такие атаки были первоначально направлены не против самой демократии, а против определенного аспекта, который стремились ей сообщить силы, создавшие и поддерживающие демократический режим. И действительно, готовность предоставить тем, кто предпочитал иной политический строй, больше реальных возможностей и определенных гарантий могла бы предотвратить их разочарование. Разумеется, не всегда можно отличить демократическую форму от ее сущностного содержания. То, что сначала рассматривалось как борьба с данной правящей властью, может быстро обернуться насильственным или манипулятивным переворотом против демократических институтов, который на целое поколение сделает восстановление этих институтов почти невозможным.

Несколько по-иному, но похоже ставят вопрос те, кто настаивает, что демократии, потерпевшие поражение или свергнутые, создавались в условиях, в которых их успех был весьма мало вероятен. Попросту говоря, они были мертворожденными. Разумеется, историки могут доказать, что обстоятельства, сопровождавшие рождение нового режима — структура общества, скрытые социальные конфликты, институциональное и идеологическое оформление прежних режимов — были таковы, что если новые демократические правители не могут уже на начальном этапе преобразовать общество, любой серьезный кризис будет иметь разрушительные результаты. Это особенно часто отмечается в связи с Веймарской республикой и звучит еще более убедительно в отношении многих стран Латинской Америки²⁴. Практически теоретики "зависимости" считают решение социальных проблем необходимой предпосылкой стабильности режима. Б. Мур на широком историческом фоне развивает тезис, что если общество не прошло этап коренной социально-экономической революции, в особенности в сфере аграрных отношений и в экономической системе (что ассоциируется с великими политическими революциями на Западе), у демократии нет никаких шансов на выживание²⁵.

Несмотря на сказанное выше, мы настаиваем, что процесс крушения демократий невозможно объяснить этими факторами. Есть страны, где демократия переживала продолжительные периоды стабильности, несмотря на все эти первоначальные противопоказания²⁶. Поэтому невозможно сказать, что такие демократии были мертворожденными, даже если согласиться, что у них были некоторые врожденные дефекты или периоды перерывов в консолидации. Предшествующие условия могут (и мы это покажем) ограничить способность режима справляться с кризисами, но само крушение невозможно объяснить, не обратив внимания на политические процессы, происходившие после установления демократии. Нельзя недооценивать факторы, благоприятствовавшие демократии при предшествовавших ей авторитарных или полудемократических конституционных режимах, дискредитации или неудач этих режимов, энтузиазма и надежд, порожденных новыми режимами. Ни один режим не пользуется полной поддержкой всех граждан. Согласно типологии авторитетности режимов, разработанной Р. Роузом, лишь немногие режимы обладают полной легитимацией или являются полностью насильственными — большинство их относится к промежуточным категориям²⁷. Поэтому вопрос состоит в том, что же вызывает выход режима за пределы его функционирования так, что он становится разрушительным или полунасильственным, что завершается отказом в поддержке ему значительных (или критически мыслящих) слоев населения?

Перефразируя это, можно сказать, что только демократии, пользующиеся значительной поддержкой людей в течение длительного периода времени, имеют хорошие шансы избежать крушения и отвержения; но такая гипотеза была бы почти тавтологией, и к тому же чрезмерно пессимистичной. Наша гипотеза состоит в том, что изучаемые здесь демократические режимы в той или иной момент имели неплохие шансы выжить и полностью укрепиться, но определенные характеристики и действия соответствующих участников событий (институтов и от-

дельных лиц) снизили вероятность такого развития. Наш анализ показывает, что эти действия шли по схеме, которая с различными видоизменениями повторяется в ряде обществ. Повторение той же или сходной схемы крушения демократии может стать поводом для детерминистских толкований. Поэтому мы хотим подчеркнуть вероятностный характер нашего анализа и отметить, что на любой стадии процесса крушения вплоть до самой последней остаются шансы (хотя они и уменьшаются) спасти демократию. Здесь можно припомнить замечание великого немецкого историка Мейнеке после того, как он услышал о назначении Гитлера канцлером: "Это не было неизбежным"²⁸. Можно попытаться определить для каждого поворота истории и для каждого режима факторы, способствующие его выживанию, но даже при самом тщательном сравнительном исследовании немногие специалисты пришли бы к согласию по поводу степени вероятности каждого случая.

Социально-экономические изменения как фактор укрепления демократии

Другое предположение, вытекающее из нашего анализа и выдвигаемое на обсуждение, состоит в том, что различные политические процессы, общие для соревновательных демократий, оцениваются значительными группами общества и осуществляются этими группами. Противоположное допущение состояло бы в том, что демократические институты имеют ценность только до тех пор, пока они проводят политику, удовлетворяющую их сторонников. Иными словами, приверженность какой-либо политической системе существует лишь до тех пор, пока она гарантирует непрерывность (или возможность изменения) некоего социального (или социально-экономического) устройства. С этой точки зрения, демократия — средство, а не цель. Если люди обнаружат, что их цели не могут быть достигнуты через демократические институты, демократическая система будет отброшена. Сторонники такого взгляда обычно имеют в виду

социально-экономический строй, но то же можно предположить и для принятых рамок в сфере культуры, религии или международных отношений.

Разумеется, это крайности, не соответствующие какой-либо конкретной исторической реальности. Если легалистская, рационалистическая, демократическая власть (по Веберу) требует верности независимо от содержания, которое придает этой власти демократический процесс в политике²⁹, то и традиция "естественного права" и социологизированный анализ (по Шумпетеру) подчеркивают, что никакая демократия не может основываться лишь на абстрактных претензиях на законность³⁰. Однако мы столь же решительно отклоняем предположение, что режим какого-либо типа есть выражение данного социально-экономического, культурного или религиозного устройства вещей или средство защиты такого устройства. На самом деле, демократия — тип политического устройства, который позволяет осуществлять в нем перемены без немедленных перемен в области политики и дает возможность политическим руководителям всех сфер общественного устройства обладать значительным влиянием. Понятно, что "здесь и сейчас", в краткосрочной перспективе, можно лишь аналитическим путем отделить политический режим от данного общественного устройства или от специфических политических процессов, навязывающих перемены. В более длительной перспективе демократия может служить многим целям, меняющимся во времени, может отстаивать и поддерживать создание различных социально-экономических устройств. Следовательно, демократическая система способна в принципе собрать под свои знамена массы людей, преследующих цели, весьма меняющиеся во времени. Лишь в краткосрочной перспективе или в "игре с нулевой суммой" и в случаях, когда на конфликт в обществе смотрят по принципу "кто кого" (оба случая — точные характеристики экстремизма), различие между поддержкой демократии и поддержкой какой-то особой концепции общественного устройства действительно становится невозможным и лишенным смысла.

Экстремистская политика — следствие напряженности в общественной структуре, и в некоторых обществах при определенных исторических обстоятельствах в нее могут вовлечься значительные группы населения. Однако такая возможность, как правило, отражает поражение демократического руководства. Сама по себе демократическая система ничего не порождает. Мы полагаем, что вряд ли стоит безусловно поддерживать демократию, независимо от ее политики и результатов этой политики для различных групп общества; но не следует ее поддерживать или угрожать ей только потому, что она отождествляется с определенным социальным или социально-экономическим устройством³¹. Аналитически можно выделить четыре различных ситуации в зависимости от уровня легитимации, который присваивает большинство населения институтам политической демократии и социально-экономической системе, отстаиваемой или создаваемой этими институтами. Понятно, что идеальный случай — когда весьма значительное большинство считает легитимными и политические институты, и социально-экономическую систему; когда общественное устройство не воспринимается как несправедливое и когда разумные перемены не рассматриваются как угроза тем, кто пользуется привилегированным положением при существующем строе. Когда и институты, и система представляются незаконными, вряд ли можно ожидать стабильности режима или общества, разве что насилие будет применено в широких масштабах. Большинство обществ пережило перемены режимов, когда они распадались в промежуточных ситуациях нашей типологии: когда или институты или общество утрачивали легитимацию. В таких случаях возникает сложная система взаимодействий и обратных связей между политической и общественной системами.

Трудно в точности указать, в какой мере враждебность к данному общественному устройству (или, наоборот, яростное отстаивание его) способствовали кризису политической системы. Насколько ослабление или утрата легитимации политического устройства

усиливали экономические и социальные трудности, следует определять отдельно в каждом данном случае. Однако для целей нашей теории важно подчеркнуть, что аналитически эти процессы следует отличать друг от друга, хотя в действительности они могут происходить одновременно³². При таких допущениях приводимый здесь политический анализ исторических процессов крушения демократии может быть в большей или меньшей степени релевантен в каждом из этих случаев, но в какой-то степени он будет релевантным наверняка. Ограничения, налагаемые на значительные группы общества незаконностью существующего общественного устройства или переменами, которые это устройство испытывает, повлияют на возможности создания или защиты демократических политических институтов; возможно, это ограничит (но ни в коем случае не отменит) выбор вариантов действия для действующих лиц на политической арене. На самом деле в таких обстоятельствах укрепление законных политических институтов становится еще более важным делом для обеспечения непрерывных, медленных, но ненасильственных социальных изменений. Быстрые революционные перемены в обществе, вероятно, несовместимы с демократией; и радикалы, и консерваторы согласятся, что, так или иначе, выбирать можно лишь один из этих вариантов. Не случайно, что действующие лица политического спектакля, которые весьма негодуют по поводу несправедливостей общественного строя, нередко готовы поставить под угрозу устойчивость демократического порядка: это для них меньшая ценность, нежели социальные перемены. В этом — источник двойственного отношения многих социалистов (в особенности марксистов) к политической демократии³³. Двойственная или нерешительная политика социалистических вождей, связанная с таким отношением, была важным фактором крушения демократии во многих странах — в Италии, Австрии, Испании, Чили и, в меньшей степени, в Германии. Радикальные критики существующего общественного строя или (что одно и то же) культурного или религиозного устройства могут до-

казывать, что если в краткосрочной перспективе демократия не может служить инструментом решительных социальных перемен, то она не заслуживает лояльности с их стороны. Они могут не распознать, что альтернатива здесь — не революционные перемены, навязанные обществу авторитарным путем, а медленный попятный процесс перемен в условиях свободы и компромисса и наступление контрреволюционной авторитарной власти.

Наш анализ, в основном рассматривающий действия демократических лидеров, которые повышают или снижают вероятность крушения демократии, связан с допущением, что эти лидеры, во всяком случае в краткосрочной перспективе, должны ценить прочность демократических институтов столь же высоко (а то и выше), как достижение прочих целей. Не все могут согласиться с таким допущением, и не все обязаны соглашаться, но, независимо от согласия, мы полагаем, что теоретически целесообразно попытаться изучить проблему крушения демократических режимов с этой точки зрения³⁴.

II

ФАКТОРЫ КРУШЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ

Революция и крушение демократического режима

Приходящие к власти после сокрушения демократии нередко говорят о "революции", претендуя таким образом на ореол легитимности и символику этого понятия. Однако большая часть этих так называемых революций — это скорее военный переворот или полу- (или псевдо-) законная передача власти, нежели насильственная перемена власти, переименование власти, а не ее захват¹. Есть, однако, исключения. В Испании гражданская война 1936-1939 гг. была весьма похожа на события, последовавшие за падением царского режима, за падением монархии в Китае, колониального режима во Вьетнаме и других странах третьего мира. Использовать термин "революция" в смысле коренного изменения общественного строя неверно, так как сокрушение демократии большей частью носит контрреволюционный характер, ибо оно направлено на воспрепятствование радикальным переменам общественного строя, хотя контрреволюция нередко завершается весьма решительными переменами. Неприложимо здесь и понимание революции в узком смысле — как перемен, вдохновленных левой идеологией, ибо ни одна из относительно устойчивых демократий не пала от атаки слева, хотя попытки революции слева, а чаще — просто разговоры о такой революции, были решающим фактором кризиса и крушения демократии в Италии, Испании, Чили и — в меньшей степени — в Германии. Успех великих революций XX века против традиционных, авторитарных, колониальных режимов — был во многом следствием дезорганизации и делегитимации так называемого истеблишмента вследствие внешних войн и поражений². Может быть, лишь резкие перемены после краха германской демократии в 1933 г. и последовавшее за ним тоталитарное преобразование общества под властью нацис-

тов могут быть в каком-то смысле названы революционными³. Испанская левая революция, вызванная военным мятежом против республики, была, в конечном счете, сокрушена силами контрреволюции. Поэтому, хотя крушение демократического режима и революция иногда совпадают во времени, эти два явления могут и должны изучаться отдельно, если только мы не будем расширять понятие революции до неузнаваемости.

Как будет показано ниже, политическое насилие — и показатель, и фактор, способствующий крушению демократии; но грань между причиной и следствием размыта. В ряде случаев, рассматриваемых в настоящем исследовании, уровень насилия, имевшего политические последствия, был сравнительно невысок, даже если принять во внимание искаженное восприятие насилия и низкий порог терпимости к насилию, принятый в данном обществе. Разумеется, изучение политического и социального насилия имеет важнейшее значение для нашей проблемы, но теории об уровне и характере насилия недостаточно разработаны, чтобы с их помощью объяснить крушение режимов; такие теории можно использовать для объяснения одного из факторов, способствующих их крушению⁴. Необходимо изучение возникновения, составных элементов и причин коллективного и индивидуального насилия в демократическом обществе, находящемся в кризисе; еще более необходимо исследовать, как в наше время воспринимают насилие различные элитные группы общества и как они реагируют на него. Для изучения этих групп (в особенности, правых активистов) следует применить методы, разработанные французскими историками. К сожалению, в аналитических работах деятельность этих активистов нередко упускают из виду⁵.

В прошлом демократическим режимам, обретшим определенную стабильность, могли угрожать противники, убедившие важные общественные группы сменить лояльность правительству на приверженность им. Противники режима подрывали его авторитет, демонстрируя неспособность властей поддерживать порядок и вынуждая их прибегать к неосторожному, произвольному, огульному

применению силы, что нередко приводило к еще большей утрате правительством поддержки общества. Однако в современных обществах правительства, сталкивающиеся с такой угрозой, могут рассчитывать на верность многих граждан, а также на свой аппарат, чиновничество, полицию и армию (разумеется, если они намерены активно поддерживать свою приверженность законному правительству). В таких обществах нелояльная оппозиция старается избежать прямой конфронтации с правительством и его аппаратом и стремится сочетать незаконные действия с формально законным процессом смены власти. В таком процессе нейтралитет или помощь со стороны армии (или ее части) становится решающим фактором. В XX веке произошло меньше революций, начатых широкими слоями населения, чем в XIX, и в современном государстве они, как правило, были обречены на поражение. Этот урок учли и коммунисты, и нацисты. Сочетание незаконных акций и легальной передачи власти, примененное Муссолини, было новой моделью свержения демократии⁶. Похоже, что в современном стабильном государстве лишь прямое вмешательство армии может свергнуть режим. Возможно, поэтому, несмотря на революционное возбуждение масс, вызванное левыми партиями, и на их частичные успехи, ни одна из демократий, крушение которых мы изучаем, не была свергнута революцией или передачей власти левым партиям. Чехословакия 1948 г. была единственной демократией, свергнутой коммунистами, но и в этом случае трудно отделить внутренние процессы, пусть даже напоминающие крушения демократий, которые нам предстоит изучить, от влияния Советского Союза⁷. Результатом крушения демократических режимов обычно бывает победа политических сил, определяемых как правые, хотя этот термин подчас неточно характеризует их политику после захвата власти. Это не означает, что во многих случаях левые не играют решающей роли в ослаблении демократических правительств и в их свержении.

Легитимность, дееспособность, эффективность демократии и ее свержение

Наш анализ начинается с предположения, что находящееся у власти правительство получило эту власть в результате демократических свободных выборов и потому требует послушания от граждан в пределах своих границ, и существует высокая степень вероятности, что они согласятся быть лояльными. Лояльность может быть вызвана самым широким спектром причин — от страха наказания до подлинной поддержки, основанной на уверенности, что правительство имеет право требовать лояльность⁸. Разумеется, большинство подчиняется по привычке или расчету. В принципе, однако, демократические режимы имеют гораздо более широкую основу. Их поддержка больше, чем поддержка режима любого иного типа зависит от воплощения в жизнь решений, основанных на нормах коллективного сознания. В спокойные времена привычка и рациональный расчет могут обеспечить лояльность, но в кризисных ситуациях, когда общественные группы бросают вызов правительству или когда решения правительства имеют для многих граждан нежелательные последствия, привычки и расчета недостаточно. Тем более это справедливо, если властям приходится применять силу, что означает требовать от людей рисковать своими жизнями или отнимать жизнь у сограждан для защиты политического строя.

Макс Вебер определяет это следующим образом: "Привычки, личная выгода, мотивы, связанные с чувством или идеалами солидарности, не создают достаточно надежной основы для данного типа правления. Как правило, нужен еще один элемент — вера в законность"⁹. Как говорил один демократический лидер, "самое эффективное средство поддержания законности — не полиция, пенитенциарная система или национальная гвардия, а вы. Это укоренено в вашей решимости принимать законы, с которыми вы не согласны, так же, как и законы, с которыми вы согласны"¹⁰. Вера в законность правительства обеспечивает ему возможность навязывать гражданам

свои решения. Разумеется, ни одно правительство не обладает легитимацией такого рода от всех граждан, но ни одно правительство не может выжить без доверия значительной части граждан, и еще большей части тех, кто контролирует армию. Демократические правительства в большей или меньшей степени нуждаются в таком доверии, во всяком случае — со стороны большинства граждан. Как правило, законность демократического правительства признают даже те, кто находится в оппозиции (именно это обозначается термином "лояльная оппозиция"). Как минимум, признание легитимности есть вера в то, что существующие политические институты, несмотря на их недостатки и промахи, лучше, чем какие-либо альтернативы, и потому вправе требовать послушания. В конечном счете это означает, что когда конституционные правители требуют лояльности, а альтернативные политические группы ставят это требование под сомнение, граждане свободно выберут подчинение властям. Говоря более точно, законность демократического режима основывается на вере в право тех, кто законно пришел к власти, отдавать определенные типы приказов, ожидать подчинения этим приказам и проводить их в жизнь, если нужно — с применением силы. "При демократии граждане свободны не соглашаться с законом, но не нарушать его, ибо под управлением законов, а не людей, никто, как бы знаменит или могуществен он ни был, ни толпа, как бы разрушительна и возбуждена она ни была, не вправе ниспровергать законы"¹¹. Эта вера не требует ни согласия с содержанием принятой нормы, ни поддержки какого-либо данного правительства; однако она требует принятия обязывающего характера нормы и основанного на ней права отдавать приказы до тех пор, пока существующий режим не изменит норму. При демократии такое изменение предполагает, что правительство контролирует процессы, не прибегая к силе и соблюдая конституционные процедуры, т.е. в свободном соревновании за получение мирной поддержки со стороны большинства граждан, при законных формах воздействия на них и использовании конституционных механизмов для контроля за решениями

правителей. Доверие правителям предполагает, что правители, столкнувшись с сопротивлением и законными требованиями ухода, не будут пытаться удержать власть незаконными средствами. Таким образом, демократическая легитимация требует, чтобы правил игры придерживались и большинство имеющих право голоса, и власти; она требует также веры граждан в то, что правительство сознает свою обязанность защищать их.

В каждом обществе есть отрицающие легитимность какого бы то ни было правительства, приверженцы альтернативных формул легитимности¹². Уровень и интенсивность признания гражданами законности решения могут колебаться в широких пределах, однако для демократических режимов признания их легитимности большинством населения и даже большинством избирателей недостаточно для стабильности. Особую важность имеет вера в законность решения тех, кто непосредственно контролирует вооруженные силы. Однако вряд ли можно предполагать, что армия обратит оружие против правительства, если значительная часть общества не разделяет ее недоверие режиму, а остальные по меньшей мере равнодушны к конфликтам между претендующими на народное доверие¹³.

Каждый член общества может изменить свое мнение относительно законности правительства. Понятия легитимности не существует вне поступков и мнений отдельных лиц. Поэтому само сохранение режима говорит о его большей или меньшей легитимности. Рост или спад уровня поддержки правительства, лидеров, партий и политической практики могут быстро меняться; но вера в демократическую систему остается постоянной. Существует явное взаимодействие между поддержкой режима и поддержкой действующих партий; именно этот показатель при отсутствии других используется как косвенное свидетельство легитимности режима, которое выясняется в результате выборов или опросов общественного мнения. Следовательно, при демократическом режиме утрата поддержки действующими на политической арене лицами может привести к эрозии легитимности, тогда как широкая поддержка, оказываемая

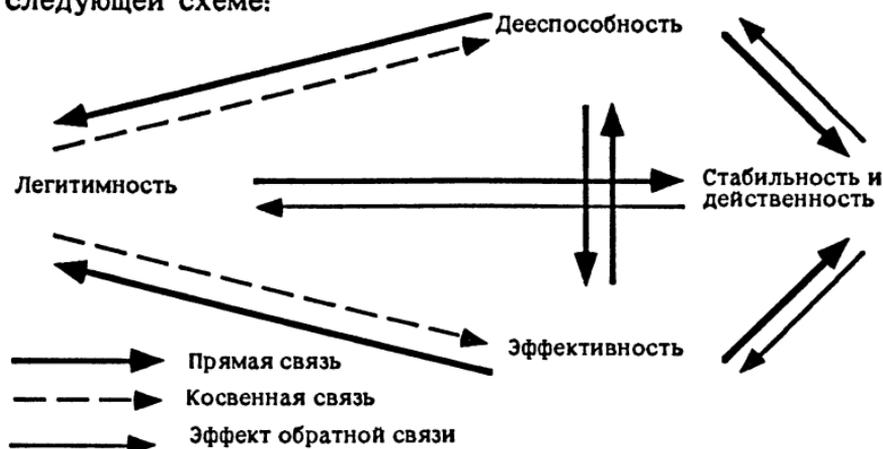
правительству, в особенности, если эта поддержка выходит за пределы электората, может усилить легитимность режима¹⁴.

Почему люди верят в законность демократических институтов? На это так же трудно ответить, как и на вопрос, почему люди верят в данные религиозные догмы, ибо здесь, как и в случае с религиозной верой, уровни понимания, скептицизма и веры широко изменяются во времени и среди различных групп общества¹⁵. Решающую роль играет, несомненно, уровень политической социализации, и это создает преимущества для устоявшихся демократических режимов, так как сопутствующие им система образования, средства массовой информации и высокая культура делают демократический идеал понятным и общераспространенным. Как и в случаях других социальных верований, главная роль в составлении, разработке и распространении формул легитимности принадлежит интеллигенции. Влияет здесь также нечто, называемое немцами *Zeitgeist* (буквально — "дух времени") — чувство, выходящее за пределы государственных границ, что данный тип политической системы особенно желателен или особенно сомнителен. Это чувство усиливает или ослабляет положительное (или, соответственно, отрицательное) восприятие опыта более сильных государств и народов, преуспевших при режиме данного типа. В годы между мировыми войнами на *Zeitgeist* глубоко повлиял успех фашистской Италии, а позднее — нацистской Германии. Это способствовало ослаблению чувства легитимности демократии во многих странах. Как заметил Вебер, ни один тип легитимации ни в одном обществе не существует в чистом виде. Большинство людей лояльны режиму вследствие сложного комплекса верований. Поэтому легитимация демократии нередко усиливается, становясь своего рода традицией, и личная привлекательность демократических лидеров, верных принципам демократии, способствует укреплению ее институтов¹⁶.

Следовательно, наше "минималистское" определение легитимности носит относительный характер: законным считается такое правительство, которое представляется

наименьшим злом среди возможных форм правления. В конечном счете, демократическая легитимация основана на вере, что для данной страны в данный момент истории ни один режим иного типа не может обеспечить более успешного достижения коллективных целей¹⁷.

В этом пункте важное значение приобретают еще два параметра, характеризующие политическую систему, — ее дееспособность и эффективность¹⁸. С течением времени оба эти параметра могут укрепить, усилить поддержать или же, наоборот, ослабить веру в легитимность системы. Однако эти параметры отнюдь не тождественны и связь между ними не носит линейного характера, ибо их восприятие нередко осложняется предшествующими всякой оценке понятиями о лояльности. Понятие легитимности, во всяком случае, в течение определенного времени работает как составляющая, усиливающая положительные значения обоих параметров (какими бы эти значения ни были). Это понятие подтверждает эффективность режима, даже если у системы отсутствует желательная дееспособность, и конечный итог становится еще более ясным: режим способен выполнять свои функции и относительно стабилен. Если показатель легитимации (разность положительных и отрицательных оценок режима различными группами населения или важнейшими его группами) близок к нулю или отрицателен, потери обоих параметров суммируются. Это может быть показано на следующей схеме:

Чем больше положительные значения каждой из связей (во времени), тем выше стабильность и действенность системы. Правда, мы не знаем, каков вклад каждого рода связи в конечный показатель. Поэтому мы не знаем, насколько сильна каждая линия связи, обозначенная на графике стрелками. Стороннему наблюдателю может показаться, что разные режимы имеют один и тот же уровень успеха (или неудачи) в решении проблем, но те, кто первоначально пользовался разной оценкой легитимности, по-разному ощущали и последствия своей деятельности. Вследствие этого, когда режим сталкивается с серьезным кризисом, большое значение приобретают обстоятельства, при которых он был установлен и проходил первичную консолидацию. В свете этого, особые исторические обязательства создания Веймарской республики и ее первые неудачи могут считаться причиной ее крушения, которого не удалось избежать, несмотря на то, что в середине 20-х годов этот режим добился значительных успехов.

Члены общества (сегодня это большие человеческие коллективы) предоставляют политическую силу властям данного режима, чтобы добиться удовлетворения своих материальных и идейных интересов. Никто не может отрицать, что правящие круги будут следовать своим собственным материальным и идейным интересам, но вряд ли они сохранят легитимацию, если будут следовать только своим интересам или же если следование этим интересам будет происходить за счет широких слоев общества. Условия выборной демократии дают возможность изменений. Отсюда для руководства возникает необходимость демонстрировать, что оно следует приемлемым для большинства целям, не слишком подавляя при этом своих оппонентов, даже если эта снисходительность оказывается тяжелым бременем для определенных (незначительных) групп общества. Разумеется, общество в целом реагирует на политику правителей не как объективный эксперт-наблюдатель. Успех правителя больше зависит от его умения убедить общество, что он действует в его интересах (даже если это не сов-

сем так). Однако, безусловно, людей можно обманывать лишь какое-то время, но не бесконечно.

Хотя теоретически интересы общества (или, во всяком случае, его большинства) являются мерой успеха режима, уровень организации и сознания различных слоев общества, как показал Манкур Олсон, весьма неодинаков¹⁹. Особое значение приобретают интересы и уровень их осознания наиболее организованными группами общества. Кроме того, о правительствах, как о фирмах, судят не в краткосрочной перспективе, особенно если его институты и руководство пользуются доверием, т.е. признаются легитимными. Анализ полезности по Парето показывает, что полезное для коллектива не совпадает с пониманием полезности отдельными членами коллектива: следует принимать во внимание прямую и косвенную пользу, пользу в кратко- и долгосрочной перспективе и т.п. Все это весьма затрудняет даже для стороннего объективного наблюдателя суждение, в какой степени данное демократическое правительство дееспособно и в то же время ответственно перед избирателями. Вдобавок, проблема нередко осложняется дискуссиями о том, должно ли правительство быть ответственным перед всеми избирателями или оно должно действовать в соответствии с решениями, принятыми в демократическом порядке членами правящей партии, т.е. работать, подчиняясь давлению внутрипартийной демократии. Кроме ответственности перед избирателями в целом и перед членами партии, демократическое правительство не может игнорировать требований ключевых и хорошо организованных групп интересов, так как утрата их доверия может оказать еще более существенное влияние на ход дел, нежели поддержка избирателей. Приведем пример: политика, которая вызывает недоверие деловых кругов и приводит к оттоку капиталов из страны, даже если ее поддерживает большинство избирателей, может создать серьезную опасность для режима.

Поскольку существует взаимозависимость между государством и обществом, еще одним определителем

дееспособности принятой политики становится реакция главных действующих лиц в международной политической и экономической системе. Все это указывает на сложность теоретического и эмпирического определения дееспособности правительства или режима. Разумеется, режимы и правительства должны служить коллективным целям, однако обширная литература относительно функций государства показывает, что эти цели отнюдь не являются содержанием некоего фиксированного соглашения²⁰. Они обусловлены исторически, и в каждый момент времени определяются политическим руководством и самим обществом, прежде всего его организованными силами. Они представляют собой постоянно меняющийся вызов режиму. Именно разъяснению этих целей посвящена литература о революциях, т.е. о смене ожиданий, о проникновении институтов одного общества в другое или о распространении принятых международных стандартов эффективности. Ученые-социологи под впечатлением несомненной важности для современных обществ экономической и социальной политики пренебрегают некоторыми основополагающими функциями любой политической системы, как в прошлом, так и в настоящем, а именно проблемами поддержания общественного порядка, личной безопасности, судами и арбитражем в конфликтных обстоятельствах, минимальной предсказуемостью принятия и выполнения решений. Многие режимы пали из-за неумения найти решения на этом уровне, а не из-за более сложных проблем.

Следовательно дееспособность, "находчивость" обозначает способность режима найти решение базисных проблем, стоящих перед любой политической системой (включая не просматривающиеся в какой-либо специфический момент истории); при этом такие решения должны оцениваться сознательными гражданами достаточно удовлетворительно. Однако многие остаются нейтральными или безразличными к политике, и потому восприятие и оценка дееспособности режима осложняется незнанием того, как повлияет это восприятие на ста-

бильность режима. Кроме того, как отметил Роберт Даль, вопреки демократической догме "один человек — один голос", невозможно не учитывать различий в интенсивности реакции людей на политику²¹. В особенности это важно, когда речь идет о реакции важнейших социальных групп или институтов; согласно теории "чистой" демократии, политик не должен принимать эти соображения во внимание, однако практически это самое главное в принятии решений. К счастью, способность режима находить решения оценивается не по действиям данного правительства в короткий отрезок времени, а как сумма его действий в течение длительного периода и в сравнении с другими правительствами, деятельность которых знакома тем или иным группам в обществе.

В этом особая трудность для новых режимов, сталкивающихся с серьезными проблемами в период консолидации и не могущих ссылаться на прошлые достижения как на доказательство временного характера неудач. Дело осложняется особенно, если у прежнего режима были достижения, которыми могут гордиться его сохранившиеся сторонники²². Новизна — недостаток, который приходится преодолевать, хотя сама динамика смены режима предполагает, что крушение прежнего режима было вызвано утратой им легитимации, и это укрепляет представление о законности нового правительства. Однако в краткосрочной перспективе процесс консолидации может натолкнуться на утраты в дееспособности или на несоответствие надеждам и привести к падению легитимности еще до достижения консолидации. При графическом изображении таких изменений в современных обществах сочетания кривых будут весьма разнообразными, хотя имеется некая общая их форма. Отто Кирххаймер отмечает, что первые конституирующие политические действия нового режима являются решающими для его консолидации²³.

Отсюда — важность формулировок первоначальной программы действий нового режима, ее предпосылок для различных общественных групп и последующих сдвигов в уровне и интенсивности легитимации, пре-

доставляемой ему обществом. Составление такой программы находится в основном в руках лидеров. Руководство может также сформулировать такие решения проблем, которые помогут избежать всевозможных разочарований и помешать мобилизации непримиримой оппозиции. Такая оппозиция на стадии закрепления будет выступать не только против правительства, но и против режима в целом. Жизненно важное значение приобретает сопоставление средств и целей — приемлемость использования определенных средств для достижения ряда целей и конфликт между различными целями. Это требует политической разведки, адекватной информации и честности при возможном конфликте между основными ценностями. В любом случае невозможно ожидать немедленных результатов, выгодных для определенных групп общества, ибо на данной стадии это трудно осуществимо. О дееспособности режима будут судить по итогам его деятельности, и подчас нейтрализация возможных оппонентов столь же и даже более важна, нежели немедленное удовлетворение ожиданий тех, кто дал легитимацию новому режиму.

В этом отношении демократические режимы сталкиваются с более трудными проблемами, нежели недемократические: результаты их политики очевидны для всех вследствие свободы критики и информации, а возможности манипулировать мнением общества ограничены. Используя формулу Альберта Гиршмана, можно сказать, что демократическое правительство должно продемонстрировать свои способности, "продавая идею реформ".²⁴ Если смена режима будет сопровождаться ожиданием того, что сбудутся и самые нереальные надежды, проблемы нового режима могут оказаться почти неразрешимыми. В итоге возникнет "эффект туннеля" (тоже выражение Гиршмана), когда удовлетворение ожиданий одних групп общества дает надежду другим, не получившим немедленного удовлетворения²⁵. В конечном итоге, грамотное составление программы действий, искусное руководство процессом "продажи идеи реформ", немедленные достижения какой-то части общества — все

это войдет в послужной список нового режима и делает проблему дееспособности более поддающейся решению, чем это казалось на первый взгляд.

Мы вернемся к этому вопросу позднее, когда будем обсуждать возможность решения проблем режима, а также то, как проблемы становятся неподдающимися решению и как это способствует крушению режима.

Таким образом, легитимность и дееспособность ("находчивость") — аналитически различные параметры, о соотношении между которыми в реальной обстановке известно очень мало. Как легитимность повышает дееспособность, в какой степени, в режимах какого типа и при каких различных уровнях легитимности дееспособность увеличивает уровень легитимации? Это важнейшие вопросы при изучении динамики режимов, однако до недавнего времени на эту тему почти не было сравнительных исследований²⁶.

Еще один параметр — эффективность режима; правда, его часто не отличают от дееспособности, ибо этот параметр находится на более низком уровне обобщения и его труднее отделить от легитимности. Эффективность — это способность осуществить намеченную политику с желательными результатами. Под эту концепцию подпадает и тот факт, что самые лучшие законы бесполезны, если их невозможно провести в жизнь. Несмотря на всеобщее согласие относительно целей и даже относительно средств, которые должны быть использованы, эти цели, а в особенности средства, могут оказаться недоступными и неэффективными, что может отсрочить достижение целей и вызвать сопротивление им. Здесь, пожалуй, больше чем при оформлении политики, играет роль разрыв между ожиданиями и их удовлетворением, т.е. проблема неудовлетворенности. Неэффективность ослабляет авторитет государства, а следовательно, — его легитимность. Неэффективность ставит под сомнение политику, которая считалась дееспособной. И здесь новый режим сталкивается со специфическими проблемами, ибо он еще не подобрал администрации, необходимой для проведения его политики.

На первом этапе его лидеры еще не располагают необходимой информацией. Первоначальный всплеск поддержки нового режима, дезорганизация и слабость рядов оппозиции ведут к недооценке сопротивления, с которым он может столкнуться. Кроме того, сознание собственной правоты пришедших на смену ненавистному режиму приводит к отрицанию даже справедливых доводов оппозиции, тем самым усиливая сопротивление ему. В Испании реакция социалистов на неудачи аграрной реформы, проводившейся в 1931-1933 гг. социалистическо-левобуржуазным правительством, — пример того, как неэффективность может расколоть коалицию, формирующую режим. В этом контексте важнейшим становится поддержание порядка в ходе выполнения решений. Позднее будет подробнее рассмотрен вопрос об этом особом типе неэффективности, неспособности навести порядок или осуществить легальные санкции против тех, кто обращается к насилию ради достижения политических целей²⁷. Как подчеркивают все исследователи, способность применения силы — высший критерий легитимности власти. Демократический лидер (а в сущности, любой лидер) должен быть способным заявить: "Моей обязанностью перед Конституцией и законами было и остается выполнять приказы законной власти любыми необходимыми средствами с минимальным применением силы и минимальным нарушением общественного порядка, какое позволяют обстоятельства, и быть готовым к выполнению этой обязанности любыми иными политическими или военными средствами, которые могут понадобиться"²⁸.

Все теоретики революции и в особенности сами революционеры соглашались, что неэффективное применение силы или отсутствие воли применить ее могут оказаться решающим фактором в переходе легитимности к оппонентам режима²⁹. Здесь весьма уместным становится решающий вопрос, поставленный Парето: "Как можно склонять людей, которые в противном случае остались бы нейтральными, к осуждению сопротивления со стороны властей, и тем ослабить это сопротивление; или же пы-

таться побуждать к этому сами власти — на это в наши дни мало шансов, разве если речь идет о тех, чей становой хребет отравлен ядом гуманности"³⁰. Неэффективность властей лишает их легитимности, в особенности те подразделения власти, чья обязанность — следить за соблюдением закона и защищать режим. Эта весьма сложная составная часть процесса крушения режимов будет подробнее рассмотрена далее.

Сочетание этих трех параметров создает типологию ситуаций, состоящую из восьми частей, которая будет подробнее рассмотрена на эмпирических примерах. При этом для каждого отдельного случая учитывались комплексные рамки как для всего общества, так и для отдельных его составляющих, а в ряде случаев и понимание этих параметров главными действующими лицами и политическими институтами. Анализ динамики режимов и их крушения — весьма сложная вещь.

Партийная система и неустойчивость демократии

Партийные системы в западных демократиях — результат длительного и сложного исторического развития; поэтому нелегко определить, в какой степени эти факторы повлияли на формирование различных типов партийных систем и прочных демократий. Несомненно, что те же структурные факторы, которые воздействуют на демократии, сотрясаемые кризисами, воздействуют и на экстремальные, поляризованные, центробежные, многопартийные системы. Однако партийные системы — результат воздействия не только структурных, но и институциональных факторов: законов о выборах, действий политических и социальных элит, распространения идеологий, *Zeitgeist* в тот период, когда устанавливалась демократия; эти системы можно рассматривать (отдельно и в различных комбинациях) и как факторы кризиса демократии. Именно в этом контексте партийные системы и конкуренция партий, определяющие демократическую устойчивость системы выборов (в особенности пропорциональное представительство), стали предметом дискуссий исследователей.

Двухпартийная система, если использовать практическое определение Джованни Сартори, была присуща лишь очень немногим демократиям³¹. Это США, Великобритания (кроме переходных периодов), а также Новая Зеландия (в узком определении). Сюда можно добавить Австралию и Канаду, которые функционируют примерно так же. На европейском континенте в XX веке двухпартийная система на парламентском уровне (но не на уровне выборов, в особенности региональных) существовала только в Испании до 1923 г. Ряд малых европейских демократий мог развиваться в двухпартийные системы, если бы в них сохранилась мажоритарная система выборов по округам, однако введение системы пропорционального представительства воспрепятствовало этому. Австрия, где ныне функционирует двухпартийная система, не имела ее в межвоенный период, в особенности около 1930 г. В Латинской Америке могут считаться двухпартийными системами Колумбия и Уругвай (последний ближе к этому определению). Вне западного мира какое-то время сюда относились Филиппины и Иран.

Если задать вопрос, в какой мере система соревнования двух партий способствовала стабильности демократии, то напрашивается положительный ответ, хотя Испания 1923 г. (с приведенными выше оговорками), Колумбия последние десятилетия, а с недавнего времени Уругвай и Филиппины показали, что двухпартийная система не предотвращает крушения демократии. Но в указанных случаях (а также для других стран Латинской Америки) следует учесть еще один фактор — президентскую систему.

Вероятно, неслучайно, что когда в двухпартийной системе идеологические расхождения и центробежные тенденции доходят до предела, она или рушится или пролагает путь к противостоянию, принимающему форму гражданской войны. Это произошло в Колумбии и в других странах Латинской Америки. Республиканская Испания, вследствие избирательной системы, дававшей большие преимущества крупным избиратель-

ным блокам, а следовательно, двум крупнейшим коалициям, тяготела к двухпартийной системе. Последствием этого, как отмечает Сартори, была весьма идеологизированная политика. В таких обстоятельствах широкая многопартийность, при всех ее издержках, становится способом выживания. Не случайно страх перед поляризацией склонил испанские кортесы в 1976 г. к пропорциональному представительству, а не мажоритарной системе; это оказалось сильнее страха перед партийным разбродом.

Страны европейского континента и Чили (наиболее устойчивая демократия Латинской Америки) были многопартийными системами, хотя и разного типа. Некоторые из этих стран с момента замораживания образования новых партий в годы первой мировой войны были умеренно многопартийными системами, выражаясь термином Сартори, т.е. имели менее пяти партий, которые могли формировать коалицию или шантажировать правительство. Это Бельгия и Ирландия (трехпартийные системы); Швеция, Исландия, Люксембург — четырехпартийные; Дания (четыре партии до 1950 г., далее — пять); Швейцария, Нидерланды, Норвегия — пять партий (в Швеции и Норвегии долгое время доминировали социал-демократы, соответственно с 1932 и с 1935 г.). Во главе всех этих стран стоят правящие коалиции с перспективой смены другой коалицией, без сколько-нибудь заметных партий, противостоящих системе (кроме Бельгии 30-х годов), причем все партии, входящие в кабинет, могут организоваться в оппозицию. Существует также однородная оппозиция. Для этих стран характерны: 1) относительно небольшие идеологические расхождения между партиями одного лагеря; 2) биполярное построение коалиции; 3) центристремительная конкуренция.

По-иному обстояло дело в Португальской республике, в Италии после первой мировой войны, в веймарской Германии, во Франции при Третьей и Четвертой республиках, в республиканской Испании, в Финляндии, Чехословакии, в балтийских государствах, в странах Восточной Европы и Балкан в промежуточные периоды демократии, в Чили перед падением Альенде.

Несомненно, сопоставление стран с умеренной, неполяризованной многопартийной системой со странами с огромным множеством партий приводит к заключению, что умеренно многопартийная система отождествляется со стабильной демократией. Лишь в Бельгии демократия близка к опасному состоянию: здесь есть пять партий, но 11,5% голосов получает фашистская партия "рексисты", а 7,1% — фламандские националисты.

Из тринадцати упрочившихся демократий с крайним множеством партий (оставляя в стороне Польшу, Венгрию и балканские страны) семь были жертвами крушения демократии по внутренним причинам; одна (Чехословакия) пострадала в результате сочетания внутренних и внешних факторов (1938 г.), две (Финляндия в 1930-1932 гг. и Франция в 1934 г.) были близки к крушению; Четвертая республика во Франции в 1958 г. избежала этой судьбы, пройдя период восстановления внутреннего равновесия. Сюда же можно отнести Чили 1973 г. Однако Италия после 1945 г. является архетипом многопартийной системы, избежавшей крушения демократии, хотя ее судьбу нередко можно охарактеризовать как "выживание без правительства".

Представляется ясным, что два основных типа многопартийных систем, выделенных Сартори, непосредственно влияют на стабильность демократии. Сартори верно отмечает, что сегментированная, крайне многопартийная система, когда партии размещаются более чем в "одном измерении" и не конкурируют друг с другом, поскольку у них есть точно определенный этнокультурный, территориальный или конфессиональный круг избирателей (например Израиль, Швейцария, Нидерланды), образует особую группу стран. Если не считать эти страны, то связь между нестабильностью и крайней многопартийностью становится еще более заметной. (Здесь нет ни возможности, ни необходимости привести весьма сложный анализ динамики широких многопартийных систем по типам: центробежный, поляризованный, идеологический.)

Поляризованный плюрализм — система из пяти или

более связанных между собой партий (т.е. партий, могущих вступать в коалицию или шантажировать власть), которая характеризуется следующими особенностями:

1. наличие партий, выступающих против системы и против легитимации режима;

2. крайние расхождения с оппозицией и внутри оппозиции (сотрудничество с оппозицией невозможно);

3. размещение в центре одной партии (христианские демократы в Италии) или группы партий (Веймарская республика в Германии);

4. поляризация по идеологическим мотивам;

5. преобладание центробежных сил над центростремительными в кругах избирателей;

6. идеологические структуры, основанные скорее на "форме мышления", нежели на прагматической ментальности дискутирующих партий;

7. наличие "безответственной оппозиции" (объясняется малой возможностью перемены правления), а не альтернативной коалиции; постоянное присутствие анти-системных партий в оппозиции, а также "полуответственная оппозиция" примыкающих партий, вынужденных конкурировать и с оппозицией, и с правящей коалицией;

8. политика "аукционных торгов".

Таковы динамические характеристики системы, которые могут стать факторами ее крушения: поляризация, центробежные тенденции, тенденция к безответственности и "торги".

Еще один способ изучить проблему — исследовать широкие многопартийные системы (по Сартори), которые долгое время сопротивлялись крушению: например, Третья республика во Франции, Четвертая республика (в течение многих лет), Италия после 1945 г. Факторы, обусловившие это развитие, отмечены в работе Джузеппе ди Пальма и самого Сартори³².

Несомненно, опыт недемократического правления и страх перед ним побуждают широкие круги избирателей поддерживать безопасный "центр", наилучшим образом гарантирующий выживание данной демократии, несмотря на ее малую эффективность.

Есть ли выход из динамики крайней, поляризованной, многопартийной системы? Сартори указывает (с ноткой скептицизма) на процесс возможной релегитимации партий, выступающих против системы. Для этого требуется, чтобы эти партии осуществили релегитимацию системы и ее партий в глазах собственных сторонников. Этот процесс должен быть явным, а не просто основанным на молчаливом понимании (то же отмечает ди Пальма). Даже если эти "антисистемные" партии стараются действовать таким образом, это не означает, что их оппоненты и даже их сторонники поверят релегитимации: нужен длительный период усилий обеих сторон. Центростремительные силы, действующие на невидимом уровне парламентского сотрудничества, местной политики, на компромиссе групповых интересов, системы клиентуры и протекции — все это может противостоять центробежным тенденциям и обеспечивать "выживание без правления". Однако, в конечном счете, это может и не остановить продолжительный процесс распада, в особенности в обстановке насильственных действий "антисистемных" сил обеих сторон политического спектра, а также перед лицом "неразрешимых проблем". Для нашего анализа важно, что сама по себе широкая многопартийность не является решающим фактором крушения демократии, но усиливает его вероятность. Пример Италии показывает, что система может прожить много лет без трагического исхода.

Чтобы приблизить крушение, "антисистемные" партии должны действовать как четко нелояльная оппозиция; примыкающие к ним партии должны быть полулояльными, а центр (партия или группа партий) — утрачивать силу, сталкиваясь с поражениями на выборах, с "неразрешимыми проблемами" или вследствие потери воли к власти. Сартори проанализировал, почему такие ситуации могут возникнуть в широкой многопартийной системе (отчасти вследствие динамики борьбы партий); наша задача — более конкретно показать, как идет этот процесс.

Нелояльная, полулояльная и лояльная оппозиции

Смена режимов происходит при перемещении легитимности от одной группы политических институтов к другой³³. Это является результатом действий одной или нескольких нелояльных оппозиций, которые ставят под сомнение необходимость сохранения режима и имеют целью его изменение³⁴. Эти оппозиции невозможно подавить или изолировать, в условиях кризиса они получают интенсивную и эффективную поддержку; с помощью различных средств они могут захватить власть или, во всяком случае, разделить людей по их приверженности так, что создается угроза гражданской войны. В некоторых особых обстоятельствах правители, избранные демократическим путем, столкнувшись с массовой нелояльной оппозицией (воспринимаемой именно так), оказываются способными модифицировать правила игры в условиях демократии и восстановить равновесие, чтобы создать новый режим. Так произошло во Франции при переходе от Четвертой к Пятой республике, а также в Финляндии в 30-е годы. Возможно также (это показывает пример Эстонии), что власть может попытаться спасти режим от прямой угрозы со стороны нелояльной оппозиции, повернув демократию в направлении к авторитаризму.

Ни один режим (и меньше всего демократический), позволяющий создание разных политических направлений и свободу слова для них, не обходится без нелояльной оппозиции. С другой стороны, в большинстве обществ существующий режим стремится заработать политические выгоды от колебаний или нейтралитета значительных общественных групп. Если ситуация не является кризисной, это позволяет изолировать и разоружить нелояльные оппозиции, которые обычно представляют незначительные меньшинства, приобретающие значение лишь в период крушения системы. Поэтому решающую роль в утрате власти демократическим режимом может играть скорее полулояльная оппозиция, которая может осуществить полу- или псевдозакон-

ную передачу власти. Полулояльность особенно трудно поддается определению, даже задним числом. Нелегко провести грань между полной лояльностью и двойственной или условной лояльностью, в особенности потому, что в демократическом процессе есть стремление привлечь в систему аутсайдеров в качестве лояльной, соучаствующей оппозиции. В политической системе, где согласие в обществе ограничено и имеют место глубокие расхождения и подозрительность между главными участниками политической жизни, одни легко приравнивают полулояльность к нелояльности, тогда как другие отмечают подобные подозрения и подчеркивают потенциал лояльности у подозреваемых.

Некоторые партии, движения и организации открыто отвергают политические системы, в которых государственная власть или любая центральная власть опираются на силовое принуждение. Например, анархо-синдикалисты открыто нелояльны любому демократическому парламентскому режиму и ожидают лишь исторической возможности для осуществления своей утопической революции.

Другой источник нелояльной оппозиции — сепаратистские или ирредентистские националистические движения, цель которых — создание отдельного государства или объединение с соседним национальным государством³⁵. Однако увидеть сепаратистскую суть партии нелегко, ибо она всегда начинается с претензий на защиту культурной, административной или политической автономии в рамках государства или федеральных институтов. Подчас трудно отличить риторику национализма, способного примириться с многонациональным государством, от сепаратистских призывов, в особенности когда партии, использующие эту риторику, действуют и на национальной, и на местной арене и применяют различный стиль высказываний и "разделение труда" в руководстве. Такие партии нередко открыты для соперничества между экстремистами и активистами, которые перенимают лексикон более крупных движений и партий; в периоды кризисов такие партии склоняются к действиям, которые

оказываются нелояльными (или представляются нелояльными) скорее, впрочем, по отношению к государству, нежели к режиму. Вероятнее всего, они будут восприняты как нелояльные, хотя они все-таки полулояльны. Принципиальная приверженность единственной всепоглощающей цели — интересам национального, культурного или языкового меньшинства — ведет такие партии к крайнему оппортунизму в отношениях с силами, поддерживающими режим; а это увеличивает столь часто проявляемое к ним недоверие. Сотрудничество таких партий с демократическим режимом при их очевидно двойственном отношении к нему и к государству и их поглощенность проблемами своего меньшинства дает возможность нелояльным оппонентам режима, в то же время весьма озабоченным сохранением государства, поставить под сомнение лояльность партий режима, сотрудничающих с сепаратистами ради решения общих проблем. В кризисных ситуациях ультралоялисты, противящиеся требованиям националистов об автономии, находят случай задавать неприятные вопросы, цитируя риторику националистов и требуя от них деклараций о верности государству, которое они считают национальным государством. Отказ становится аргументом против партий режима, сотрудничающих с националистами. Это толкает умеренных националистов на менее лояльные (или кажущиеся таковыми) позиции.

Небольшим крайним партиям может быть позволено пребывание в идейной оппозиции, даже если она становится радикальной и насильственной. Но если им удастся добиться широкой поддержки, привлечь на свою сторону крупные группы населения или установить над ними контроль и стать серьезными претендентами на власть, они начинают вести двойственную политику: с одной стороны, они продолжают поддерживать свой образ радикальной оппозиции, а с другой — провозглашают своей целью достижение власти легальным путем. Разные способы — представление демократии как итога плебисцита, отождествление себя с молчаливым большинством, отрицание законности суждений большинства —

вот методы, к которым прибегают такие партии в своих претензиях на власть; грань между нелояльностью и полулояльностью становится неясной даже для самих участников этой политической игры. В этом смысле нелояльность фашистских и особенно коммунистических партий после второй мировой войны весьма отлична от нелояльности анархистов, антилиберальных и антидемократических монархистов XIX века и некоторых национально-освободительных движений. Эта двойственность "антисистемных" партий, которая на том или ином повороте истории приводит к нелояльности, может привести к легальному захвату власти и разрушению демократии, но может способствовать медленному, сложному процессу включения таких партий в систему соревновательной демократии. Фашистские партии в межвоенный период и коммунистические партии в ограниченных соревновательных демократиях Восточной Европы в первые годы после второй мировой войны — яркий пример такой нелояльной оппозиции. Они протестовали против обвинений в нелояльности, защищая в то же время право на разрушение системы в качестве законных ее участников. Некоторые социалистические партии в Европе конца XX века и кануна первой мировой войны рассматривались как нелояльная оппозиция, поскольку придерживались марксистской идеологии, но на самом деле они, хоть и медленно, но включались в демократическую политическую жизнь³⁶. Это можно сказать и о некоторых политических течениях, отождествлявших себя с католической церковью, вдохновлявшихся инвективами "Свода ошибок"^{*} и выступавших против либерально-демократического государства. Во второй половине XX века они становятся рьяными сторонниками различных систем политической демократии. Каково же эффективное испытание на лояльность демократическому режиму? Наиболее четкий

**Энциклика папы Пия IX с перечислением "грехов современного общества", опубликованная в 1864 г. — Примечание переводчика*

индикатор — приверженность легальным средствам достижения власти и отказ от применения силы. Двойственность в этих вопросах — первичное свидетельство полулояльности, но не всегда, как мы увидим, — нелояльности.

В определенных обстоятельствах, когда государственная власть не в состоянии заставить разоружиться всех участников политической игры и защитить все партии от насилия, становится удобным представлять военизированные формирования и угрозы применения силы как чисто оборонительные или превентивные меры. В обществах, где армия является традиционно умиротворяющим фактором и где она вмешивается в политический процесс, политические партии могут выдавать некоторые свои мобилизационные меры за чисто оборонительные и направленные на поддержку режима. И это опять-таки смазывает отличия между нелояльностью и полулояльностью, ибо различные участники событий дают совершенно разные определения происходящему.

Еще один важный индикатор — отказ от призывов к армии о поддержке. Когда кто-то из участников политического процесса воспринимается как нелояльный, даже у лояльных, поддерживающих режим партий возникает искушение установить контакты с военным командованием или с близкими им армейскими подразделениями. Критерии в этом случае несколько размыты, ибо такое обращение за поддержкой даже со стороны поддерживающих режим партий может внести напряжение в состояние обычной лояльности режиму, которое ожидается от армии.

Еще один критерий — отрицание легитимации на участие в политическом процессе для тех партий, которые претендуют на лояльное участие в нем и имеют право участвовать в управлении благодаря поддержке, полученной ими в ходе выборов. Пример этого — традиционный метод поведения политической оппозиции в Испании и Латинской Америке, связанный с уходом из законодательных органов и отказом от участия в парламентских дебатах и в свободных выборах, что при-

водит к делегитимации режима. Использование массового давления со стороны профсоюзов, налогоплательщиков и просто граждан в форме забастовок и массовых протестов, нарушающих деятельность системы управления, — еще один показатель нелояльности. Но это опять-таки не поддается однозначному определению, ибо даже партии, поддерживающие систему, могут обратиться к такой тактике, чувствуя, что выборы не создают возможностей честного и открытого соревнования. Партии, поддерживающие систему, сталкиваясь с формально законным захватом власти партией, которую они считают врагом системы, обращаются к такой тактике как к последнему средству защиты системы. Как можно судить о таком поведении без суждения о лояльности тех, против кого направлены эти действия?

Еще один связанный с предыдущим индикатор — готовность ограничить гражданские свободы лидеров и сторонников партий, пытающихся осуществить права, гарантируемые конституцией. Жесткое толкование этого критерия лишило бы демократические режимы многих законных мер самозащиты. Разумеется, многие такие меры, вроде запрета форменной одежды, ограничение свободы массовых митингов в общественных местах, строгий контроль за правом владения оружием, цензура призывов к насилию могут быть истолкованы как незаконное ограничение гражданских прав, что влечет обвинение правительства в стремлении к постепенной отмене демократических свобод.

Разумеется, открытые нападки на политическую систему (а не на партии и лидеров), систематическая клевета на политиков из партий, поддерживающих систему, постоянные обструкции в парламенте, поддержка деструктивных предложений явно нелояльных партий, совместные с ними действия в кризисных ситуациях, смещение правительства при невозможности как-то сформировать новое большинство — типичные акции нелояльной оппозиции³⁷. Однако подчас так действуют и партии, которые мы не решились бы назвать нелояльными.

Борьба между партиями, попытки дискредитировать

оппонентов, обвинение других партий в защите узких интересов, противоречащих интересам всего общества, — все это нормальные, естественные, законные действия в рамках демократического процесса. Отличие между лояльной и нелояльной оппозицией в стиле интенсивности, сохранении порядочности при проведении таких акций. Нелояльная оппозиция обычно изображает оппонентов как агентов внешних групп заговорщиков — коммунизма, масонства, международного капитализма, Ватикана, иностранных государств³⁸. Поскольку в демократическом процессе коррупция хотя бы отчасти поддается разоблачению, у оппозиции есть возможность обвинять в коррупции не только лидеров государства и их сотрудников, но и целые партии, а нелояльная оппозиция может обвинить в коррупции всю систему. Если к таким действиям обращаются партии, поддерживающие систему, то это явный признак их перехода к полулояльности. Существует явная корреляция между восприятием образа политика или группы политиков в целом как нечестных и готовностью обратиться к методам насилия. Это показывает таблица результатов опроса сторонников некоммунистических партий, проведенного в период Четвертой республики во Франции³⁹.

Честно ли ведут себя политики? Должна ли ваша партия взять власть силой? (в процентах)

	<i>Партия должна</i>	<i>Партия не должна</i>	<i>Нет ответа респондентов</i>	<i>Число</i>
Большинство политиков честны	3,6	74,8	21,6	329
Меньшинство политиков честны	7,1	58,8	34,1	364
Честных политиков нет вообще	16,1	22,3	61,6	112

Публичные скандалы, в которые вовлечены лидеры партий, поддерживающих систему, при умелом использовании нелояльной оппозицией дают возможность наведения мостов между этой оппозицией и другими партиями, поддерживающими систему, на законном основании для разоблачения коррупции системы. Это тоже способствует сдвигу к полулояльности.

Ни один из перечисленных выше критериев нелояльности, взятый в отдельности, не представляется необходимым и достаточным, ибо оппозиционные группы, которые, в конечном счете, могут войти в систему как ее лояльные сторонники, могут время от времени проявлять признаки нелояльности, в особенности, когда они сталкиваются с политическими силами, воспринимающими их как нелояльные. Разумеется, нелояльность партий, которые не посвятили себя открыто низвержению или полному преобразованию системы в случае своей победы на выборах, не может считаться однозначной. В их нелояльности есть изначальная двойственность; ее нет лишь в случаях малых, высоко идеологизированных и принципиально "антисистемных" и антидемократических партий; поэтому так трудно защищать демократию, попавшую в осаду, и воспрепятствовать плавному перехвату власти антидемократическими партиями. Лишь сочетание показателей нелояльности создает синдром, который определяет политические силы, противостоящие демократии. Но даже не будучи нелояльной, политическая сила с такими характеристиками может быть воспринята (и вполне рационально) одними участниками политического процесса как нелояльная, а многими другими — как полулояльная⁴⁰. Когда партия, обладающая одной или несколькими такими характеристиками, находится у власти, ее оппоненты, уличив эту партию в подобных действиях, клеймят ее как угрожающую демократии, даже если она не повинна в захвате власти недемократическим путем или в приостановке демократической выборной процедуры и отмене основных гражданских свобод. Кто в такой ситуации может решить, создают ли такие обвинения алиби для антидемократических наме-

рений оппонентов или же являются недемократическими методами защиты демократии? Результат конфликта — очевидный, но, увы, защита демократии недемократическими средствами вряд ли поможет ей.

Периодически возникающие поводы для некоторых характеристик (даже в ослабленной или амбивалентной форме), использованных выше для определения политических сил, нелояльных по отношению к демократической системе, применимы и к полулояльным партиям и лицам, действующим на политической сцене. Это прежде всего готовность политических лидеров вступить в тайные переговоры в поисках основы для сотрудничества в правительстве с партиями, которые они сами (или их союзники) воспринимают как нелояльные. Этот индикатор не подразумевает намерения свергнуть или радикально изменить систему, ибо эти действия могут быть вызваны намерением ввести в систему силы, которые, будучи приняты, склонятся к умеренности, или намерением расколоть эти силы в ходе переговоров. Факты свидетельствуют, что такие попытки нередко приводят к гибели демократических институтов. Но бывали случаи, когда это помогало нейтрализовать антидемократические силы и нанести им окончательное поражение, подчас, впрочем, ценой некоторого отхода от либеральной демократии в ее чистой модификации⁴¹.

В качестве индикатора полулояльного поведения, ставящего под сомнение лояльность партии системе, можно указывать готовность поощрять, терпеть, покрывать, снисходительно трактовать, прощать или оправдывать действия участников политической жизни, выходящие за пределы законных структур демократической политики, действующих мирными методами. Партии дают повод подозревать их в нелояльности, если, основываясь на идейном родстве, на соглашении о конечных целях или на какой-то особой политике, они отвергают некие средства достижения целей как недостойные и чрезмерные, но оправдывают их или не осуждают их публично из-за того, что так требует соглашение о целях. Такое согласие о целях и несогласие лишь по поводу

тактики часто сигнализирует о полулояльности. Политическое насилие, убийства, сговоры, неудачные военные заговоры — тестовые ситуации на полулояльность. Неодинаковое применение правосудия к незаконным действиям различных нелояльных оппозиций весьма способствует созданию образа полулояльности. Еще одна проверочная ситуация — предоставление амнистии или отказ в ней оппонентам демократической системы. Правительства, сталкивающиеся с нелояльной оппозицией на любом краю политического спектра или получающие поддержку от партий, проявляющих нелояльность по отношению к прежнему правительству, оказываются в трудном положении, пытаются одновременно и поддержать свой авторитет, и расширить свою опорную базу. В таких обстоятельствах подозрения в полулояльности становятся практически неизбежными. Гетерогенные партии, возникшие путем слияния разнородных элементов, унаследовавшие лидеров и сторонников от прежнего режима и раздираемые фракционными конфликтами, приходят к расколу и оказываются в двусмысленном положении, когда сталкиваются с подобной ситуацией. Отсутствие партийной дисциплины делает затруднительным для лидеров опровержение заявлений и акций их подручных, и их собственные заявления оказываются недостаточными, чтобы вызвать доверие. Нередким явлением (это было характерно для Европы в период между двумя мировыми войнами) становится радикализация молодежи и студенческих организаций при партиях, и зрелое партийное руководство не может с этим бороться, не теряя части своих самых активных и восторженных сторонников. То же подчас оказывается характерным для групп интересов, тесно связанных с политическими партиями.

Наконец, полулояльность можно распознать, когда партия, в основном ориентированная на систему, оказывается ближе к крайним силам ее стороны политического спектра, нежели к партиям системы, находящимся ближе к противоположной стороне спектра. К несчастью, в весьма поляризованном обществе, где

крайние партии прибегают к насилию и приобретают возможность привлечь сторонников из партий, поддерживающих систему, или их избирателей, последние могут вести себя по видимости как полулояльные, даже если это не так. Одна из характеристик процесса крушения состоит в том, что партии, главной целью которых должна быть защита подлинно конституционного и демократического политического процесса, в той или иной степени вовлекаются в дела, которые придают им вид полулояльных в глазах других участников политической жизни.

Кризисная ситуация, вызванная не поддающимися решению проблемами и наличием нелояльной оппозиции, ее своеволием и сознанием исторической миссии, обещаниями немедленного решения этих проблем и отсутствием желания высказаться четко по конкретным политическим вопросам, чтобы завоевать поддержку большинства, формирует условия для возникновения полулояльных политических сил. Ранние признаки такого положения можно различить до нарушения стабильности. Такой признак, характеризующий установленные политические режимы, — тенденция отождествлять демократию с их особой политикой в социальной и культурной областях. Большинство, строящее новый демократический режим, испытывает упоение от собственной силы и от слабости социальных слоев, отождествлявшихся с прежним режимом. Оно нередко полагает, что его задача — не только установить организационные рамки демократического процесса, но и ввести в конституцию множество весьма конкретных политических решений. Любая оппозиция такой политике воспринимается как антидемократическая, а не как попытка изменить решение временного большинства. Это жесткое определение демократии толкает оппозицию, которая могла бы быть лояльной, к полулояльности (в смысле, определенном выше). Таков был, например, эффект лозунга "республика для республиканцев", принятого среди испанских республиканцев. Под республиканцами понимались только те, кто безоговорочно поддерживал политику основателей

режима. Партии, добивавшиеся демократических реформ, были склонны верно воспринимать любую оппозицию данной установке или изменениям в обществе, хозяйстве или религии как антидемократическую, тогда как для этой оппозиции вполне нашлось бы место в рамках демократической конституции⁴². Демократия (особенно в ее первые, самые трудные годы) нуждается в механизмах, которые позволили бы оппозиции, готовой соблюдать законы, получить заметную долю в управлении. Привлечение оппозиции может быть осуществлено предоставлением ей возможности участвовать в законодательной деятельности в комитетах, предоставлением группам интересов, связанным с оппозицией, возможность контактировать с группами, находящимися у власти, а также наделением оппозиции представительством в корпоративных институтах. Децентрализация, доступ в местное или региональное самоуправление могут ослабить чувство отстраненности у непринципиальных к утверждению нового режима. Постоянное отстранение лидеров оппозиции или их дискриминация в общественной жизни — бюрократии, вооруженных силах, управлении хозяйством, — все это может толкнуть их из лояльной оппозиции к полулояльности или нелояльности. Эти лидеры могут легко стать активными сторонниками полулояльности, что впоследствии может сыграть роль в крушении режима.

Требуется немалое искусство, чтобы на ранней стадии различить те группы и тех лиц (особенно лиц) в оппозиции, которые могут стать лояльными или умеренно нейтральными, но законопослушными гражданами. Однако искушение недоброжелательства в политике нередко оказывается слишком сильным и препятствует процессам интеграции. Бесспорно, раздутые конфликты внутри политической элиты часто затрудняют сотрудничество правительства и лояльной оппозиции. Эти конфликты не столь сильны, когда политическая система демократии медленно эволюционирует от более запретительной политической системы — полуконституционной монархии с представительными институтами, олигархии

ческой демократии, в которой демократические реформаторы уже присутствовали на вторых ролях, или от системы двойного управления, подобной существовавшей в Индии в канун независимости. Однако эти конфликты обостряются, когда демократия утверждается после продолжительного авторитарного правления, не дававшего никакой возможности развития оппозиционным элитам, их вовлечения в какую-либо политическую деятельность — законодательную, муниципальную или групп интересов.

Установление демократии после авторитарного режима дает возможность ее основателям подорвать доверие общества ко многим существующим в нем группам интересов, в том числе к лидерам оппозиции, которые сотрудничали с режимом, потерпевшим поражение. В этом отношении режимам, которые сменяют весьма идеологизированные тоталитарные режимы с точно определенной политической элитой — активистами одной-единственной партии, приходится легче, чем режимам, сменяющим аморфные авторитарные порядки. Если основатели нового порядка считают всех, связанных с предшествующим режимом, не подходящими для участия в демократическом процессе (если они не намерены отказаться от своего прошлого), это непременно приведет к формированию полулояльной или даже нелояльной оппозиции. В условиях демократии лояльность новому режиму не может быть ретроактивной, кроме тех исключительных случаев, когда общество отвергает прежний режим по моральным соображениям и практически единодушно в этом. В этом смысле демократии в Германии и Италии после второй мировой войны оказались в совершенно ином положении, нежели Испанская республика после Примо де Риверы или постперонистская демократия в Аргентине. В последних двух случаях авторитарный режим приветствовала большая часть населения, и несмотря на ошибки, приведшие к краху упомянутых режимов, их легитимность, отвергавшаяся широко принятыми демократическими стандартами, значительными группами населения отнюдь не отверга-

лась по моральным причинам. Но исключение сторонников прежних режимов из политической жизни (что было можно понять) не дало им возможности стать полулояльной оппозицией, имеющей шансы когда-нибудь включиться в политическую жизнь, не говоря уже об участии в лояльной оппозиции.

Особый характер носило возвращение Испании к демократии в 1976-1977 гг., после смерти Франко и почти сорока лет авторитарного режима. Подобно возвращению к демократии в Турции в 1945 г., особенность здесь состояла в том, что это возвращение произошло не в результате крушения прежнего режима, а по инициативе правителей и под давлением внутри и извне страны. В соответствии с духом времени это произошло после выборов 1977 г. не как переход власти к главным силам оппозиции, а как обеспечение участия в управлении, узаконенное свободными соревновательными выборами. Перемены через реформу, а не через разрыв создают особые проблемы для новых демократических институтов. Эти институты возникли в соответствии с процедурой формальных конституционных поправок к франкистской конституции, нарушая дух прежних фундаментальных законов, аналогично антидемократическим нарушениям демократических институтов, однако с противоположным результатом. Некоторые проблемы, связанные с установлением или восстановлением демократии и отмеченные выше, в Испании приобрели новые и неожиданные усложняющие черты.

Одним из главных индикаторов кризиса демократии является обстановка, в которой даже партии, создавшие систему, проявляют тенденцию отклоняться от идеала лояльной системной партии, столкнувшись с враждебностью со стороны крайних элементов на обеих сторонах политического спектра. Ограничения, связанные с такой ситуацией, могут подтолкнуть к полулояльности, даже к полулояльности по отношению к демократической системе. Разумеется, в обстановке кризиса демократии действующим лицам политического процесса еще труднее, чем наблюдающим за этим процессом историкам и соци-

ологам, прийти к согласию, кто из участников этого процесса лоялен, кто полулоялен и кто нелоялен. Такая неопределенность неизбежно затрудняет защиту демократии и способствует ее медленному, но неизбежному крушению. Наличие одной, а то и двух полярных нелояльных оппозиций, пользующихся значительной поддержкой, порождает полулояльных действующих лиц на политической арене, усиливает поляризацию в обществе и ведет ко все большей изоляции тех, кто безоговорочно верен демократической соревновательной политической системе.

Именно эта внутренняя двойственность политического процесса в кризисных ситуациях нередко ведет к упрощенным суждениям, весьма опасным и часто несправедливым. Лишь интенсивное взаимодействие и сотрудничество на основе взаимного доверия внутри элит, заинтересованных в выживании системы, могут сформировать общие оценки лояльности и нелояльности. Лишь в таких условиях возникает готовность поставить лояльность системе выше прочих обязательств, сходства идеологий и интересов.

На этой основе можно сформулировать определение политических сил, образующих лояльную оппозицию демократическому режиму. В чистом виде такая характеристика включает следующие параметры:

1. Безоговорочное публично подтвержденное обязательство добиваться власти только посредством выборов и безусловная готовность отдать ее другим политическим силам, давшим такое же обязательство.

2. Ясный и бескомпромиссный отказ от применения насилия для достижения или сохранения власти, за исключением тех случаев, когда это допускается законом (например, при попытках незаконного захвата власти).

3. Отказ от каких-либо неконституционных призывов к вооруженным силам захватить или удержать власть, не отдать ее лояльной демократической оппозиции.

4. Безусловный отказ от фразеологии насилия для мобилизации сторонников с целью захвата власти, удержания ее вне рамок конституционного мандата, от уничтожения оппонентов, в том числе недемократических и антидемократических.

5. Обязательство участвовать в политическом процессе, в выборах и в парламентской деятельности, не выставляя условий, выходящих за пределы, которых требует гарантия гражданских свобод в честном демократическом политическом процессе. Требование согласия относительно сущности, а не процедуры, в принципе несовместимо с предположением, что меньшинство должно уважать решения большинства, а большинство, в свою очередь, должно уважать право меньшинства резко изменить политику (в рамках соревновательной политики), как только оно превратится в большинство.

6. Принципиальная готовность принять ответственность за управление или быть частью большинства, если не имеется альтернативы партиям, поддерживающим систему. Более строгим, но реальным требованием может быть готовность участвовать в правительстве, которое в противном случае может быть ослаблено кризисом.

7. Готовность объединиться с оппонентами, идеологически далекими, но готовыми способствовать выживанию демократического строя (такое требование строже и, возможно, не очень резонно). Такая готовность может действовать против партий, идейно близких, но готовых подорвать демократию посредством фразеологии насилия и попытками подавить гражданские свободы легальной оппозиции.

8. Отказ от тайных контактов и поддержки нелояльной оппозиции, если эта поддержка предлагается в обмен на терпимость в отношении ее антидемократической деятельности. В принципе, четкое и ясное разграничение между партиями, поддерживающими систему (в широком смысле), и "антисистемными" партиями, сделанное и публично, и в частном порядке, — важная характеристика лояльных партий и политических сил.

9. Готовность сообщить законному демократическому правительству о деятельности оппозиции или вооруженных сил, направленной на свержение правительства. Это критерий жесткий и трудно применимый, ибо его осуществление выходит за пределы неготовности к учас-

тию в заговорщической деятельности и ведет к поддержке политического оппонента, находящегося под угрозой.

10. Готовность в принципе сузить политическую роль нейтральных сил (президентов, королей, судебной системы, вооруженных сил), чтобы обеспечить подлинный демократический политический процесс.

Если бы эти десять требований соблюдались безоговорочно, численность лояльных участников демократического процесса в большинстве обществ, переживающих серьезный кризис, резко сократилась бы. Некоторые случаи, будут рассмотрены ниже. Так например, читая подробные исторические хроники Испании 30-х годов, можно прийти к выводу, что там не было ни одной крупной партии и ни одного заметного лидера, которые полностью соответствовали бы этому идеальному определению. В любой демократии, переживающей кризис, можно найти оттенки полулояльности даже у партий, наиболее приверженных стабильной демократии, которые в обычных обстоятельствах соответствовали бы установленным критериям. Различия, которые мы ввели, легче разъяснить, связав их с анализом авторитета режима, проведенного Ричардом Роузом⁴³. Партии системы и лояльная оппозиция активной поддержкой и послушанием способствуют полному узаконению авторитета режима. Открытая и честная нелояльная оппозиция отличается низкой степенью поддержки и послушания. Ее цель — дискредитация режима. Но потерпев в этом поражение, участники такой оппозиции заставляют режим перейти к мерам "полупринуждения". Когда сильная оппозиция сталкивается с сильным режимом, ее действия вынуждают режим к акциям подавления. Однако современная нелояльная оппозиция использует двойственность в своей фразеологии, создает видимость поддержки, меняет уровень послушания в соответствии с силой партий режима, сплоченностью правительственных сил, возможностями ситуации и нерешенными проблемами. Наличие такой оппозиции ведет к снижению легитимности режима, расколу в нем и его разрушению. Роуз определяет этапы утраты контроля

партиями системы, когда они сталкиваются с отказом от послушания со стороны нелояльной оппозиции, и по мере того как режим становится менее деспотичным и эффективным. Однако именно полулояльная оппозиция с ее относительно высокой степенью послушания, а не нелояльная оппозиция, снижает легитимность режима и приводит к расколу во власти. Режимы, которые мы анализируем ниже, оказываясь в такой промежуточной ситуации, переходят от частичной легитимности к расколу, прибегают к полупринуждению и в конечном счете оказываются в изоляции, разрушаются и отвергаются (согласно типологии Роуза). Мы добавим, что подталкивание к полулояльности или даже подозрения в полулояльности главных участников политической жизни — как оппозиции, так и ведущих партий политической системы, способствуют процессу упадка системы почти столь же, как и нелояльная оппозиция.

Кризис, утрата власти, крушение и перехват власти

Выше был описан вероятностный и меняющийся характер таких понятий, как легитимность, дееспособность и эффективность политической системы в каждый данный момент ее развития и дана характеристика лояльной и нелояльной оппозиции режиму, в особенности демократическому режиму, а также характеристика оппозиции, которую мы назвали полулояльной и которая играет решающую роль в процессе крушения режима. Здесь еще не упоминалось о последовательности событий и о динамике процесса, которая объясняет, почему значимость этих индикаторов различна в разные периоды функционирования демократической политической системы.

События, которые решающим образом способствуют дестабилизации, свержению или, наоборот, восстановлению демократии, в последние годы были предметом широкой теоретической дискуссии и эмпирических исследований. В этих исследованиях в основном рассматривался начальный период, насильственные акции и

ответная реакция правительства. Эмпирически изучалась степень стабильности правительства — как индикатор возможного кризиса и как его причина, но это не касалось общей проблемы стабильности режима⁴⁴. После важной работы Герменса предметом серьезных обсуждений стала стабильность демократии в различных партийных и выборных системах⁴⁵. К сожалению, относительно мало исследовалась связь между экономическими и политическими кризисами, хотя марксистская теоретическая традиция придает большое значение экономическому кризису при капитализме, утверждая, что именно экономические кризисы ведут к крушению демократии и приходу к власти фашизма⁴⁶. Нет недостатка в теоретических или эмпирических исследованиях этих и других процессов, способствующих падению демократических режимов. Однако итоги этих аналитических работ не были сведены в описание обобщающей модели. Мы полагаем, что такую модель можно построить путем индуктивного анализа ряда частных случаев, хорошо освещенных в исторических документах. В этом смысле новые горизонты открывает работа Брахера⁴⁷. Чрезмерное внимание к политическому насилию, в особенности проявленное американскими социологами в связи с недавними событиями в США, и сосредоточенность на изучении нестабильных политических образований в третьем мире, привели к печальному пренебрежению другими аспектами процесса кризиса, крушения и восстановления демократии. Не следует забывать, что если гражданские войны и политическое насилие предшествуют свержению правительств и режимов во многих странах, то в странах, которые изучаются здесь, а именно в стабильных демократиях, проблемы носили более сложный характер, и насилие было здесь лишь одним из составляющих. Возможно, насилие инициировало процесс крушения, но оно определило судьбу режима лишь в сочетании с прямой военной интервенцией. Недавние более глубокие исследования роли военных в политике (см. исследование Альфреда Степана о бразильской военщине) показали, что военные акции были результатом сложного процесса загнивания режима⁴⁸.

Чрезмерное внимание к акциям оппонентов режима, в особенности к радикальным движениям и движениям, применяющим насилие, к разочарованным группам населения и военным интервенциям отвлекло внимание от действий тех, кто был заинтересован в выживании демократических режимов, от многих организованных общественных сил и институтов, которые были настроены благожелательно (или нейтрально) по отношению к этим режимам, но в конечном счете лишили их своей поддержки. Социологические аналитические работы то делают акцент на крайние ситуации структурных напряжений (социально-экономические конфликты, неравенство, быстрые социально-экономические перемены, зависимость), то на периоды открытой борьбы, непосредственно предшествующие крушению режимов. Такое акцентирование приводит к пренебрежению собственно политическим процессом и функционированием режима в условиях напряжения, что нередко способствует формированию условий, которые порождают сопровождающиеся насилием бунты и конфликты. Нельзя не согласиться с Чарлзом Тилли, который пишет:

"Несмотря на многие недавние попытки ввести психологический анализ в исследование революции, пользуясь понятиями "страх", "отчуждение", "растущие ожидания" и т.п., и социологический анализ, в котором используются понятия дисбаланса, конфликта ролей, структурной напряженности и т.д., наибольшего внимания, в конечном счете, заслуживает политический анализ. Структура власти, концепция правосудия, организация системы принуждения, ведение войны, формирование коалиций, легитимность государства — все эти традиционные понятия политической теории дают главное направление исследованию причин революций. Рост населения, урбанизация, индустриализация и другие крупные структурные изменения, несомненно, определяют вероятность революции. Однако они действуют косвенно, формируя искателей власти, преобразуя методы государственного контроля и перемещая ресурсы, имеющиеся в распоряжении правительства и претендентов на власть"⁴⁹.

Исходя из этого, мы обратим основное внимание на главных действующих лиц и на их действия, на сформулированные ими программы режима, их методы определения проблем и способности решать проблемы и сохранять сплоченность; на готовность демократических лидеров принять ответственность за власть и отвергнуть искушение создать недемократические политические механизмы, чтобы избежать необходимости принятия политических решений; на их готовность обращаться к нейтральным источникам легитимации и принимать в коалицию нелояльную оппозицию (вместо того, чтобы заниматься обороной режима); на проблему сужения политической арены после утраты власти и возникновения безвластия, а также на проблему неадекватной реакции на кризис — несвоевременные выборы, неверное использование государственного аппарата подавления. В ходе таких процессов возвышаются, укрепляются и получают поощрение силы нелояльной оппозиции, которые, в свою очередь, иницируют акции (пусть неуверенные) поулояльной оппозиции. Именно в политических процессах с участием главных действующих лиц можно найти объяснение восстановления равновесия и преобразования демократических режимов — процессов, позволяющих этим режимам преодолеть серьезные кризисы. Это также помогает объяснению крушения демократий и причин той или иной конфигурации пришедших им на смену режимов.

Установление и консолидация демократического режима и его стабильность

История демократий, судьба которых рассматривается в настоящей работе, свидетельствует о важности процесса установления и начальной консолидации режима для его способности в будущем противостоять серьезным кризисам. Не случайно, что конституционные дебаты поглощают столь много энергии в ходе строительства новых демократий, а политики и традиционные политические науки уделяют столь большое внимание

достоинствам и недостаткам принятых конституций. Глядя из будущего в прошлое, нетрудно пенять на некоторые конституционные гарантии, данные, например, в знаменитой статье 48 Веймарской конституции, относительно которых не было никаких планов и последствия которых не предвиделись, когда разрабатывалась эта статья. То же можно сказать об избирательном законодательстве Испанской республики, поспешно введенном временным правительством без особого обсуждения, об отсутствии подлинной исполнительной власти в конституции Эстонии.

Однако написание конституции — не единственный процесс в построении демократического режима, имеющий далеко идущие последствия. Столь же, а может быть, еще более важной является программа действий первого этапа, причем не только первого (временного) правительства, а режима в целом. Такая программа нередко порождает ожидания, которые не могут быть удовлетворены в существующих условиях, а это вскоре становится источником полулояльности какой-то части сил, вовлеченных в процесс построения режима. Первоначальная программа закладывает основы легитимности режима, в особенности, если она определяется не как правительственная, а как сущностная часть конституции, которую будет нелегко отменить простым большинством. При изменении режима ожидается, что значительные группы населения или нейтральны (т.е. не выражают привязанности к создателям нового режима) или лояльны распавшемуся режиму. В особенности это справедливо, если партийная система нового режима не смогла сложиться при прежнем режиме, например, когда предшествующий авторитарный режим не допускал какого бы то ни было участия в политическом процессе. В таких обстоятельствах вполне вероятно, что отношение к легитимности и дееспособности нового режима надолго будет определено его первыми шагами. На этой стадии новые правители могут инициировать политику со значительной социальной составляющей, что создаст крепкую основу для его поддержки теми, кто выигрывает.

В этот момент выигрывающие могут свести к минимуму опасения оставшихся нейтральными к смене режима, но обеспокоенных последствиями этой смены.

Возможно, что лидеры нового режима, чтобы максимально увеличить поддержку ему, поддадутся искушению включить в свою повестку дня все нерешенные проблемы общества разом, не понимая, что этим они доведут до максимума число людей, на которых их реформы подействуют отрицательно. Одновременно включение в повестку дня множества сложных проблем, решение которых не было достигнуто десятилетиями, может превысить возможности руководства с малым административным опытом, ограниченной информацией и скудными финансовыми ресурсами. Даже если предположить, что предлагаемые решения удачны, режиму может нанести вред недостаточно эффективное и быстрое их выполнение. При таком ходе событий могут неоправданно повыситься ожидания сторонников режима и опасения тех, кто ждет от реформ отрицательных последствий. При этом поддержка оказавшихся в выигрыше может быть утрачена.

Почему такой ход событий повторяется при новых демократических режимах? По-видимому, для этого есть много причин. Одна из них — склонность приписывать нагромождение стоящих перед ними проблем бездеятельности прежнего режима, а не трудной социальной действительности. Первоначальная эйфория и представление о широкой поддержке, измеряемой толпами на улицах и праздничным настроением, а не голосами на выборах, нередко порождает уверенность, что при наличии доброй воли все проблемы могут быть решены. Это особенно характерно для обществ, долгое время живших при диктатуре. Обычно у лидеров демократического режима до его установления было достаточно времени для обдумывания стоящих перед обществом проблем и путей их решения, но перед ними не стояла задача формулирования всего этого в точных терминах и увязывания решений с реальной обстановкой и с учетом сопротивления, с которым правительство может стол-

кнуться. Новые демократии обычно устанавливаются коалициями, в которых могут быть представлены даже малые группы с неизвестными потенциальными, но желающие быть услышанными. В многонациональных обществах кризис прежнего режима и неопределенное будущее ведут к ослаблению центрального правительства и усилению автономистских и даже сепаратистских стремлений, с которыми приходится считаться. Новые лидеры могут также столкнуться с факторами, которые вселяют в них неуверенность в своих силах: социальные группы, отождествляемые с прежним режимом, могут восстановить свои организационные структуры, принять участие в законодательном процессе и даже ввести свои программные чаяния в новую конституцию.

Желание провести коренные преобразования посредством принятия соответствующих законодательных актов нередко не имеет "обеспечения". Любая перемена строя обычно приводит к сбоям в хозяйственном механизме, что влечет за собой утрату доверия общества к нему, к оттоку капиталов и сокращению капиталовложений. Лидеры нового правительства уделяют много внимания дебатам по вопросам конституции и законодательства, пытаются справиться с незнакомой для них бюрократической машиной, да еще с неподготовленным персоналом. Они находятся в постоянном цейтноте, и широкая программа реформ практически не осуществляется. Это порождает в обществе разочарование и может привести к конфликтам в коалиции основателей нового строя.

Многие перемены, вводимые новым режимом, имеют символический характер; однако, скажем, смена флага, приветствуется лишь меньшинством. У людей, связанных с традицией, это порождает отрицательные эмоции⁵⁰. Вообще же новые символы могут вызвать энтузиазм лишь вначале, но поскольку они не дают ощутимых преимуществ сторонникам нового режима, их не следует зачислять в разряд решительных перемен, могущих привлечь к новому строю широкие круги общества. В то же время это отталкивает нелояльную оппозицию и отбрасывает к

полулояльности часть политических группировок, надеющихся найти сторонников среди нелояльной оппозиции.

Новые правители нередко склонны, по-видимому, из чувства морального превосходства, растрачивать энергию на демонстрацию своего отвращения к людям и институтам, отождествляемым со старым порядком⁵¹. Это проявляется в мелочных нападках на таких людей, стремление их оскорбить и унижить. Это вызывает также соответствующую реакцию на низших уровнях администрации и в местных органах власти и выливается в сведение личных счетов⁵². Горечь по поводу смены символов и эмоциональные издержки "политики отвращения" могут вызвать тяжелые последствия⁵³. Здесь — корни нелояльной оппозиции и скрытая амбивалентность в отношении к новому строю, что может проявиться через годы, в периоды серьезных кризисов. Нередко психологический шок от перемены строя оказывается глубже, чем реальные социальные перемены, что усиливает враждебность одной стороны и разочарование другой.

Поэтому особую важность на стадии консолидации демократического строя приобретает рациональный анализ политических издержек и выгод. На повестке дня — не успех или неудача данного нового правительства, а формирование устоев нового строя. Большой выигрыш может дать отбор ограниченного числа проблем, которые следует решить, и осуществление реформ быстрыми темпами, чтобы дать почувствовать преимущества нового строя, внушить чувство уверенности значительному числу людей и разочаровать лишь малые и легко распознаваемые меньшинства. Это нелегко, но многим режимам это удалось. Так, в некоторых восточноевропейских странах крупномасштабные аграрные реформы стали возможными потому, что крупными земельными собственниками были представители чуждого этнического меньшинства.

Для нового режима нередко становится тяжелым бременем внешняя политика, в особенности если этот строй сначала находился в зависимости от других стран.

Эта проблема была особенно острой для Германии, Австрии и других стран после первой мировой войны. Построение Германской республики и демократизация связывались с поражением и принятием Версальского договора, что привело многих немцев к отрицанию легитимности нового строя и вызвало ностальгическую лояльность старому порядку⁵⁴. Это особенно относится к офицерам, гражданским чиновникам и даже к протестантскому духовенству и профессуре. Государственный строй, навязанный Австрии, и запрет каких-либо связей с Германией, установленный победителями-союзниками, вспоминался каждый раз, когда возникали экономические трудности; это привело к делегитимации демократии среди австрийцев с сильными прогерманскими чувствами. Паоло Фарнети, проанализировавший кризис в Италии, показал, что интервенция, издержки войны и разочарование плодами победы привели к расколу во всех лагерях, и это усилило неспособность нарождавшейся итальянской демократии противостоять трудностям экономической и социальной перестройки после войны⁵⁵. Такую же роль сыграли после второй мировой войны в Латинской Америке внешняя зависимость и экономический национализм.

Особенно трудно разрешимы эти вопросы на этапе консолидации из-за того, что в опасности оказывается самоидентификация страны. Обязательства перед внешним миром не могут быть отвергнуты так же легко, как внутренние, ибо они относятся к внешним силам, неподконтрольным данному правительству, а нелояльная оппозиция может легко обвинить во всех трудностях не некое данное правительство, а самый строй. Кроме того, процесс переговоров с внешними силами может легко привести к противоречиям и к двойственности позиции. Заявления, обращенные к внутренним силам, могут отличаться от того, что говорится за столом переговоров, поскольку внутри страны к компромиссам относятся положительно, опасаясь тотального пересмотра политики. Крайние примеры такого рода — политика итальянского правительства по вопросу о Фиуме и переворужение

Германии вопреки Версальскому договору. И то и другое способствовало возникновению весьма политизированных парамилитаристских формирований, которые правительство вынуждено было терпеть, хотя они выступали против него.

Инкорпорация извне в коалицию с основателями режима

Думается, новый демократический режим при создании новых институтов может рассчитывать на рьяную поддержку противников прежнего режима, впервые обретших власть. Вопреки мнению аналитиков, симпатизирующих старому режиму, число продолжающих признавать его легитимность, как правило, невелико. В конечном счете, падение прежнего строя — результат смены лояльности людей, мало связанных с ним, находившихся вне политики, а также результат снижения дееспособности и эффективности прежнего режима вследствие кризиса его легитимности. Если бы эти люди не сменили лояльности, прежние правители смогли бы сопротивляться переменам или, по меньшей мере, организовать поддержку, достаточную для яростного сопротивления соперникам. Таким образом, период консолидации — это в основном борьба за завоевание поддержки относительно нейтральных слоев населения.

Прежде дезорганизованные, не имевшие ориентации и даже запуганные люди могут присоединиться к умеренному крылу коалиции строителей нового режима или, по меньшей мере, голосовать за них (в Германии это выражалось в поддержке Германской демократической партии). Однако при возросших в условиях демократии возможностях политической организации, по мере осознания различий в интересах и при почти неизбежных неудачах правительства на первом этапе, не связанные с новым строем слои могут сплотиться вокруг новых партий и даже вокруг политических деятелей прежнего режима. Эти новые политические силы могут поставить под сомнение решения, принятые от имени временного большинства, и завоевать значительную под-

держку на последующих выборах. Поэтому строителям нового режима предстоит решить, принять ли эти слои как полноправных участников политического процесса или поставить условием такого приема полное признание ими тех перемен, которые осуществили основатели нового строя. Этот вопрос может вызвать раскол в коалиции основателей и политической элиты. Высокий барьер для приема (выше уровня выборов) и исключение принципиальной оппозиции из многих областей деятельности может в будущем затруднить налаживание сотрудничества в период кризисов. В некоторых случаях потенциально лояльные демократы, не поддерживающие режим, безусловно, выталкиваются в ряды потенциальной оппозиции и провоцируются на сотрудничество с нелояльной оппозицией. Эта тенденция усиливается системой выборов. Заподозрив их в полулояльности, партии, находящиеся на другом конце спектра коалиции основателей режима, могут наложить вето на прием таких сил в правительство и яростно критиковать более умеренные партии, готовые принять их в систему. Результат — сильные центробежные тенденции среди всех участников коалиции и дробление политических партий. Такая ситуация сложилась в Аргентине после Перона — ее описал О'Доннел⁵⁶. Немедленный результат такого хода событий — глубокий антагонизм между партиями на личностном уровне, препятствующий широкой центристской коалиции против экстремистов на обоих концах политического спектра. Конечный результат — ослабление легитимности демократических институтов, усиление нелояльной и полулояльной оппозиции. При этом в случае серьезного кризиса необходимая перегруппировка демократических сил может оказаться невозможной.

Необходимо подчеркнуть важность четкого определения нелояльной оппозиции и на некоторых этапах — ее политической изоляции. Однако это может быть успешным, только при готовности включить в систему ту часть полулояльной оппозиции, которую хотя бы некоторые группы основателей режима считают полулояльной.

На этом этапе весьма необходимо руководствоваться государственным расчетом, проявлять гибкость и точно рассчитывать время, ибо процесс инкорпорации, не всегда выгодный с точки зрения дееспособности, может оказаться очень важным для получения легитимации в условиях открытой системы соревновательной демократии.

В такие моменты важное значение приобретает вопрос о плавности перехода к демократии от предшествовавшего ей режима. Политические элиты, знакомые друг с другом и даже обретшие некоторое доверие друг к другу за годы парламентской жизни, скорее примут такой переход, нежели противники, не имеющие политического опыта. Контраст между относительной устойчивостью Веймарской республики и демократии в Австрии 20-х годов, в послевоенный период — в Италии и Испании (в 30-х годах) может быть отчасти объяснен непрерывностью в составе их парламентов⁵⁷. Возникновение двух новых партий в латинских демократиях ("пополари" и христианских демократов) представляло собой новую форму участия католиков в политической жизни под руководством молодых безымянных лидеров. Это было с неприязнью воспринято буржуазными либералами, тогда как Партия центра в Германии и христианские социалисты в Австрии повели себя обратным образом.

Легитимация как проблема демократического руководства

Выше выдвигался тезис, что чем выше легитимность режима, тем выше его способность к выживанию в столкновении с неразрешимыми проблемами и с кризисами дееспособности и эффективности власти. Поэтому обретение легитимации — главная задача демократического руководства. Выработка четкой программы на период консолидации, негативные последствия "политики отвращения", обязательства по внешней политике, трудности привлечения потенциально лояльных сил, находящихся вне коалиции основателей режима — все это имеет прямое отношение к вопросу о легити-

мации. Однако при изучении консолидации новых демократий необходимо учитывать и другие факторы, чтобы подготовиться к возможному их ослаблению в будущем.

Демократии строят свою легитимацию на основе лояльности государству или нации. Некоторые общественные группы, в особенности офицеры, государственные служащие, а иногда и лидеры интеллигенции, скорее отождествляют себя с государством или с нацией, чем с данным режимом, и в принципе отвергают политизированную идентификацию с государством. Это создает серьезные проблемы, если только новый режим не является результатом широкой социальной мобилизации революционного типа, что позволяет отбросить идею непрерывности государства.

Одним из решений может быть "чистка" не желающих ясно и публично заявить о своей приверженности новому режиму. Нередко исследователи, анализировавшие процессы разрушения демократических режимов, обвиняют их основателей в том, что те не распространили демократизацию на эти институциональные группы или не внедрили в них понятия о лояльности демократии. Однако это весьма нелегко осуществить в современных обществах, признающих неотъемлемость прав, и в либеральных демократиях, гарантирующих свободу мнений. Это может привести к двусмысленной и противоречивой политике и вместо желаемого результата вызвать негодование.

В этом контексте жизненно важное значение приобретают символические разрывы непрерывности, которые понуждают сделать четкое заявление относительно легитимности системы, чего при других обстоятельствах можно избежать. Менее важные вопросы, подобные смене флага, национального гимна или ритуала нередко создают инциденты и вызывают горькие чувства, что помогает формированию нелояльной оппозиции. Сторонники нового режима подчас находят удовлетворение в таких символических переменах; думается, однако, что стабилизация требует максимальной преемственности в символике государства и нации как основе консенсуса между сторонниками режима и теми, кого он хочет

привлечь на свою сторону. Непрерывность символики может облегчить принятие режима, ибо это позволяет избежать эмоциональных перегрузок на начальной стадии его становления.

Еще одна серьезная проблема новых режимов, в особенности демократических, в завоевании легитимации — неудачи в определении границ государства или нации. В ситуациях, подобных сложившейся в Северной Ирландии, любая форма правления демократического большинства будет восприниматься меньшинством как угнетение, и лояльность части этого меньшинства другому государству или нации делает трудным даже консоциативное решение. Вопрос здесь состоит в легитимации и стабильности не демократии, а государства. Эта проблема, хотя и в менее острой форме, существует в целом ряде многонациональных государств, в особенности там, где государство или режим были в основном созданы одной национальностью — сербами в Югославии перед второй мировой войной, чехами в Чехословакии и (исторически) кастильцами в Испании. В таких случаях полная демократия обязана разрешить проявления национализма периферии и позволять высказывания не только автономистских и федералистских, но и сепаратистских требований. Однако терпимость в отношении таких требований, иногда диктуемая международной ситуацией, создает для демократического руководства почти неразрешимые проблемы.

То же относится к нации, воспринимаемой как более широкое понятие, нежели государство, и включающей тех, кто находится за границей. Такая концепция приводит к двойственной лояльности националистических "пан"-движений к демократическим институтам, ибо эти движения оспаривают признание существующих государственных границ руководством режимов. Как показывает история Италии, Австрии, веймарской Германии и в какой-то степени Финляндии, демократическое руководство с его двойственной политикой, вызванной давлением извне и собственными политическими обязательствами, способствует делигитимации системы (или,

во всяком случае, некоторых ее составляющих). Пожалуй, в таких обстоятельствах демократическому руководству следует выдвигать в качестве источника легитимации государство, а не нацию.

Не следует забывать, что привлекательность фашизма основывалась на сознании необходимости укрепления национальной солидарности против системы, допустившей раскол и конфликты интересов внутри общества. В делигитимации многих демократий важную роль сыграло то, что их (вследствие их интернациональных связей) заклеямили, посредством немалых искажений, как антинациональные. Это может быть приложено к социализму как следствие его традиций интернационализма и пацифизма, к католическим партиям вследствие их связей с Ватиканом и церквам за рубежом, к партиям деловых людей вследствие их связей с международным капитализмом и, разумеется, к международному коммунизму, который, не участвуя в управлении, получает выгоды от наличия в обществе демократических свобод.

Все исследования революций указывают на ведущую роль интеллигенции в определении легитимности или делегитимации власти. Как отметил Парето, в современном мире идеологические постулаты духовенства и интеллигенции оказывали наибольшее влияние на угнетенные классы в утверждении их права на восстание, и на правящие классы — в утверждении их морального права использовать силу для защиты существующего порядка⁵⁸. Учитывая роль университетов в подготовке государственных служащих и судей и роль журналистов и писателей в формировании общественного мнения в обществах, где обеспечена свобода мнений и их выражения, распределение позиций в отношении легитимности режима и источников нападков на него неизбежно зависит от климата, создаваемого различными группами интеллигенции и образованного слоя. Можно возразить, что каждое политическое и социальное движение имеет в своих рядах интеллигентов, которые его поддерживают, но играют лишь второстепенную роль. Однако Карл Мангейм с его концепцией свободного передвижения интелли-

генции доказывает обратное⁵⁹. Несмотря на партийную политизацию интеллигенции, в каждом обществе есть несколько интеллектуалов, позиция которых, благодаря их таланту, моральному авторитету, творческим достижениям в литературе или науке, играет особую роль; их критика политического строя имеет важное значение при кризисе легитимации. Свобода слова, упразднение цензуры, культурный, религиозный и политический плюрализм, право на иное мнение были и остаются предметами главной заботы научной и творческой интеллигенции. Сегодня демократия обеспечивает эти свободы лучше какой бы то ни было другой системы, даже если случаются отклонения от этих норм, и нет сомнения, что режимы, падению которых посвящена эта работа, предоставляли интеллигенции свободу творчества. Отсюда могло бы следовать, что система либеральной демократии должна иметь широкую поддержку интеллигенции; однако изучение политической роли интеллигенции во многих демократиях в период их кризисов показывает, что лишь небольшая ее часть открыто выступает в защиту институтов либеральной демократии против ее оппонентов справа или слева.

Разумеется, существуют многочисленные национальные различия, проистекающие из традиций в области культуры, религии и институтов; различия между учеными, литераторами и людьми искусства; есть также различия, обусловленные разницей в исторических ситуациях. Однако многие группы интеллигенции больше связаны с критикой политики либеральной демократии справа или слева, с симпатиями интеллигенции к тому или иному типу экстремизма, нежели с их идентификацией с партиями, поддерживающими режим. Парадокс амбивалентного отношения интеллигенции к либеральной демократии объяснить нелегко⁶⁰, однако, возможно, это вызвано следующими факторами: элитарностью интеллигенции и ее снисходительным отношением к среднему человеку, т.е., в конечном счете, к массе избирателей; неприятием политики, которая основана скорее на соображениях

интереса, чем на идеалах лучшей организации общества; отвращением к политикам, которых интеллигенция нередко считает существами низшего порядка и от которых ее отталкивает недостаток у них понимания идей интеллигенции и уважения к ним; нежеланием принимать дисциплину и нормы поведения современных массовых партий, снижающих влияние интеллигенции по сравнению с влиянием чиновников профсоюзов, работников местной власти и лидеров групп интересов. Дополнительными факторами могут быть разочарование интеллигенции в связи с нежеланием массового избирателя и его представителей ассигновывать средства на высокую культуру и на авангард; враждебность к влиянию капитала, использующего деньги для привлечения на свою сторону политических партий, тогда как влияние интеллигенции определяется ее творческими идеями; разочарование специалистов вследствие прагматических искажений их наилучших предложений; и (что весьма важно) ярая враждебность к интеллигентам, готовым служить власть имущим и изменяющим интеллигенции как критической силе.

Даже поддерживая формирование демократических режимов, интеллигенты вскоре встают в позицию критиков и отстраняются от политических процессов. Деятели искусства, в особенности художники, склонны негодовать против банальности и рутины политики. Объектами их насмешек становятся второразрядные партийные лидеры, мелкие партийные чиновники, низкопробная риторика и демагогия предвыборных кампаний. Будничность характера демократической политики контрастирует с возможностями великих исторических преобразований, совершенных в других обществах и служащих источником утопического восхищения. Такая позиция находит отклик среди студенчества, и некоторые группы образованных или полуобразованных людей упрощают ее для мобилизации на борьбу с системой, которая, как они полагают, изменила высшим духовным ценностям или не смогла их осуществить, будь эти ценности консервативными или революционными. Все эти

предпосылки, возникающие в климате, в котором живет интеллигенция, могут реализоваться в борьбе против демократии, если руководители режима потерпят поражение в выполнении своих задач.

Двойственность отношения многих интеллигентов к соревновательной плюралистической либеральной демократии имеет, пожалуй, еще более глубокую основу. Именно базисная моральная противоречивость политической системы легитимизирует решения, принятые на основе формальной, процедурной, легалистской корректности, безотносительной к содержанию; самое важное здесь — уважением к гражданским свободам, равенство всех перед законом; отсылки к сущностной справедливости и связи с системой высших ценностей здесь нет. В обществе, страдающем от тяжелой несправедливости и глубокого культурного неравенства, трудно найти интеллектуальное оправдание системе, где воля избирателя, технические детали законодательного процесса, решения суда могут служить поддержанию порядка при строе, вызывающем моральное отталкивание, или же, наоборот, могут позволить тяготеющему к реформам большинству поставить под сомнение традиционные ценности системы. Демократию, как отметил Кельсен, можно принять лишь при особом состоянии ума, основанном на некоем релятивизме или на прагматизме, база которого — эмпирическая обработка и кодирование, связанные с открытой когнитивной структурой, с гибкими элементами, и при ослабленной склонности к аффектации (используя выражение Сартори)⁶¹. Весьма трудно предположить, что такие взгляды будут преобладать в обществе, которое сталкивается с проблемами, не терпящими отлагательства.

III

ПРОЦЕСС РАЗРУШЕНИЯ

Неразрешимые проблемы и кризис

Любая политическая система, основанная на определенном уровне легитимности, может рассчитывать на пассивное подчинение большинства граждан и на более или менее эффективную систему подавления силами охраны порядка насильственных перемен, на которых настаивает нелояльная оппозиция. До тех пор пока электорат или хотя бы парламентское представительство нелояльной оппозиции не образует абсолютного большинства, и пока лояльные партии согласны относительно желательности продолжения существования системы, демократический режим может выжить. Но еще до достижения этой точки кризис или ряд кризисов могут подорвать консенсус демократических партий и их способность к сотрудничеству. Такие кризисы — результат недостаточной дееспособности и эффективности сменяющихся правительств, которые сталкиваются с серьезными проблемами, требующими немедленного решения. В конечном счете, падение демократии — результат процессов, вызванных неспособностью правительства решить проблемы, для которых нелояльная оппозиция предлагает себя в качестве решения. Эта неспособность возникает, когда партии, поддерживающие режим, не могут прийти к согласию по какому-либо вопросу и та или иная из них пробует решить его при поддержке сил, которые воспринимаются системой как нелояльная оппозиция. Это способствует поляризации общества и вызывает недоверие тех, кто в других обстоятельствах обеспечил бы поддержку режиму.

Было бы лишь незначительным преувеличением обозначить такие проблемы как неразрешимые, ибо если не может быть найдено решение, приемлемое для большинства групп, поддерживающих режим, то значительная

часть политически и социально мотивированного населения все менее склонна ожидать эффективных действий. Это означает, что все большая часть населения отказывается системе в легитимации и поддерживает нелояльную оппозицию или, по меньшей мере, выступает за активное сотрудничество с ней в поисках решений. В этом контексте становится несущественно, что проблема достигла такой остроты вследствие действий (даже насильственных) нелояльной оппозиции. На самом деле, к антидемократической оппозиции склоняют и ее претензии на решение проблемы, и ее возможность воспрепятствовать любому решению, которое покажется ей неудовлетворительным. Дело идет от нерешенности проблемы к потере власти, вакууму сил, а в конечном счете — к переходу власти в иные руки, поляризации общества и гражданской войне. Нет сомнения, что поляризованная, центробежная многопартийная система — и следствие и причина такого процесса.

Как случается при данных ограничениях системы, что режим оказывается перед неразрешимыми проблемами (или, по меньшей мере, представляющимися неразрешимыми для большинства)? Тому есть множество причин, и здесь нельзя проанализировать их подробно. Это структурные проблемы, которые ни один режим не в состоянии разрешить; проблемы, превышающие возможности режима, пытающегося не компрометировать демократические свободы и процессы; проблемы, ставшие неразрешимыми из-за способа постановки их демократическим руководством, хотя при способности руководства находить решения и преодолевать трудности решение могло бы быть найдено¹. В обществах с достаточно стабильными демократическими режимами (прежде всего в Европе) не так уж много структурных проблем. Чаще всего трудности порождаются решениями демократического руководства, делающими какие-то проблемы нерешимыми в рамках демократии. Несколько упрощая, можно сказать, что нерешенные проблемы режима нередко следствие действий его элиты.

Разумеется, некоторые проблемы вызваны дисбалансом между нуждами и ресурсами общества, который не может быть уравновешен без внешней поддержки ни одним режимом. Это относится к бедным перенаселенным странам третьего мира — ни одно правительство, уважающее демократические свободы, не может справиться с ними. Ситуация может стать еще хуже, если структурные ограничения не будут распознаны, если вина возлагается на других и если руководство создает ложные надежды. Однако нерешенные структурные проблемы, унаследованные от прошлого, могут оказаться неразрешимыми лишь в краткосрочной перспективе, в особенности если намеченные решения учитывают опыт других, более развитых обществ, а не исходят лишь из собственного прежнего опыта. Гиршман верно отметил, что структурный взгляд на прогресс склоняет к пессимизму, поскольку отрицает относительный прогресс и отвергает все, кроме цельного, всеохватывающего и одновременного решения всех основных проблем². Другая ошибка — убеждение, что ни одна конкретная проблема не может быть решена, пока соотношение сил в обществе не изменилось полностью и все группы, воспринимаемые как препятствующие решению, устранены или уничтожены, даже без проверки возможности решений, которые обходили бы такие группы или влияли бы на них, но не уничтожали. Именно этот подход характерен для максималистского марксистского социализма — его сторонники убеждены в невозможности сотрудничества с другими партиями в рамках демократии, не желают вступать в правительство и искать конкретные решения наиболее острых проблем, и еще менее желают просто сохранять демократические институты как инструменты будущих решений.

В мире, где экономическая взаимозависимость все возрастает, решение некоторых проблем нередко находится за пределами возможностей национальных правительств. Это приводило и приводит к ультра-националистическим и волюнтаристским реакциям, ко-

торые чаще всего отождествляются с авторитарными политиками. Были и, вероятно, будут конфликты между государствами, не поддающиеся немедленному решению мирными средствами, во всяком случае, требующие некоторой мобилизации ресурсов, что повышает вероятность военной угрозы. Демократические политические процессы затрудняют такой путь решения; в результате правительство, намеренное пересмотреть международный статус и границы государства, оказывается открытым нападкам националистической нелояльной оппозиции.

Реалистическая оценка ситуации и недвусмысленная приверженность лишь мирным изменениям статус кво помогают избежать многих трудностей эффективнее, нежели пробуждение сомнительных ожиданий от других решений. Можно не сомневаться, как отметил Клаузевиц в своем классическом анализе (в котором он определил войну как продолжение политики иными средствами), что успех зависит от правильного определения целей военным руководством, которое правительству надлежит обеспечить всеми необходимыми средствами. Если предоставление таких средств невозможно, следует оставить стремление к достижению намеченных целей³. Практически, если нет всеобщего согласия относительно целей, которых надлежит достигнуть военными средствами, и если успех не приходит сравнительно быстро, демократия будет поставлена под сомнение из-за необходимости всеобщей мобилизации, из-за многочисленных жертв и из-за расходов, необходимых для достижения цели; возрастут также сомнения относительно самой цели. В такой ситуации демократические лидеры могут поддаваться искушению не отказываться от цели, а продолжать преследовать ее, не требуя от общества необходимых средств, в надежде уменьшить оппозицию, которую такие требования могут вызвать. Нежелание признать внутреннюю логику военного инструментария и невозможность достижения военных целей имеющимися средствами может иметь серьезные последствия для стабильности режима. Это

означает неизбежность отчуждения военного руководства от руководства политического, ибо военные начинают чувствовать себя ответственными за неудачи политиков, не желающих представить обществу реальные альтернативы.

Некоторые наиболее серьезные кризисы демократических режимов были вызваны именно проблемами такого рода, прежде всего тем, что демократическим режимам приходится терпеть пацифистов и даже предательское сопротивление войне. Это было несомненно решающим фактором падения конституционной монархии в Испании в 1923 г.; окончательного падения Третьей республики, вызванного нежеланием военного командования продолжать войну под властью правительства, покинувшего французскую метрополию, а также фактором мятежа, к счастью, приведшего лишь к преобразованию Четвертой республики в Пятую в 1958 г. Как показали недавние события в Португалии, такого рода проблемы возникают не только при демократических политических системах; в условиях демократии они особенно заметны. Следует отметить, что вызов гражданским властям со стороны военных не обязательно основан на жажде продолжать войну — наоборот, военные могут выступать за выход из войны из-за невозможности добиться победы имеющимися в наличии средствами.

Этот пример, выведенный из анализа Клаузевица, показывает, в чем состоит источник неразрешимых проблем в том смысле, в каком это имеется в виду в настоящей работе: постановка политическим руководством таких целей, для достижения которых у него нет надлежащих средств, и нежелание отказаться от этих целей, даже если становится очевидным, что эти средства не могут быть предоставлены. Эта неспособность нередко обусловлена несовместимостью средств и целей, в особенности целей, от которых политические лидеры не могут или не желают отказаться. Иногда лидеры не сознают невозможность одновременного преследования несовместимых ценностей и целей. Макс Вебер

в своем труде "Наука как профессия" заявляет, что главная задача ученого-социолога — способствовать рационализации жизни людей путем выявления конфликтов между ценностями и расширения представлений о соотношении средств и целей, а также относительно косвенных, нередко весьма неожиданных последствий использования некоторых средств⁴. Такого рода слепота политических лидеров объясняется многими причинами, в том числе невежественностью и неспособностью, однако, главными причинами являются чаще всего идеологическая жесткость; зависимость от лидеров второго эшелона; ожидания, пробужденные у избирателей; ограничения, налагаемые группами интересов. Это может поставить демократических лидеров перед трудным выбором: стремиться к целям и ценностям, которым они привержены, или отказаться от них (частично или временно) ради сохранения демократических институтов⁵. Кто может доказать, что политические лидеры должны приносить в жертву упорно преследуемые ими политические цели, интересы их последователей или представление о них как хороших партнерах ради сохранения политических институтов, которые не служат достижению этих целей?

В свете этого анализа становится ясным, что политические лидеры, всерьез приверженные идеологии или отождествляющие себя с определенными социальными интересами, менее всего способны заботиться о выживании политических институтов. Сочетание идеологических и социальных мотивов нередко делает приверженность политической системе самой по себе весьма мало вероятной как, например, у многих марксистских социалистических лидеров, глубоко связанных с интересами рабочего класса и профсоюзов, или у католических политиков, сочетающих идеологическое представление об обществе с непререкаемой лояльностью в отношении церкви. Невозможность решения безотлагательных проблем в рамках таких ограничений ведет к отказу от ответственности и к полulóяльности в отношении к системе.

В условиях демократии (в особенности в период кризиса) лидеры больше зависят от поддержки партийной организации, чем от избирателей. Нередко это сказывается в повышенном внимании к кадрам среднего звена (обычно наиболее идеологизированным) и к лидерам групп особых интересов, что особенно усложняет положение⁶. В некоторых случаях проникновение в группы интересов (на низовом уровне) растущих лидеров, отождествляемых с нелояльной оппозицией, ограничивает свободу действий политического руководства по поддержке системы⁷.

Сложность проблем, в особенности когда с ними сталкивается руководство, в котором нет единства, может привести к бездействию и к двусмысленным решениям и облегчить нелояльной оппозиции нападки на систему с требованиями доступа к власти для проведения упрощенных решений. Гитлер весьма точно выразил это: "Я скажу вам, что возвысило меня до моего нынешнего положения. Наши проблемы представлялись сложными. Немецкий народ не знал, как с ними справиться. В таких обстоятельствах люди предпочитают оставить дела профессиональным политикам. Я, напротив, упростил проблемы и свел их к простейшим формулам. Массы признали это и пошли за мной"⁸. Разумеется, способность правительств справляться с проблемами ограничена; она зависит от альтернативных стратегий реформ (как описано Гиршманом), и большинство правительств могут успешно справляться лишь с проблемами одного типа⁹. Можно показать, что подвижные коалиции и страдающие неустойчивостью правительства в пораженном кризисом обществе могут создать режиму лучший послужной список, чем какая-то политическая сила, противостоящая всем проблемам сразу. Однако неустойчивость правительства, даже обладающего дееспособностью, воспринимается обществом как признак кризиса режима и причина этого кризиса¹⁰. Последовательное решение трудных проблем посредством смены коалиций в рамках режима — это прежде всего вопрос распределения действий во времени.

Следовательно, нерешенные структурные проблемы подрывают дееспособность, а в длительной перспективе — и легитимность режима, но они редко оказываются непосредственной причиной его крушения. Это случается лишь при обострении проблем, что требует немедленных действий — когда есть опасность, что они станут неразрешимыми. Такое может произойти в результате быстрого изменения в хозяйственной ситуации — глубокий спад, высокая инфляция, отрицательный поворот платежного баланса, а также вследствие поражения или застоя в военных действиях, когда недовольство выражается в незаконных насильственных акциях обычно под руководством нелояльной оппозиции, сопровождающихся мобилизацией масс. Наиболее серьезны такие кризисы, если при невозможности решения насущных проблем поддержание общественного порядка становится неосуществимым в рамках демократии: когда режим нуждается в лояльности репрессивных сил; когда использование таких сил против той или иной группы становится невозможным без угрозы для коалиции, поддерживающей режим; когда нелояльная оппозиция проявляет способность мобилизовать значительные или стратегически важные группы населения.

В конечном счете крушение демократии происходит через использование средств, которые конституционная традиция называет "чрезвычайным положением". Как отметил Карл Шмидт (существенно преувеличивая, но не без наблюдательности), суверен — это тот, кто может принимать решения в условиях чрезвычайного положения¹¹. Когда возможность решения проблемы оказывается за пределами власти демократического правителя, происходит переход лояльности к другому суверену. По Тилли, такой переход и есть, в широком смысле, революция¹². Это может быть сменой режима или переменами в рамках режима, связанными с решительным изменением системы равновесия в обществе.

Способность сил, поддерживающих режим, справиться с такими ситуациями, связана, однако, с накоп-

лением "запаса легитимности" с течением времени и показателями их дееспособности в предшествовавших кризисах.

Теория лояльности Гиршмана оказывается неожиданно созвучной веберовской концепции легитимности и на шему применению ее к проблеме стабильности¹³. Гиршман замечает, что спрос на продукт — в данном случае, на поддержку режиму — всегда оказывается скорее всего функцией не только его нынешнего положения, но в какой-то степени и его прошлых качеств вследствие инерции и запаздывания в восприятии. В нашей терминологии легитимность — функция не только нынешней эффективности режима, но и этой эффективности в прошлом. Гиршман пишет: "Лояльность клиентов фирмы или членов организации в настоящем весьма зависит от эффективности фирмы или ее организации в прошлом". Когда Гиршман употребляет термины "лояльность", "организация" и "члены", мы говорим "легитимность", "режим" и "граждане". Стержень его анализа в том, что вследствие лояльности члены организации держатся за нее дольше в надежде или, скорее, в разумном ожидании, что улучшение или реформы могут быть проведены "изнутри". В нашем контексте граждане не переметнутся к нелояльной оппозиции, а будут продолжать поддерживать партии, стоящие на стороне режима, и надеяться на восстановление его дееспособности и эффективности. Это дает правящим силам шанс для проведения адекватной политики, во всяком случае, помогает выиграть время, пока обстоятельства, находящиеся вне контроля правительства, улучшатся. Таким образом, режим с долгим опытом стабильности имеет преимущества перед новым режимом.

Возможно, такую, например, проблему, как безработицу, вызванную экономическим спадом, не сможет удовлетворительно решить ни одна из противоборствующих сил. Однако в одних случаях эта проблема окажется неразрешимой для режима, а в других лишь вызвать его кризис — в зависимости от таких обстоятельств как возможность для нелояльной оппозиции

свалить трудности не столько на данное правительство, сколько на всю систему; различия в степени мобилизации и в уровне насилия; степень веры в лояльность сил охраны порядка. Подводя итоги, можно сказать, что не технические характеристики, а политический контекст возникновения проблем ограничения режима, а также альтернативы, создаваемые наличием одной или нескольких оппозиций, — все это в конечном счете инициирует процесс падения режима.

Кризисные группы и их место в обществе и политике

Степень мобилизованности отдельных людей для участия в массовом движении или для насильственных действий против режима в условиях кризиса весьма различна в разных обществах. В последнее время собрано немало эмпирической информации для ответа на вопрос, почему люди восстают. В качестве отправной точки исследуются психологические процессы, предполагающие агрессивные реакции. Социологический анализ и описательные исследования сосредоточивались на условиях, облегчающих такие реакции, в особенности на легитимации насильственных акций, что позволяет организовать их и добиться их успеха. К сожалению, в этих исследованиях рассматривались лишь исторические примеры, такие как Французская революция и ее эквиваленты в XIX веке, или же аграрные беспорядки в странах третьего мира.

В нашем анализе не приводятся систематизированные сравнительные данные о "кризисных группах" и их влиянии на демократию¹⁴. Имеется базисная статистика о безработице, позволяющая сделать сопоставления по стране, однако нет никаких сравнительных данных о воздействии Великого кризиса на независимых предпринимателей среднего класса или на крестьянство и еще меньше данных, которые помогли бы связать социальные и экономические перемены с уровнями политической мобилизации, в особенности с возникновением военизированных организаций фа-

натиков. Можно использовать биографические данные, чтобы проследить влияние первой мировой войны, внутренних столкновений в послевоенные годы, националистической мобилизации в защиту границ и для борьбы с оккупацией Рура [Францией] на формирование активного ядра нацистской партии, в особенности активных участников насильственных действий; однако нет данных для такого же анализа североитальянского сквадризма.

Наличие в пораженных кризисом группах личностей, которые обладают вождистскими способностями, свободным временем, опытом военной дисциплины и умением использовать насильственные методы, весьма важно, особенно если учесть характер нелояльной оппозиции и ее возможный образ действий. В этом контексте следует отметить, что в Испании кризис, поразивший высший и средний классы, в том числе значительные группы крестьян-землевладельцев, не породил политического движения вроде нацизма или итальянского фашизма. Неучастие Испании в первой мировой войне и, соответственно, отсутствие поколения ветеранов войны, офицеров запаса из средних слоев, а также малочисленность студентов, не завершивших образования и оставшихся частично или полностью безработными, ограничили кадры потенциальных лидеров фашистского движения. В результате классы общества, задетые кризисом республики и напуганные мобилизацией рабочего класса, не могли рассчитывать на многочисленные кадры фашистских активистов, и им пришлось обратиться для защиты их интересов к армии.

Политическое насилие и его воздействие

Если исключить случаи вмешательства армии, переход власти от демократического руководства к иному редко происходил в результате прямого нападения вроде описанного в классической книге Корцио Малапарте¹⁵. Гитлер вступил в рейхканцелярию не в ре-

зультате путча. И Муссолини не маршировал на Рим, чтобы штурмовать Квиринал во главе фашистских легионов: он прибыл в Рим в спальном вагоне по приглашению короля. Однако насилие сыграло важную роль в падении этих демократий, не столько в процессе собственно перехвата власти, сколько в процессе ограничения их дееспособности, что способствовало утрате ими легитимности, потере власти и созданию вакуума сил. К сожалению, многочисленные исследования о структурах этих режимов и причинах насилия не могут вывести из этих структур такого рода последствия¹⁶. Многие страны, которые классифицируют как нестабильные вследствие высокого уровня политического насилия, не пережили смены режимов, тогда как другие, в которых было меньше проявлений насилия, проходили через глубокие кризисы и смены режимов. Более того, взрывы насилия нередко происходят лишь в результате попыток изменения режима.

Еще менее известно, в какой мере ужесточение насилия или страх перед ним являются результатом действий властей; имеются лишь исследования на популярную ныне тему, что репрессии со стороны правительств приводят к более многочисленным жертвам, нежели действия оппонентов, и что правительственные репрессии могут стимулировать еще большее насилие. Вероятно, вследствие того, что исследователи сосредоточили внимание на тех случаях, когда насилие в политических целях или с политическими последствиями было выражением тех форм недовольства, которые они были склонны оправдывать, они концентрировались на неудачных попытках подавления насилия. Мало внимания обращалось на те случаи, когда власти, полиция и суд, даже не одобряя актов политического насилия, вели себя мягко в таких ситуациях, когда исследователи симпатизировали тем, кто был в них вовлечен, или были враждебны к жертвам насилия¹⁷. Так же мало внимания уделялось влиянию решений по поводу актов насилия и наказанию за него на политический процесс и на от-

ношения между партиями и другими действующими лицами политической системы. Думается, некоторые последствия насилия как фактора делегитимации можно усмотреть в решениях, принятых в ответ на насилие.

В данном случае имеются в виду такие сложные решения как признание политических мотивов данного акта насилия или объяснение его выражением социального недовольства или как совершенного сумасшедшими или обычными преступниками, независимо от претензий участников насильственных действий и от отношения к ним разных групп общества; таковы же решения относительно того, остановить ли насилие сразу, с первой же его вспышки, или как-то признать его инициаторов, начав с ними переговоры; решения о силах, которые надлежит использовать для подавления насилия, в особенности использования полиции, армии и военизированных групп, поддерживающих правительство. К сложным решениям относятся также выбор степени и типа признания тех представителей сил порядка, которые погибли при исполнении своих обязанностей. Формы объявлений чрезвычайного положения и ограничения гражданских свобод; акции против лидеров, вступивших в союз с инициаторами насилия, в особенности если эти лидеры обладают парламентской неприкосновенностью; решения о характере рассмотрения судебных дел — в порядке обычной или особой юрисдикции, в частности, в военных трибуналах, если события происходят в условиях чрезвычайного положения, дающего особую власть военным. Приходится принимать решения о преследовании отдельных персонажей, вина которых очевидна и действительно действовавших жестоко, и о нежелании преследовать политических лидеров, которые поддерживали виновных, но вину которых невозможно доказать; относительно того, приводить или не приводить в исполнение судебные приговоры, вынесенные в таких ситуациях; как решать внутренние конфликты в правящей коалиции или же конфликты между правитель-

ством и главой государства; относительно актов и законов, ограничивающих свободу партий предпринимать такие действия, которые могут привести к взрывам насилия (особого рода демонстрации, провокационные марши, ношение особой униформы), а также право государственных служащих, в особенности полицейских и военных, принадлежать к каким-либо партиям; и, наконец, надо ли ставить вне закона определенные организации и даже политические партии вследствие их незаконных акций и угроз общественному порядку.

Все такого рода решения могут и подорвать и усилить легитимность, дееспособность и эффективность правительства в отношении различных групп общества и всего политического спектра. Однако возможность получить положительный результат во многом зависит от легитимности, дееспособности и эффективности правительства и режима до наступления кризиса. Постоянное взаимодействие этих показателей в меняющейся обстановке делает трудным для социолога вывести некие общие предложения, а для политика — справляться со столь неоднозначными ситуациями.

Самое важное состоит в том, что режим, в особенности центральное правительство, обязан реагировать на насилие, даже если нарушение законов и насилие с политическими целями приемлемо для лидеров, имеющих большое число сторонников, и не осуждается (даже если и не одобряется) значительными группами общества; правительство не может игнорировать политических последствий таких решений безотносительно к тому, касаются ли они преступлений отдельных лиц или общественных сил. В обществе с нелояльной оппозицией на обоих концах политического спектра силы, поддерживающие режим, должны знать, что какое бы решение они ни приняли, оно может быть использовано той или иной стороной (а то и обеими сразу) для подрыва легитимности режима. В таких ситуациях некоторые политические группы или лидеры могут скатиться к полулояльности, что усиливает атмосферу недоверия и раскола.

Утрата монополии на организованную политическую силу

Главная характеристика современного государства — монополия законной силы полиции и армии, находящихся под властью политического руководства. Если решение о применении силы не может быть принято только политическим руководством, а требует консультаций или согласия тех, кто контролирует армию, это означает, что правительство во многом утратило легитимность. То же справедливо и для случаев, когда правительство допускает возникновение военизированных групп, намеренных использовать силу в политических целях. Вполне вероятно, что такие группы будут становиться все более и более самостоятельными, создадут собственную идеологию, сформулируют собственные цели и вообще перестанут нести ответственность перед демократически избранным правительством. В демократической политической системе представляются неэффективными и нежелательными даже те военизированные организации, которые создаются с одобрения правительства партиями, поддерживающими демократический режим, чтобы противостоять нелояльной оппозиции и поддерживать правительство в чрезвычайных обстоятельствах. Однако наиболее серьезную угрозу существованию демократического режима представляет терпимость с его стороны к формированию военизированных организаций нелояльной оппозиции. Такая терпимость была решающим фактором в падении демократической власти в Италии, Германии, Австрии и, в определенной степени, в Испании¹⁸.

Уникальные исторические обстоятельства способствовали формированию военизированных групп в Европе в межвоенные годы¹⁹. Так, в Германии, Австрии, Финляндии, балтийских республиках защита пограничных районов, особенно со смешанным этническим составом населения, осуществлялась силами гражданской обороны, создававшейся более или менее сти-

хийно под руководством добровольца — демобилизованного или отставного офицера. Отчасти это объясняется тем, что некоторые из этих стран были молодыми нациями, неимевшими профессиональной армии. На северо-востоке Европы необходимо было защищать границы от Советского Союза — факт, важнейший для понимания политической ориентации сложившихся групп обороны и организации ветеранов, старавшихся поддержать свои традиции. В Австрии и в Германии действовали такие факторы как поражение и распад армии, а также ограничения, наложенные победителями на армию, ее задачи и численность²⁰. Все группы действовали не только для предотвращения угрозы на границах, но и против более или менее успешных или псевдореволюционных акций, вроде кратковременного правления Курта Эйснера в Баварии²¹. Здесь они были созданы под влиянием страха, вызванного революциями в России и Венгрии.

Будучи весьма слабыми, новые демократические государства должны были соглашаться на поддержку таких иррегулярных формирований, а иногда и просто полагаться на нее. Однако эти группы разработали свою собственную идеологию и стали ядром ультра-националистических правых военизированных группировок, осуществлявших враждебные действия не только против коммунистов, но и против умеренных социалистов — основателей режима. В дальнейшем члены этих групп становятся национал-социалистами, активистами военизированных СА и СС. В последующие годы высшее командование решило, что эти организации вместе с воинствующими организациями ветеранов войны могут образовать ядро резервной армии в случае чрезвычайного положения (внутри и вне страны), а также помогают обойти ограничения на военную подготовку, наложенные Версальским договором.

В Италии тоже многие в армейском командовании и кое-кто в правительстве закрывали глаза на националистические военизированные формирования вроде

участвовавших в фиумской экспедиции Д'Аннунцио или фашистских отрядов на спорных территориях вдоль итало-югославской границы; их даже поддерживали, ибо такие отряды позволяли обойтись без привлечения армии, что возбудило бы гнев союзников, противившихся итальянским претензиям. Этот двусмысленный подход к организованным силам политического насилия позднее был распространен на фашистов и их борьбу против господства левых организаций в сельских местностях, в особенности в "красном поясе" долины По.

Во всех таких случаях терпимость правительства в отношении насильственных акций нелояльной оппозиции является следствием его двусмысленной политики с оглядкой на возможные издержки подавления оппозиции и на связи между оппозицией и регулярной армией (из-за присутствия многих бывших офицеров в руководстве оппозиции) и в то же время опасений, что в ответ на эти акции левые создадут свои военизированные организации. Если партиям, поддерживающим режим, приходилось также создавать такие организации, запрет на них пришлось бы распространить и на эти силы, что, в свою очередь, вызвало бы сопротивление. В Германии к этому прибавились различия в политическом составе правительств различных земель и в их политике в отношении таких организаций, что тоже препятствовало формированию единой политики центрального правительства. Одним из наиболее серьезных последствий утраты правительством монопольной власти над вооруженными силами была возникшая из этого зависимость правительства от армии в вопросах поддержания внутреннего порядка. В итоге высшее командование армии включилось в процесс принятия решений, относящихся к вооруженным формированиям нелояльной оппозиции.

Другой случай, который следует рассмотреть в данном контексте, — когда демократическое правительство или лидеры партий сомневаются в лояльности вооруженных сил государства или даже низших органов управления. Для предотвращения возника-

ющей в связи с этим угрозы предпринимаются попытки формирования неправительственных вооруженных сил вроде рабочей гвардии, "групп 11" в Бразилии и "индустриальных кордонов" в Чили. Иногда правительство не участвует в этом непосредственно, но поощряет создание таких формирований или во всяком случае терпимо относится к таким замыслам. В условиях демократии возможности политических групп и нереволюционных властей создать такие силы невелики. Прежде, чем они будут организованы, военный истеблишмент, поняв угрозу, нанесет удар по такой власти с большей эффективностью чем в любом ином случае. То же, по-видимому, справедливо для любых действий, способствующих политизации солдат или младшего комсостава в качестве превентивной меры против военного путча. Это будет явственно указывать на утрату правительством или режимом легитимности в вооруженных силах, и они способны усилить эту тенденцию и ускорить ее развитие. В современном обществе при наличии хорошо организованной профессиональной армии, если полиция и часть армии останутся верными правительству, наиболее вероятным исходом является поражение таких неправительственных вооруженных сил, возможно, — через гражданскую войну.

В литературе, анализирующей насилие, очень мало внимания уделено этой промежуточной стадии, когда дозволенные или терпимые военизированные образования становятся политическим фактором; по-видимому, редкость таких исследований объясняется тем, что уровень насилия в эти периоды, если измерять его в принятых терминах, может быть невысоким. Даже при отсутствии систематических данных можно сказать, что, например, в последние годы Веймарской республики уровень насилия был ниже, чем в предшествующие годы; однако наличие политических военных формирований и неспособность правительства восстановить контроль над организованными вооруженными силами было дурным предзнаменованием для демократии.

Политическое значение насилия как со стороны правительства, так и со стороны его оппонентов, во многом зависит от реакции на насилие институтов, которые должны санкционировать его: парламента, уважаемых всеми выразителей общественного мнения, глашатаев политической элиты. Одностороннее оправдание или осуждение актов насилия — и индикатор и причина утраты легитимности участниками политического процесса. Рассказ об Испании в настоящем сборнике иллюстрирует, как таким образом создаются неразрешимые для режима проблемы и как разумные его участники обнаруживают, что этот процесс крушения мог бы ускориться, если бы не решительные действия сторонников режима.

Парадоксально, что демократическому режиму требуется больше сил для охраны внутреннего порядка, чем устоявшейся диктатуре, ибо демократия не может рассчитывать на страх. Реакция демократии на насилие должна быть мощной, но умеренной: только численное превосходство может воспрепятствовать чрезмерной реакции власти. Беречь следует не только руководителей правительства, но и лидеров оппозиции и даже охранять одну группу экстремистов от другой. Восстановление равновесия в демократических режимах требует разумной реакции на действия оппонентов, иногда вплоть до изменения допустимых пределов гражданских свобод.

Кризис демократии и многонациональные государства

Одной из основополагающих идей любой работоспособной демократической политической системы является лояльность граждан, не зависящая от режима или правительства, находящегося у власти; эта лояльность должна быть большей, чем лояльность к другому государству — существующему или нарождающемуся²². Легитимность государства в его территориальных границах — предварительное условие легитимности любого режима, особенно важное для

демократии, которая обязана обеспечить гражданские права для всех жителей государства. В многонациональном государстве стабильность оказывается под серьезной угрозой, если большое число граждан отождествляет себя с государством, с которым оно граничит. В таких обстоятельствах, в особенности если существует мощное националистическое движение с более или менее скрытыми сепаратистскими устремлениями, демократия и даже само государство могут оказаться нежизнеспособными. Политическая система стабильна только если решения власти обязательны для граждан всех районов страны и граждане не передают свою лояльность другому государству²³.

Демократический политический процесс предполагает, что сегодняшнее меньшинство может превратиться в большинство, убедив нынешнее большинство согласиться с его идеями, или же в результате медленных перемен в структуре общества. Так, надежды лейбористских партий опирались на рост классового сознания рабочих и/или на рост численности пролетариата в марксистском смысле этого понятия, т.е. на тех, кто не обладает собственностью на средства производства. Относительно этнических, культурных или лингвистических меньшинств дело обстоит совершенно по-иному, разве что эти меньшинства надеются ассимилировать большинство населения или же если в тех регионах, где они составляют большинство, власть будет передана самоуправляющимся органам. Но даже это не решает вопрос в тех случаях, когда национальное меньшинство, являющееся большинством в данном регионе, сталкивается там с крупным меньшинством, на ассимиляцию которого никаких надежд не имеется. Консоциативные механизмы могут снизить неизбежное в таких случаях напряжение, однако любой читатель растущей литературы по консоциативной демократии поймет, что нелегко обеспечить условия, необходимые для успеха такого дела, и это не всегда удается²⁴.

В целом можно сказать, что в многонациональном

государстве, опираясь на принципы культурного и лингвистического национализма, вряд ли можно прийти к стабильной демократии, в особенности если какая-то национальная культура и идентификация доминируют и нет четких территориальных границ между общинами. Возможно, постоянный пересмотр формул ассимиляции, обеспечивающий гомогенность политических субрегионов, позволит сделать в многонациональном государстве главным настроением по отношению к нему лояльность, а не национальную идентификацию²⁵. Однако, к сожалению, в современном мире главная цель — создание наций, а не государств; а эта задача превышает силы любой страны, не достигшей положения нации-государства еще до эпохи национализма. Сейчас, когда все национальные культуры и языки считаются в принципе равными, когда профессиональные функции все больше связываются с письменными языками, когда люди все больше живут в крупных гетерогенных городских центрах в постоянном контакте с общественной и частной бюрократией, средствами массовой информации и т.п., невозможно построить нацию на основе культурной гомогенности. Федералисты и адвокаты регионального или местного общинного самоуправления считают, что это не будет серьезной проблемой, если центральные власти готовы передать субрегионам право решения многих, а то и большей части вопросов. Не касаясь того, могут ли современная промышленная экономика и государственная организация эффективно и правильно функционировать при такой децентрализации, проблема остается неразрешенной, если ее лишь передают с национального на более низкие уровни правления. Разумеется, децентрализация делает возможным сосуществование многих народов на территории одного государства и снимает проблему постоянного существования какой-то группы в качестве меньшинства, сделав его большинством на его территории. Однако трудности начинаются, когда на той же автономной территории возникает другое постоянное меньшинство, а так оно чаще всего

и бывает. Так обстоит дело в большинстве многонациональных государств, ибо века сосуществования, внутренние миграции, ассимиляция в доминирующей культуре, утрата культурной идентификации крупными группами населения, выгодное положение более сильных языков, — все это обычно разрушает культурную однородность субрегионов. Кроме того, быстрое экономическое развитие, индустриализация, различия в уровнях рождаемости в развитых и менее развитых регионах вызывают крупномасштабные внутренние миграции из менее развитых в более развитые регионы, еще более снижая однородность субрегионов. Это означает, что неизбежно в каждом регионе, которому предоставляется автономия, постоянно будут находиться меньшинства, так же ощущающие этот свой статус, как прежние меньшинства на национальном уровне. Демократический процесс с его гражданскими свободами не сможет сам по себе гарантировать де юре или де факто защиту права такого меньшинства против скрытой дискриминации и попыток ассимиляции. Если большинство привержено идее повышения национальной культурной гомогенности на его территории, а меньшинство — идее сохранения его особого культурного наследия, то будут возникать политические проблемы, которые поведут к конфликтам. Экономическое процветание создает некоторые возможности для решения этих проблем, например, дублирование деятельности всех общественных служб на всех языках, но в бедной стране подобные решения оказываются невозможными. К тому же, как отмечают социологи, неизбежны такие процессы как ранжирование языков по их важности и сегрегация сфер их применения; это, в конечном счете, ведет к неравенству, что возмущает ту или иную группу, которая попытается политическими мерами изменить ситуацию²⁶. Постоянное меньшинство указанного типа не сможет ничего сделать против большинства, приверженного лишь собственным ценностям, иначе как апеллируя к высшим властям, а это неизбежно приведет к поли-

тическим и конституционным конфликтам, разрешить которые необычайно трудно. Если к тому же меньшинство сможет призвать в поддержку силы извне, его действия будут особенно опасными и могут стать причиной как законных, так и незаконных акций, несовместимых со свободным обществом. Отделение в форме присоединения к другому государству или в форме образования национального государства — наиболее вероятные последствия. Однако совместное существование различных групп населения на той же территории скорее всего передаст новому государству в наследство те же проблемы.

Понятно, что демократия не дает однозначного ответа на вопрос, при каких условиях отделение законно, неизбежно и жизнеспособно. Кто должен определить границы отделяющейся территории, какое большинство необходимо для этого, какие гарантии должны быть даны новым образующимся здесь меньшинствам? Иногда история определяет границы, относительно которых как будто можно принять решения, однако нередко такие исторические границы весьма отличаются от культурных и языковых и от границ, определяемых развившимся со временем чувством национальной принадлежности. Должны ли быть территории, где большинству будут предоставлены основные права, целыми регионами, провинциями, муниципалитетами или общинами? Чем они крупнее, тем больше меньшинств испытывает искушение отделиться от нового государства; чем меньше подразделение, созданное ради соблюдения демократической процедуры, тем менее вероятно, что новое государство будет жизнеспособным в рамках своих географических границ, экономических ресурсов, коммуникаций и исторической идентификации. Что делать с географическими анклавами в новом государстве или в его крупных гетерогенных городах, сложившихся в результате ассимиляции и/или внутренних миграций? Одним из решений может быть обмен населением, как это произошло после войн в Восточной Европе

или между Грецией и Турцией после первой мировой войны. Однако, за небольшими исключениями, такие перемещения осуществлялись без учета пожеланий затронутого ими населения: хотят ли люди переселиться или предпочитают остаться там, где они всегда жили. Навязывание такого решения силой не является демократическим, даже если происходит в рамках закона. Однако реалии современных развивающихся экономик вряд ли допускают крупные перемещения людей в качестве перманентного решения, а приверженность идее равенства языков и культур вряд ли допускает политику дискриминации с целью ассимиляции.

В мире, пропитанном национализмом, для этих проблем нет легких решений, а может быть вообще нет решений в контексте либерального общества. Это же можно сказать и о неустойчивости демократии в многонациональном государстве²⁷. Всегда имеется вероятность, что та или иная группа призовет силы извне для защиты своих интересов, будет навязывать обществу авторитарный режим, или же наоборот, призовет к координации многонациональных субрегионов с помощью элиты доминирующей политической единицы, не чувствительной к националистическим требованиям людей. Любая из таких возможных реакций на проблемы многонационального государства означает конец демократии, если под демократией понимать власть большинства с учетом прав меньшинств, дающую им возможность участвовать в процессе принятия решений.

Даже если националистические чувства большинства не предполагают национальной исключительности и крайне сепаратистских решений, проблему весьма трудно решить в рамках многонационального демократического государства. В таком государстве, даже если его поддерживают большинства как в субрегионах, так и в центральной политической единице, и эти большинства готовы к компромиссам по политическим вопросам, могут обнаружиться многочисленные меньшинства, не принимающие никаких решений, кроме полной независимости, и готовые к насильственным дей-

ствиям. Возможно также, что другие меньшинства будут поддерживать крупную общность в качестве государства или включение в национальное строительство через ассимиляцию или даже через подчинение силе. К сожалению, когда какая-то политическая единица подавляет такие крайние устремления меньшинств, они могут найти поддержку даже среди противников максималистских решений, в особенности если делаются попытки подавить и их самих. Игра сил между сепаратистским ультра националистическим меньшинством и движениями умеренных националистов, включающими партии центра, в том числе экстремистские партии унитаристов, создает для демократического государства большие трудности. Умеренные на периферии и в центре меньшинства становятся легкой добычей сепаратистов и выступающих за унитарное централизованное государство, и попытки умеренных найти компромиссные решения воспринимаются экстремистами как неприемлемые, а то и предательские. Этот клубок становится еще более запутанным, если такие политические объединения расколоты по другим вопросам — социальным или из-за противоречий между религиозными и светскими группами (что в развитых обществах вполне возможно). В таком случае сотрудничество в национальном вопросе между умеренными в центре и на периферии, которые в других вопросах стоят на противоположных позициях, будет затруднено: усиливается искушение сотрудничать с умеренными и даже с экстремистами, находящимися в оппозиции в центре или на периферии. Для демократических политических партий это естественно, но если местное националистическое правительство вступает в союз с оппозицией в центре, имеющей ту же политическую окраску, или если центральное правительство вступает в союз с местной оппозицией, поддерживая ее требования против регионального правительства, обычные конфликты интересов и идеологий приобретают дополнительную силу и смысл через интерпретацию: их рассматривают как сепаратистскую угрозу. Страсти

могут разгореться, обычный конституционный конфликт будет воспринят как угроза режиму, а то и государству. Нормальный демократический механизм принятия решений большинством вряд ли получит легитимацию в таких обстоятельствах.

Если к этому добавятся призывы к соседним государствам, симпатизирующим периферийному национализму по своим резонам (лингвистическое и этническое родство или же просто политическая игра), то нестабильность усилится и возрастет готовность принять репрессивные меры против меньшинств, рассматриваемых как полулояльные или нелояльные. Такие меры могут лишь обострить напряженность. Наличие смешанного населения с двойной лояльностью еще более усложняет обстановку. Защита его интересов и манипуляция им со стороны центрального правительства дает возможность поставить под сомнение демократическое представительство региональных властей и партий.

Поэтому не случайно, что лишь немногие многонациональные государства обладали стабильным демократическим устройством. В этом, наряду со множеством других факторов, причина отсутствия консолидации демократий в Восточной Европе и на Балканах в межвоенные годы и во многих странах третьего мира (вне Латинской Америки) после обретения ими независимости. Решение ограничиться в настоящем сборнике только относительно стабильными мононациональными государствами, не позволяет развивать далее эту сложную тему. Глава об Испании дает некоторое представление о многонациональном составе государства как факторе, способствующем кризису демократии, хотя и в этом случае классовые и идеологические конфликты явно сыграли несравненно большую роль. Двусмысленность понятия "государственность" по сравнению с понятием "нация", как показывает Уолтер Саймон, была одной из проблем Первой республики в Австрии²⁸. Конфликты между землями и федеральным правительством Германии в период Веймарской республики

(в особенности с оплотом правых — Баварией), а также память о сепаратистских покушениях (подобных происходившим в Рейнской области) после первой мировой войны способствовали ухудшению политического климата в Германии даже при отсутствии особого националистического компонента²⁹. С этой точки зрения весьма интересна Чехословакия вследствие сочетания внутренних и внешних давлений, опасных для стабильности демократии. В этом свете относительная стабильность новой демократии в Центральной Европе представляется еще более достойной изучения с теоретической точки зрения.

Кризис, демократическая партийная система и формирование правительства

Неспособность сил, поддерживающих режим, найти решение острых проблем при столкновениях с нелояльной оппозицией и вследствие роста насилия приводит к нестабильности правительства и обострению трудностей формирования коалиции, к умножению фракций в партиях и последующему их расколу. Эти три процесса имеют тенденцию накладываться один на другой, что их усиливает. Поэтому акции лидеров режима по воспрепятствованию этим процессам могут сыграть роль в установлении нового равновесия перед лицом кризиса.

Нередко эти три процесса обозначают новую фазу, для которой характерна утрата власти и переход ее к недемократическим элементам конституционным путем. Это происходит в результате отказа демократических лидеров от ответственности и усиления их зависимости от государственных структур, которые функционируют постоянно и меньше зависят от немедленной реакции избирателей. В конечном счете, такой ход событий скорее всего приведет к сужению политической арены и к росту влияния малых, не имеющих четкой программы враждебных групп. На последующих этапах различные политические силы проявляют склонность к привлечению в свои ряды нелояльной оппозиции, ибо

они не в состоянии изолировать и подавить ее³⁰. На этой стадии даже силы, поддерживающие режим, пытаются действовать полулояльно по отношению к режиму. Такая последовательность событий не неизбежна, но она становится все более вероятной; это дорога вниз, сужение альтернатив, воронкообразное движение, которое может завершиться и сменой режима, а в лучшем случае решением проблем в рамках режима.

Рассмотрим самые непосредственные последствия кризиса для партийной системы и ее способность создать стабильные, дееспособные правительства и сохранить лояльность крупным группам избирателей.

Проблемы, которые мы характеризовали как не поддающиеся решению, заставляют правительство занять оборонительные позиции. Усиленного внимания требуют парламентские дебаты, а все остальные отодвигаются на второй план. Ответственные за политические поражения уходят в отставку. Скрытые трения внутри правительственных партий и между ними выходят наружу, следует реорганизация кабинета. Проблемы могут оказаться еще более серьезными в многопартийных коалиционных правительствах. Некоторые партии — члены коалиции, в особенности находящиеся на краях политического спектра, начинают пересматривать свои обязательства, изучают возможности изменения в коалициях или же просто временного уклонения от ответственности пребывания в правительстве. Так может действовать и одна из крупных партий, если ее интересы страдают от неблагоприятных процессов и ожидания не оправдываются. Забота об исходе будущих выборов может привести партии к отказу от ответственности за пребывание в правительстве. Каковы бы ни были права главы государства на роспуск парламента и объявление новых выборов, у него всего три возможности: перестройка коалиции, правительство меньшинства с пониженной эффективностью или же полный роспуск правительства.

Описанное выше — нормальный для парламентской демократии процесс, и его результатом вполне может

быть новое объединение сил внутри спектра демократических партий, как это часто случалось в периоды Третьей и Четвертой республик во Франции и в послевоенной Италии. Реальная политическая сила в центре способна привлечь участников коалиции на обоих концах спектра и создать сильный парламентский блок, может сделать такую коалицию работоспособной на длительное время. Однако это может отрицательно повлиять на дееспособность системы и вызвать размывание доминирующей партии центра³¹.

При раздробленной, центробежной многопартийной системе такое решение по многим причинам невозможно без проведения выборов в строго определенные даты — это ведет к неопределенности и сдвигам в решениях избирателей. В обществах, где масса избирателей пронизана партийностью, где партии создали свои субкультуры, которые ограничивают сдвиги во мнениях независимых избирателей, и где существует общее мнение о некоторых партиях как нелояльной оппозиции, подлежащей изоляции, исход может быть тем же, что и в случае выборов, предшествующих кризису. В таких обстоятельствах избиратели обнаруживают, что реальной альтернативы нет, и приверженность демократическим партиям основывается скорее на неприятии крайностей, нежели на достижениях партий, поддерживающих режим. В таких условиях сравнительно небольшие перегруппировки в коалиции могут позволить системе существовать и далее. Положение, однако, существенно меняется, если нелояльная оппозиция достигает больших успехов на выборах. Партии, поддерживающие режим, могут почувствовать, что им необходимо оставаться вне правительства для более эффективной борьбы с нелояльной оппозицией и сохранения возможности присоединения к ослабевшей правительственной коалиции.

Если описанный цикл повторяется несколько раз достаточно часто и если не будут предприняты усилия чтобы найти равновесие путем формирования новой коалиции партий, поддерживающих режим на уровне

правительства или избирателей, возможна утрата дееспособности, а затем и легитимности режима. Примером могут послужить последние три года Веймарской республики, когда успех Гинденбурга на выборах, обусловленный поддержкой демократических партий, выступавших против кандидатов-экстремистов, сигнализировал о наличии значительного потенциала для создания определенного равновесия. Хороший пример противоположной реакции на возможный кризис режима можно привести из истории Бельгии, когда партии, поддержавшие на дополнительных выборах ван Зееланда, нанесли поражение партии "рексистов"³².

Крайняя многопартийность, сопровождавшаяся центробежными тенденциями, проанализирована многократно в обширной литературе. Главными факторами многопартийности являются сложность социальной структуры и многочисленные расхождения, возникающие вследствие этого; сила идеологических традиций и разделяющее влияние политизированной идеологии. Непрочная система выборов, в особенности — с чисто пропорциональным представительством, не налагает никаких ограничений на избирателей; если к тому же слаба и партийная система, то раздробленность еще более усиливается. При раздробленной и поляризованной многопартийной системе с законодательством о выборах, не вознаграждающим за усилия в сотрудничестве партий, поддерживающих режим, а поощряющим конкуренцию между ними вдобавок за действия против неояльной оппозиции, новые выборы мало помогут в разрешении кризиса. Предвыборная борьба выявит скорее различия в интересах и идеологических приверженностях партий, поддерживающих режим, что еще более затруднит их последующее сотрудничество. Более того, обвиняя режим, а не какую-либо данную партию, и предлагая упрощенные решения, которых им не дали осуществить, партии, не поддерживающие режим, могут играть на недовольстве избирателей и тем самым еще более снизить работоспособность системы. В итоге они могут добиться большинства и сделать почти невоз-

возможным формирование правительства, или же поставить правительство в зависимость от внепарламентских сил. Все это ведет к заключению: в кризисной ситуации демократические партии подвергаются весьма тяжелому давлению, которое приводит к расколам в них, к их бегству от ответственности и взаимному ослаблению.

Раздробленность проявляется в умножении фракций внутри партий. Это становится заметным на партийных съездах и ведет к последующим расколам и к увеличению числа партий. Решения, принимаемые в кризисных ситуациях, выявляют скрытые разногласия, связанные с идеологией, групповыми интересами и личными конфликтами. Кризис навязывает решения, противоречащие идеологическим принципам партий, которые приносятся в жертву группами интересов, что, в свою очередь, ведет к столкновению между лидерами. Этому способствует неясность относительно реакции недовольных избирателей и конкуренция между идеологически близкими партиями, и лидеры начинают обдумывать альтернативные коалиции. Даже если при такой политической неопределенности удастся определить последовательность решения проблем в процессе смены коалиций (как это было во времена Четвертой республики во Франции), эта неопределенность создает у публики представление о нестабильности, об отсутствии у этих лидеров принципов, об их зависимости от групп интересов, об оппортунизме партий и борьбе их лидеров за личную власть.

В кризисной ситуации события, которые в обычных обстоятельствах не имели бы существенных последствий, способствуют возрастанию напряженности. Исторические анналы отмечают среди таких факторов нарушение общественного порядка и нерешительную или чрезмерную реакцию на него правительственных служб; ответственность за это может лечь на лидеров. Репутацию партий и лидеров подрывают финансовые или личные скандалы, как и такие взрывоопасные проблемы, как амнистия или, наоборот, исполнение приговоров, в особенности смертных приговоров по политическим делам. Такие же

последствия могут иметь сложные проблемы разделения полномочий между исполнительной, законодательной и судебной властями в парламентской системе или же отношения с королем и президентом. Сами по себе эти проблемы могут не быть неразрешимыми, однако они создают драматический фон, повышающий шансы политической демагогии и морального осуждения, что, в свою очередь, может внести раскол в ряды политиков. Сюда же можно отнести подозрения, вызываемые союзами, которые заключают партии или лидеры с силами или институтами, могущими вмешиваться в политический процесс (иногда их называют косвенной властью: церковь, Ватикан, мasons, большой бизнес, крупные банки, иностранные государства).

Читателей может удивить, что здесь не учитывается влияние открытой или скрытой внешней интервенции на процесс крушения режима, в особенности после относительно недавних событий, показавших ее роль (например, в Греции и Чили). Можно доказать, однако, что без внутренних процессов, приводящих режимы к кризису, такая интервенция (а тем более военное вторжение) в устоявшемся нации-государстве не могла бы произойти, а тем более быть успешной. Она может определить исход кризиса, но причиной или даже главным его фактором интервенция служить не может. Классические примеры: приход к власти фашистов, крушение Веймарской республики, события, обусловившие военный мятеж в Испании (но не продолжительная гражданская война) — не имели никакой связи с внешней интервенцией.

Отказ от подлинной демократии

Частым последствием утраты сплоченности партий, поддерживающих режим, являются попытки удалить самые конфликтные вопросы с арены конкурентной политики и превратить их в чисто юридические и технические. Цель этого — выиграть время, ибо юридические решения требуют длительного срока. Типичный случай: поднимается вопрос о конституционности тех или иных зако-

нов или решений, и эти вопросы передаются в конституционный суд. Законность решений правовых институтов относительно чисто политических вопросов всегда представляется сомнительной в условиях демократии, а в странах, где правовые органы созданы недавно, их решения еще меньше могут быть восприняты как обязывающие. Другие случаи: замена специалистов и высших государственных служащих видными представителями партий, которая укрывается за техническим характером решений. Экономическая политика может быть оставлена в руках якобы аполитичного директора центрального банка, все больше мест в кабинете передается беспартийным министрам или гражданским служащим с тем, чтобы политики и партии могли избежать ответственности. Лидеры партий могут участвовать в правительстве без мандата от своих партий, которые, соответственно, не обязаны поддерживать инициативы таких министров. Самые влиятельные лидеры партий могут отказаться от поста премьер-министра или от участия в формировании очередного коалиционного правительства. Они передают полномочия лидерам второго эшелона, которые как бы готовы участвовать в переговорах, но не имеют авторитета и престижа и подчас обладают лишь ограниченными полномочиями³³. Неясности в отношениях между этими лидерами или ими и их реальными покровителями, трудности в коммуникации, амбиции других лидеров, — все это еще больше усложняет политический процесс. Итог — утрата содержания демократических институтов, в особенности силы и ответственности парламента.

В таких обстоятельствах возрастает влияние главы государства, будь то президент или король. Он испытывает искушение действовать по своему усмотрению, что ведет к еще большей неустойчивости правительства, и тогда он объявляет новые выборы. Рост влияния главы государства, правовых органов, высших гражданских служащих, иногда — руководства армии — все это сигналы ослабления власти демократических лидеров, сдвиг к тому, что Карл Шмитт называет нейтральной

властью — объективному надпартийному руководству; при этом изменяется природа и утрачивается суть демократического процесса³⁴.

В обществах, где важнейшие институты, в особенности армия, но и гражданская и другие службы отождествляются с устойчивым центром власти, определяемым как "государство" и отличным от партий, такие изменения усиливают авторитарные тенденции. Райнер Лепсиус в одном из разделов сборника показывает, как расширительное толкование ст. 48 Веймарской конституции облегчило отказ ведущих демократических партий от ответственности, вызвало "безысходную игру" президентских кабинетов, и законы чрезвычайного положения и поощрило идеологические сдвиги к антидемократической, авторитарной, бюрократической власти в духе традиции, господствовавшей до 1918 г. В Германии такое решение оказалось недостаточным для противодействия динамичной нелояльной оппозиции, возглавляемой харизматическим лидером, который оказался в начале 1933 г. способным мобилизовать широкие силы в поддержку тихой революции.

Своеобразный переход к авторитарному правлению имел место в Латвии и Эстонии в 30-е годы. Это были малые европейские демократии, возникшие в 1918 г. у границ Советского Союза, в культурном отношении близкие к Финляндии и ориентированные на Запад. После успешных аграрных реформ обе достигли относительно гомогенной социальной структуры, что снизило первоначальный дух радикализма, воспринятый от русской революции³⁵. Нормальному функционированию демократических институтов помешали не экстремисты справа и слева и не армия. Это были демократически избранные лидеры: президент Пятс в Эстонии и президент Ульманис — в Латвии. Существовали две основных альтернативы. Первая — нестабильность в рамках демократии вследствие широкого фашистского движения, неустойчивости правительства, обусловленной многочисленностью малых партий (число которых еще более возросло из-за представительства этнических

меньшинств, особенно в Латвии, и из-за чисто пропорционального представительства) и воздействия мирового экономического кризиса. Второй альтернативой был авторитаризм, корни которого крылись вне установленных политических рамок и который скорее всего перерос бы в фашистский режим. Лидеры демократических партий, используя престиж, приобретенный в борьбе за независимость своих стран, преодолели угрозу со стороны внепарламентских правых сил, осуществив первую альтернативу. Последний демократический кабинет, осуществивший бескровный дворцовый переворот, сам распорядился о самоустрашении демократии в 1934 г.

Возможна и такая форма отказа от демократической сущности в ходе поисков нового равновесия системы во время кризиса как получение политическими лидерами поддержки военного командования в результате предоставления мест в кабинете и даже поста премьер-министра высшим офицерам. Это распространенный способ поиска поддержки, но это одновременно индикатор того, что существуют сомнения в лояльности армии, которая в бескризисные периоды является само собой разумеющейся. Обращение политиков за поддержкой к армии неизбежно ведет к политизации офицерского корпуса и втягивает его в принятие решения, желает ли он поддержать режим так, как это делают партии — путем участия его министров в коалиции. Это усиливает идеологические разногласия внутри офицерского корпуса, и в конечном счете ставит под сомнение легитимность правительства, а то и самого режима³⁶.

Хороший пример такого хода событий — решение Сальвадора Альенде убедить трех командующих вооруженными силами войти в кабинет в связи с кризисом системы снабжения и первой забастовкой водителей грузовиков. Генералы определили свое участие в правительстве как неполитическое, направленное на разрядку ситуации и для гарантии честных выборов в конгресс. Генерал Пратс утверждал, что участие командиров в правительстве будет временным, ибо он

чувствует, что "для вооруженных сил опасно выглядеть связанными с правительством со столь четко выраженной идеологией". Большинство офицеров противилось выступлению в политической роли, что, как они полагали, скомпрометирует их как военных-профессионалов.

Такой поворот событий весьма вероятен в кризисной ситуации, но, думается, это не неизбежно. Обычно такие решения принимаются как временные, отодвигающие принципиальное решение, без осознания полностью последствий такого шага в длительной перспективе. Лидеры демократических партий, готовые определять политику и дать своим последователям реальные альтернативы, требовать от них подчинения и ставить вопрос о доверии, готовые противостоять могучим группам интересов даже в собственных избирательных округах, преодолевать идеологическую жесткость и личные раздоры, могут обрести широкую поддержку общества. На этом этапе процесс утраты подлинной демократии нередко оказывается лишь итогом неудачных действий ее лидеров.

Отступление: президентская и парламентская демократия

Акцент на роли "нейтральных" сил, вроде короля Виктора Эммануила, Гинденбурга, Шинфруда (Финляндия) и Коти (Франция), основан на европейском опыте. Последующий анализ показывает, что есть большое различие между парламентскими или полупарламентскими системами, подобными Веймарской республике, и президентскими режимами, подобными США и латиноамериканским республикам. Президент, избранный напрямую, имеющий собственную демократическую легитимацию и сильную исполнительную власть, свободный в назначении кабинета, который не требует одобрения законодателей, занимает совершенно особое положение в политической системе. В этом смысле рейх-президент по Веймарской конституции и президент в современной Франции занимают промежуточное положение.

Под впечатлением президентской демократии в США, непрерывной критики парламентаризма и его кризиса ученые мало интересуются соотношениями между этими главными формами конституционной демократии и стабильностью. Почти автоматическая приверженность институту президентства в конституционной традиции Латинской Америки и возобладание в последнее время бихевиористского подхода при социологическом анализе латиноамериканской политики определили пренебрежительное невнимание к президентской власти как фактору политической нестабильности к югу от Рио Гранде. Более ранняя литература на эту тему полна ссылок на такие явления как "каудильо", "персонализм", "наследование", но они толковались в терминах истории и культуры, а не в терминах ограничительных и институционных. Испанская культурная традиция, негативное представление испаноязычной интеллигенции об европейском, в особенности французском парламентаризме и ее давнее восхищение американской конституцией — все это мешало критическому анализу президентской власти. С другой стороны, американцы, уважающие свою конституцию, не были склонны связывать повторяющиеся кризисы большинства президентских режимов с институтом президентства, тем более что кризисы эти приключались в Латинской Америке и в Африке.

Однако при анализе разбираемых здесь случаев может возникнуть вопрос о связи политической нестабильности латиноамериканских демократий с институтом президентства. Такой вопрос может возникнуть при сравнении (пусть поверхностном) положения в Италии и в Аргентине. В обеих странах имеются партии, выступающие против системы — коммунисты в Италии и перонисты в Аргентине, располагающие примерно одинаковой долей от общего числа избирателей (во всяком случае после падения Перона). Обе партии связаны с мощными профсоюзами и не пользуются доверием значительных групп общества и истеблишмента. При этом последствия их присутствия на политической арене были весьма различными. Было бы преувеличением сказать, что

идеологические различия между перонистами и другими партиями и общественными группами были (по меньшей мере, до недавнего времени) больше, чем различия между итальянской компартией, с одной стороны, и христианскими демократами и либералами, не говоря уже о неофашистах, — с другой. Читая описание "невообразимой игры", приводимое Гильермо О'Доннелом в настоящем сборнике (особенно в период правительства Фрондизи), можно задаться вопросом: почему в Италии подобная игра была не столь "невообразимой"?

Для ответа на этот вопрос можно рассмотреть следующую гипотезу. "Игра в президентские выборы" является игрой с нулевой суммой, тогда как парламентская система позволяет разделить выигрыш. Парламентские выборы предоставляют много альтернатив: формирование коалиционного правительства; открытое или скрытое сотрудничество правительства и оппозиции в законодательном процессе; надежды оппозиционных партий выиграть на следующих выборах (в особенности при центробежной партийной системе). Это снижает остроту разочарования проигравшего, сохраняет надежды на будущее, нередко дает возможность и проигравшим участвовать в отправлении власти. При президентской системе получивший 33,1% голосов получает на точно определенный промежуток времени контроль над исполнительной властью и относительно свободно ее использует, чтобы назначить всех высших служащих, вводить законы и накладывать вето на предложения законодателей. При этом оппозиция чувствует себя беспомощной и склонна к озлоблению. Оппозиция, расколовшаяся в ходе выборов, имеет множество причин объединиться после поражения. В свою очередь, получивший власть вполне может почувствовать страх, что в его программе разочаруются и что на следующих выборах он может потерпеть поражение. Безличный характер магистратуры, плебисцитный характер выборов, контраст между общегосударственным уровнем дебатов в контексте президентских выборов и локальным, непотистским местным их уровнем, вполне возможная коррумпированность выбо-

ров в законодательные органы, — все это может дать президенту ощущение власти, ощущение мандата, превышающего имеющуюся у него реальную поддержку. Встретившись с законодателями, не жаждущими признать его руководящую роль, такой президент может впасть в раздражение. Некоторые из упомянутых явлений, несомненно, проявились в ходе кризиса в Бразилии при президенте Гуларте и в Чили при Альенде.

Возникает вопрос, почему ничего такого не бывает в США? Тут следует вспомнить о разделе политической арены США между федеральным и штатными правительствами, о сильной институциональной позиции Верховного суда, о престиже Сената, об объективном подборе (о чем часто забывают) многих государственных служащих, включая членов кабинета, и об объективной формулировке ряда политических линий. В конечном счете, все политологи США призывают к "ответственной партийной администрации" именно потому, что американская администрация во многом непартийна.

Несомненно, что в случае поляризации в сфере идеологии или интересов характер президентской игры (с нулевой суммой) вызывает стремление разных сил ограничить последствия игры. Это попытки законодателей наложить вето на принятые решения или оттянуть принятие решений; попытки использования суда для ограничения власти президента; сопротивление администрации штатов (в особенности, если они управляются сильными губернаторами, принадлежащими к другой партии или коалиции, и при том избраны подавляющим большинством); нередки даже выборы президента и вице-президента от разных партий и коалиций и, наконец, вмешательство армии в качестве фактора, умеряющего власть. Все это ведет к конституционным конфликтам, ослабляющим систему, подрывающим ее легитимность, разочаровывающим президентов, которые чувствуют себя обладателями прямого, всенародного мандата, имеющего силу плебисцита, хотя мандат им был предоставлен плюралистическим большинством, что в условиях парламентского режима заставило бы президентов сотруд-

ничать с оппозицией или работать как правительство "терпимого" меньшинства. С другой стороны, большие группы избирателей, солидаризирующиеся с популярным президентом и мало понимающие во всех этих маневрах и юридических конституционных баталиях, могут впасть в раздражение от оппонентов, воспринимаемых как "меньшинство" и отождествляемых с группами интересов. В свете всего этого, даже если идеологически дистанция между сторонниками президента и его оппонентами меньше или равна дистанции между правительственными партиями и оппозицией в парламентской системе, конфликт может быть значительно более острым.

Другое различие между президентскими и парламентскими системами, будь то конституционные монархии или республики, состоит в том, что при президентской системе не имеется никакой умеряющей силы, за исключением судов, которые нередко оказываются слабыми. Король или президент в Европе может отреагировать на изменение раскладки политических сил в парламенте: право роспуска или угроза применения этого права может привести к перегруппировке правительства в критической ситуации. Глава администрации, потерпевший неудачу, может быть смещен, даже при его собственном участии. В противоположность этому, президент выбирается на определенный срок, и его устранение вызывает конституционный кризис. Этим объясняется, почему армия нередко становится фактором, умеряющим власть. Разочарованная оппозиция часто поощряет армию, и та чувствует, что у нее есть "законные" основания выступать в защиту конституции.

Отмеченные различия помогают понять, почему в Европе в ряде случаев переход власти от демократии к недемократическому правлению прошел конституционным или псевдоконституционным путем. В свое время такие переходы даже не воспринимались как нарушение демократической легитимности. Не следует забывать, как многие обозреватели восприняли приход Муссолини на пост премьера. Манифест Итальянской

компартии, выпущенный 28 октября 1922 г. и опубликованный в "L'Ordine Nuovo" 29 октября — за день до прибытия Муссолини в Рим в качестве кандидата в премьеры — подтверждает, что для нее фашистский и демократический варианты разрешения кризиса равноценны. Двумя днями позднее "Rassegna Comunista" пишет: "Мы отрицаем, что приход [Муссолини] к власти имеет какой-либо революционный характер или хотя бы отдаленное сходство с государственным переворотом... При государственном перевороте происходит отстранение господствующего класса и изменяются основные законы государства; до сего дня победа фашистов привела лишь к обновлению кабинета". Социалистический лидер П. Ненни, вспоминая эти события в 1964 г., писал: "Все в Италии сошлись на том, что не следует принимать фашистов всерьез".

В случае президентских режимов переходы власти вроде произошедшего в Германии и в Австрии в конце первой мировой войны, назначения Муссолини и Гитлера, переход от лейбористского правительства к коалиционному при Макдональде, были бы невозможными. Изменение правительства в условиях президентского режима, когда президент того не хочет (а оставить власть хотят лишь немногие), потребовало бы отказа от правил демократических выборов главы администрации: кризис администрации по определению становится кризисом системы. Некоторые политологи готовы утверждать, что вмешательство армии в качестве фактора, умеряющего власть, — функциональная альтернатива смене парламентской коалиции. Но оба случая не эквивалентны в терминах парламентской легитимации, а также стабильности и легитимности институтов популярной администрации.

В свете сказанного, последствия "парламентской" и "президентской" игр заслуживают дальнейшего, более систематического анализа.

IV

КОНЕЦ ДЕМОКРАТИИ

Потеря власти, вакуум, подготовка к передаче власти или к конфронтации

Не поддающиеся решению проблемы; нелояльная оппозиция, готовая использовать их, чтобы бросить вызов режиму; утрата подлинной демократии среди партий, поддерживающих режим; утрата дееспособности, эффективности (в особенности перед лицом насилия) и, наконец, легитимации — все это создает общую атмосферу напряженности. Распространяется ощущение необходимости срочных мер, что выражается в повышенной политизации общества. Этот этап характеризуется широкой циркуляцией слухов, лихорадочной уличной активностью, повышением стихийной и организованной преступности, терпимостью к ней или оправданием подобных акций со стороны некоторых кругов общества и особенно — усилением давления со стороны нелояльной оппозиции. Готовность верить в заговоры и быстрое распространение слухов, подчас поощряемое ограничениями, налагаемыми на средства информации в попытках овладеть положением, — все это способствует чувству неопределенности, непредсказуемости, что может обострить экономический кризис.

В такой обстановке главные действующие лица политической сцены могут решить не предпринимать мер в отношении основных проблем, стоящих перед администрацией, а прежде всего преодолеть политический кризис. Как правило, для этого предпринимаются попытки укрепить власть администрации, иногда путем поправок к конституции, предоставления чрезвычайных полномочий, откладывания сессий законодательных органов, вмешательства в работу местных органов власти или прекращения их работы, а то и перестановок в верховном командовании армии. Если такие меры сочетаются с

укреплением сплоченности партий, поддерживающих режим; с четким принятием на себя ответственности наиболее видными лидерами; со способностью и желанием поддерживать порядок без попущений находящимся у власти партиям; с отказом от сотрудничества с нелояльной оппозицией, то процесс может привести к новому равновесию.

Альтернативой этому набору мер может быть попытка расширения базы режима путем включения в него части нелояльной оппозиции или включения ее руководства в новую коалицию. Как будет показано далее, в лучшем случае это приведет к преобразованию режима, а чаще — к переходу власти, которую нелояльная оппозиция быстро превратит в смену власти. Так произошло в Италии в 1922 г., в Германии — в 1933 г., в Чехословакии — в 1948 г.

Третья альтернатива — дать продолжаться процессу поляризации и игнорировать угрозы, исходящие от нелояльной оппозиции и полулояльных элементов, в ситуации, предшествующей гражданской войне, пока одна из нелояльных сил не предпримет попытки перехватить власть. Тогда демократическое руководство имеет лишь две возможности. Первая — уйти, передав власть вооруженным силам, иногда под прикрытием какого-то аполитичного института, вроде верховного суда, в надежде, что "умеряющая сила" не приведет к смене режима, а лишь приостановит на время нормальный демократический процесс; вторая возможность — воззвать к народу и мобилизовать организованные силы (вроде профсоюзов), включая считающиеся нелояльными и полулояльными, чтобы расширить свою опору. В крайне поляризованном обществе вторая возможность означает гражданскую войну. Исторический пример — попытка испанского буржуазного республиканского правительства меньшинства достигнуть соглашения с руководителями военного мятежа, потерпевшая неудачу. Лишь быстрая победа поможет правительству сохранить демократическую легитимацию, в противном случае оно превратится лишь в оправдание революции.

онного преобразования режима и постепенно утратит власть. В мае 1958 г. французские политики, особенно Ги Молле, хорошо сознавали такую возможность, когда они отказались от мобилизации масс для сопротивления военному путчу в Алжире, поскольку в этой мобилизации ведущую роль сыграли бы коммунисты¹. Они помнили об опыте испанского правительства, в июле 1936 г. попавшего в зависимость от милиций пролетарско-революционных партий, в особенности анархо-синдикалистов и социалистов-максималистов. В обществе, где демократическое руководство утратило власть таким образом, наиболее вероятен именно такой переход власти, если армия не берет на себя роль умеряющей силы, а нелояльная оппозиция высказывает желание участвовать в решении проблем и способна создать угрозу переворота. На самом деле, это решение проблемы может оказаться наилучшим, если нейтральные державы признают его легитимность, если армия будет готова терпеть и даже приветствовать его и, по меньшей мере, некоторые партии, поддерживающие режим, верят, что смогут защитить свои интересы и сохранить определенные институциональные рамки.

Первые легальные революции прошли испытания в государствах, потерпевших поражение в первой мировой войне, открыв путь к созданию демократических республик в Германии и Австрии². Муссолини, однако, усовершенствовал этот процесс таким образом, что он помог прийти к власти нелояльной оппозиции и антидемократическому режиму. Гитлер понял после провала "пивного путча", что власти можно достигнуть только под покровом законности, и в 1933 г. он преуспел в этом не меньше, чем итальянские фашисты. Переворот 1948 г. в Праге при всех неоспоримых отличиях обнаруживает некоторое сходство с этими событиями. Положение в Париже в конце мая 1958 г. тоже имеет с ними некоторые сходства, хотя здесь необычайная личность де Голля и его приверженность демократии превратили то, что казалось угрозой демократическому режиму, в преобразование, которое можно рассматривать как об-

ретенение нового равновесия в демократии. Поскольку в перечисленных случаях "законный" переход власти был успешным, примеры эти вспоминаются и сегодня, когда исторические хроники затрудняют поиски сходства сопутствующих обстоятельств. Очевидно, что такая легальная революция с использованием конституционных институтов против их явных целей — то, что немцы определяют как "изменения, противоречащие конституции и внесенные в конституцию" — была проведена Суаресом в Испании (1976-1977 гг.), что сделало возможным переход от тоталитарного режима к демократии. В этом случае давление оппозиции, мобилизация ее сил на улицах и растущие издержки репрессивной политики убедили правителей заявить о переходе к демократии. Они совершили это, не приглашая лидеров оппозиции в правительство и не разрушая институциональных рамок, но никакой преемственности власти тут не было.

Такое случается, когда демократический режим, переживающий серьезное ослабление своей власти и легитимации, сталкивается с нелояльной оппозицией, обладающей значительной ударной силой вследствие возможности мобилизации масс и готовности воспользоваться угрозой силы, а также вследствие присутствия нелояльной оппозиции в парламенте. Это дает возможность облегчить формально законный в конституционном смысле захват власти с помощью других партий. Нелояльная оппозиция, захватившая власть посредством мобилизации толпы и использования военизированных отрядов, имеет наилучшие шансы для перехвата власти, если ее лидеры готовы действовать рационально и заявляют, хотя и противореча самим себе, о готовности уважать хотя бы некоторые ключевые институты прежнего режима и умерить своих сторонников-экстремистов при условии, что ей будет предоставлено участие в управлении. Опportunистические уступки различным группам интересов и институтам имеют целью не допустить оппозицию в правительство. Можно полагать, что способность

контролировать разнородную массу последователей и отсутствие лидеров второго эшелона, которые могут нарушить компромиссные соглашения, заключенные по пути к власти, — еще одно условие успеха такой тактики. Решающим преимуществом Гитлера было, несомненно, то, что ни один из его оппонентов в партии не располагал партийными военизированными отрядами.

Однако для успеха такая тактика нуждается также в определенном отклике партий и лидеров, не связанных с нелояльной оппозицией, и части нейтральных сил в стране. Процесс формально легального или полуполигального захвата власти начинается, когда некоторые партии и лидеры, далекие от желания свергнуть демократию, полагают, что противостоящих режиму лидеров можно включить в систему без опасности для нее, или что такие преобразования помогут укреплению администрации, объявлению партии вне закона и подавлению некоторых гражданских свобод. Такие действия совершаются в надежде, что в новой коалиции они будут старшими партнерами. Так было в случае с фон Папенем, думавшим, что он привлечет Гитлера, а не наоборот. В какой-то момент лидеры режима могут согласиться с какими-то целями нелояльной оппозиции, но не с методами; но и это может вызвать у них искушение испытать, при каких условиях они могут достичь соглашения, которое включит в систему нелояльную оппозицию или часть ее. Возможна попытка раскола нелояльной оппозиции, как это было со Шлейхером, мечтавшим использовать расхождения между Штрассером и Гитлером.

Доводы в пользу такой линии следующие: лидер может быть более склонен к компромиссам, нежели его последователи; участие в ответственности за власть умерит стоящих на крайних позициях; участие в администрации остановит неуправляемое насилие на улицах; кооптирование во власть поможет подавлению другой нелояльной оппозиции, воспринимаемой как более опасная. Такие надежды поддерживаются заявлениями лидеров нелояльной оппозиции и как бы подтверждаются внутренними разногласиями в этом

движении. Инициативу переговоров нередко берут на себя посредники, у которых есть свои причины добиваться такого решения. Переговоры часто ведутся втайне, и их прерывают, если о них становится известно. На этом этапе партии, поддерживающие режим, или их фракции и отдельные лидеры переходят на позиции, которые можно назвать полулояльными. Нередко нейтральные силы благосклонно относятся к происходящему или, заботясь о собственном выживании, по меньшей мере не отбрасывают такое решение с порога. Результат — обострение подозрительности среди политиков, что нередко ведет к дальнейшему дроблению партий, включая входящие в нелояльную оппозицию, и вызывает обвинения, что руководство готово продать движение, его радикальные цели и лидеров ради постов в кабинете. Это ускоряет ход событий и приводит их к развязке³.

Секретные переговоры, необходимость одобрения нейтральных сил, благожелательный нейтралитет вооруженных сил, желание групп интересов разрешить кризис, — все эти факторы ведут к перемещению политического процесса с парламентской арены в другую сферу, невидимую и более ограниченную. Сужение политической арены и важная роль на ней малых групп и отдельных лиц — все это характерно для конечной фазы процесса крушения демократии. Наличие этих групп объясняет, почему процесс крушения столь часто анализируется в терминах заговора. Эти группы могут играть большую роль непосредственно в передаче власти, но сами они являются продуктом всего этого процесса.

Еще одно последствие медленно, но все-таки растущего понимания результатов наступления нелояльной оппозиции состоит в том, что все более значительные и устойчивые институты общества начинают осознавать, что экстремисты, к которым ранее относились однозначно враждебно, могут прийти к власти⁴. Поэтому такие институты начинают медленно, но неуклонно отключаться от демократического режима и партий, которым они ранее доверяли свои политические интересы. Деловые

круги начинают давать деньги новым партиям; церковь снимает запреты относительно поддержки или присоединения к ним и меньше отождествляется с религиозными партиями вроде "пополари" или Партии центра; профсоюзы могут пересмотреть свои контакты с политическими партиями вроде социал-демократов; армия начнет настаивать на своей лояльности государству и его лидеру, скрывая за этими заявлениями, что ее лояльность не принадлежит какому-либо определенному правительству или режиму⁵. Лидеры нелояльной оппозиции, разумеется, будут поддерживать такие тенденции, искусно имитируя уважение к институтам демократии, давая обещания и гарантии и публикуя более или менее скрытые угрозы, чтобы предостеречь институты от отождествления их судьбы с существующим режимом.

Группы населения, не очень активные политически, также постепенно принимают факт кооптации нелояльной оппозиции в надежде, что созданная таким образом администрация будет более стабильной, более дееспособной и, главное, положит конец политически вдохновляемому насилию, от которого страдают и непричастные к политике люди. Парадоксально, что нелояльная оппозиция, которая была главным фактором атмосферы беспорядков, на этом этапе предстает как фактор укрепления порядка. Это ослабляет способность более активных продемократических сил мобилизовать своих сторонников для борьбы против вступления противников в правительство, ибо на этой стадии их могут обвинить в разжигании насилия и гражданской войны.

Начало процесса, который нацисты называли легальной революцией, затрудняет привлечение к защите режима членов оппозиции, лояльность которых по отношению к демократическому режиму неочевидна. Предложение мест в кабинете представителям таких партий позволяет преодолеть последнее препятствие к полной их легитимации как участников демократической политики, привести к более категоричным требованиям

с их стороны, причем эти требования поддерживаются искусно организованными выступлениями толп на улицах. Легкий сдвиг в сфере контроля над репрессивными силами государства в направлении легитимации действий партийных милиций может стать роковым для демократии.

Однако захват власти и последующая консолидация авторитарной или тоталитарной власти — не единственная угроза демократии в данном случае. Вхождение в правительство партий, которые воспринимаются большинством населения или ключевыми институтами власти (вроде армии) как нелояльные или полунелояльные по отношению к этим институтам, даже если эти партии не намерены совершать переворот, скорее всего приведет к такой реакции как революционный протест, который получает легитимацию как действие в защиту демократии, или превентивный военный путч. Так обстояло дело в Испании в 1934 г., когда включение в правительство представителей анархистской партии должно было оправдать восстание горняков Астурии, сепаратистский путч каталонских генералов и уход из государственных институтов либеральных левобуржуазных партий. Демократии удалось выжить, но ей была нанесена смертельная рана. Следует подчеркнуть, что макроисторические модели процессов, подобных захвату власти Муссолини и Гитлером, никогда не идут по тому же сценарию в основном потому, что участники нового, но сходного процесса чаще всего принимают во внимание (правильно или неправильно) то, что они считают уроками истории. Однако, как ни удивительно, некоторые структуры микросоциологических процессов повторяются. Поэтому для макросоциологии построение моделей не столь удачный прием как для микросоциологии.

Модель легального захвата власти, модель революции сверху делает переход компартии от отрицания интеграции в процесс к полному участию в демократии значительно более трудным и рискованным, чем для социалистических партий в первых десятилетиях XX века.

Моральная позиция ранних революционных движений не позволяла их членам участвовать в правительствах, если те не были демократически выбраны большинством. Социалисты принимали участие в правительстве, только если полагали, что им удастся создать такое большинство, и не намеревались использовать свое положение для подрыва системы. Они отвергли бы как аморальные такие заявления как "конституция лишь предоставляет арену для борьбы, но не определяет ее цели. Мы должны вступить в законные организации и тем сделать нашу партию решающим фактором. Поскольку у нас конституционное право это сделать, мы, несомненно, отформуем государство по той модели, которую мы считаем правильной"⁶, даже если такое "формирование" потребует изменения строя. Когда социалисты-демократы впервые вступили в демократическое правительство они, как показывает повторное прочтение работ Гарольда Ласки, не ожидали, что их оппоненты дадут им возможность легально преследовать свои цели⁷. Во многих случаях это было ошибочным, но временами оказывалось верным, что дало новую жизнь максималистской интерпретации марксистского наследия — позиции, весьма точно выраженной в следующем тексте: "Это позволяет нам сделать то, чего (в свое время) не разрешал нам делать Третий интернационал, — участвовать в правительстве совместно с республиканской партией и в то же время признавать переход к революционной диктатуре пролетариата как неотъемлемый постулат научного социализма.

Что говорит об этом буржуазная печать? Несомненно, они считают нас безобидными, плененными социал-демократическими предрассудками и настолько глупыми, что если понадобится воспрепятствовать фашистской диктатуре, мы будем лишь просить новых выборов"⁸.

Двусмысленность такой позиции имела роковые последствия для демократии во многих странах — Италии, Австрии, Испании, Чили.

Поднятый выше вопрос отнюдь не академический;

можно вспомнить о возможности участия французских и итальянских коммунистов в правительствах и об их роли в португальской революции 1975 г.

Конец демократического режима и его последствия

Гибель демократии нередко ассоциируется в анналах истории с каким-то сопутствующим событием: "марш на Рим", назначение Гитлера канцлером, начало гражданской войны в Испании, атака на крепость Ла Монеда (Куба), смерть Альянде. Однако этим роковым дням или часам предшествуют события, которые свидетельствуют, что эти факты были кульминацией длительного и сложного процесса. В ходе этих событий многие их участники, вероятно, не представляли себе роковых последствий, которые не всегда соответствовали их намерениям. Во многих случаях природа режима, рождавшегося в эти моменты, не была понятна даже сторонникам свержения существовавшего политического строя. Переход к новому строю нередко возможен только потому, что многие участники событий не осознавали последствий своих действий или (что еще чаще) ошибались в анализе ситуации. В ретроспективе можно указать моменты, когда имелась возможность изменить ход событий и уменьшить вероятность падения режима.

На последующих стадиях процесса — от потери власти прежним правительством к ее вакууму — особенно важен выбор времени принятия решений и соответствующих действий. Реакции лидеров и участников событий могут быть охарактеризованы (к сожалению, чаще всего лишь задним числом) как преждевременные, своевременные, запоздалые, предпринятые лишь "без пяти двенадцать" или когда время уже истекло. Создание нового равновесия требует своевременных действий, тогда как анализ других кризисов может побудить к преждевременным действиям, что может скорее ускорить, нежели остановить падение демократии (в этом контексте можно видеть октябрьскую революцию в Испании). Однако больше всего имеется примеров запоздалых акций, например действия

социалиста-реформиста Турати в Италии 20-х годов. Следовательно, интеллектуальная ценность анализа должна состоять в том, чтобы дать возможность лидерам демократии, сталкивающимся с серьезным кризисом, осознать альтернативы и возможный риск избранных ими действий.

Вызывает сомнение, предоставляет ли интерес анализ обстоятельств конечного исхода: для губителей демократии он явно неинтересен. Но он может помочь пониманию режима, возникшего в итоге, процесса его консолидации, степени его будущей стабильности, возможностей его преобразования, его влияния на будущее общества.

От обстоятельств перехода власти зависят возможности и трудности восстановления демократии; в какой-то мере они могут стать результатом конечных стадий процесса ее крушения, а также толкования, которое общество и действующие лица дадут этим драматическим событиям. Конец демократического строя, даже если он обозначен чисто символически, есть также начало построения нового режима — этот процесс, как будет показано далее, порождает проблемы и создает структуры, требующие описания.

Мы рассмотрим случаи, когда дело шло к концу демократии, и сторонники ее сохранения не смогли помешать ее поражению. Однако их действия определяли возможности действий оппонентов демократии и избранный ими план действий. Несомненно, крушение демократии может произойти по-разному, и это заслуживает детального изучения. Перечислим пути, которые могут привести к такому крушению.

1. Неконституционная замена демократически избранного правительства группой, готовой применить силу, действия которой получают легитимацию институционными механизмами, созданными при введении чрезвычайного положения. Устанавливается переходная власть с намерением восстановить демократический процесс, которая сталкивается затем с определенными отклонениями.

2. Захват власти коалицией представителей недемократических (в основном, додемократических) структур правления, принимающих в свои ряды политиков прежнего демократического режима и лидеров нелояльной оппозиции, но осуществляющих лишь незначительные перемены социальной структуры и институтов демократической системы.

3. Установление нового авторитарного режима, основанного на объединении общественных сил, из которого исключаются ведущие политические деятели прежнего демократического режима, без создания, однако, новых политических институтов и без какой-либо массовой мобилизации сил в поддержку нового режима.

4. Переход власти в руки хорошо организованной нелояльной оппозиции, имеющей массовую базу в обществе, жаждущей создать новое общественно-политическое устройство и не желающей делить власть с политиками прежнего режима, разве что с второстепенными партнерами по переходному периоду. В результате может возникнуть как твердый авторитарный режим, так и предтоталитарный.

5. Переход власти, если демократический режим, даже ослабленный, не сдается легко и требуется продолжительная борьба (гражданская война). Такой конфликт может быть результатом одной из двух альтернатив (или, скорее, их сочетания): твердое противостояние демократического правительства требованию отказа от власти, когда правительство настаивает на послушании служб охраны порядка и на поддержке населения, однако не имеет сил справиться с оппонентами; высокий уровень общественно-политической мобилизации общества, солидарного или не солидарного с демократическим правительством, но готового противостоять захвату власти его оппонентами.

Первые два из пяти описанных случаев — классические модели вмешательства армии в качестве "умеряющей силы" — так было в XIX веке в Испании и в Латинской Америке. Это возможно при относительно низком уровне политической мобилизации общества, если сто-

ронники политических партий являются прежде всего сторонниками их лидеров и если армия не имеет собственных политических устремлений. Принимая во внимание коррумпированность выборов при олигархической демократии и готовность значительных групп политиков признать и даже поощрить такое вмешательство, можно считать, что для общества результат будет не слишком отличаться от того, что дадут жестко контролируемые выборы, когда одна группа политиков будет сменена другой, сходной по социальному составу и целям. Поскольку демократии, соответствующие нашему определению (и изучаемые в настоящем сборнике), относились или должны были относиться к другому типу, итог был ближе ко второму и третьему случаям, даже если некоторые участники военных переворотов принимали свою роль на таких условиях и некоторые политики поощряли их играть свою прежнюю роль "умеряющей силы".

Второй случай в ряде балканских стран мог бы послужить моделью перехода к королевской диктатуре. Интересные примеры здесь — Румыния при короле Кароле и Югославия в межвоенные годы. Остатки традиционной или полутрадиционной монархической легитимации для армии и некоторых групп населения в сочетании с непреуспевшими демократическими режимами и национальными конфликтами создают возможность утверждения авторитарного режима военно-бюрократического характера. Такие режимы привлекают профессиональных политиков, которые были избраны, имея основу власти на местах, или же ставших влиятельными благодаря доступу к администрации. В таких случаях полу- или псевдодемократические механизмы могут поддерживаться посредством исключения из политической жизни малых активистских групп, готовых бросить вызов общественно-политическому порядку, а также путем игнорирования требований народностей, протестующих против привилегированного положения основной национальности. Альтернатива — "полудемократия"-полуавторитарный режим, главное отличие кото-

рого — лишение оппозиции свободы, причем шансы оппозиции на получение власти демократическим путем ограничены, но в длительной перспективе она может стать опасной для режима.

Крушение демократии, получившей значительную легитимацию, если партии, ее поддерживающие, укоренились в обществе с различными интересами и разнообразными идеологическими течениями, а демократические лидеры обладают популярностью, скорее произойдет по последним трем моделям, когда обрыв постепенности ощущается сильнее и происходит действительное изменение строя. Из этих вариантов наименее вероятен четвертый, ибо в условиях демократии нелояльное массовое политическое движение, подобное фашистским в Италии и Германии, редко приходит к власти. Вряд ли могут повториться в современных обществах исключительные обстоятельства, позволившие этим движениям бросить вызов монополии государства в вооруженных силах, иметь успех на выборах и рассчитывать на полулояльность других политических сил и нейтралитет армии и пройти путь к полуполюгальному захвату власти, не вызвав народного сопротивления. Фашизм как массовое движение с его идеологией, стилем, организационной изобретательностью и широким социальным базисом был результатом неповторимой исторической ситуации, сложившейся после первой мировой войны⁹. Консервативные слои, испуганные революцией в России, местными псевдореволюциями и революционной риторикой, смотрели на фашистов как на потенциальных союзников. Либеральные демократические лидеры, особенно в Италии, не видели в новом движении серьезной угрозы своему положению. Вряд ли сегодня они будут возлагать надежду найти защиту от угрозы возможной левой революции на антидемократическое массовое движение, которое легко может вызвать гражданскую войну. Они приложат большие усилия, чтобы сохранить демократию и действовать в ее рамках, используя государственный репрессивный аппарат для защиты своих интересов от радикальных оппонентов, зная, что

оппоненты слева вряд ли выиграют выборы и не смогут взять власть силой. Если либеральные демократы придут к выводу, что демократия не гарантирует приемлемого общественного порядка, они скорее прибегнут к превентивному военному перевороту, так как будут иметь при этом значительную поддержку общественных слоев, тоже ощущающих эту угрозу. Итогом может быть авторитарный режим со многими чертами фашизма, но природа его будет бюрократически-технократической, без массовой мобилизации, предшествующей крушению демократии. Если лидеры не будут иметь успеха, может начаться гражданская война, исход которой решат военные средства, а может быть и международное вмешательство.

Несмотря на такие факторы как высокий уровень политизации общества, а также поляризации и мобилизации масс, которые предшествовали крушению ряда демократий, переход власти не всегда бывает кровавым, хотя последующий террор и преследования оппонентов будут широки так же, как это было в Германии. Крушение, приводящее к настоящей гражданской войне, является исключением; несомненно, идея легальной революции, предложенная Муссолини, была неожиданной, и ее плохо поняли; левые были неспособны инициировать нечто вроде реакции насилия, которая могла привести к гражданской войне. Поражению коммунистов без борьбы помогло их представление о фашизме в межвоенные годы: они видели в нем временное явление, которое изживет себя, будучи последним оплотом монополистического капитализма; фашизм продемонстрирует массам поражение капитализма, приведет их к разочарованию в социал-демократах. Это вытекало из отстаивавшейся Москвой теории социал-фашизма¹⁰. Полулегальный перехват власти, ставший возможным вследствие полулояльной оппозиции при легитимации нейтральных сил; навязанные демократическим партиям решения; благожелательный нейтралитет партии; самообман многих лидеров по поводу последствий захвата власти — все это сделало невозможной

какую-либо реакцию до тех пор, пока сопротивление быстро консолидирующемуся нацистскому режиму не стало слишком запоздалым. Такое не может повториться.

В Австрии установление менее грозного авторитарного режима потребовало короткой гражданской войны для консолидации его власти, а в Испании несколькими месяцами позднее сходная ситуация, хотя и неправильно воспринятая, привела к октябрьской революции. В середине 30-х годов положение изменилось: демократы различных направлений легче склонялись к сотрудничеству для спасения демократических режимов от фашистской опасности; коммунисты после долгих колебаний изменили свою линию по отношению к социалистическим партиям. В относительно стабильных обществах революционная риторика, толкнувшая многих потенциальных демократов в объятия фашистов, была отброшена, и консерваторы, по-видимому, утратили энтузиазм по поводу фашистских массовых движений. Лишь в Испании кризис демократии, наступивший после ее поражения во многих странах, вызвал вооруженную реакцию и со стороны демократов, и со стороны пролетариата. Обе эти силы почувствовали, что их завоевания находятся под угрозой, и в то же время — что есть возможность осуществить революцию в условиях, когда армия и ее сторонники справа бросили вызов государственной власти. Поскольку правительство было уверено в своей демократической легитимации и пользовалось поддержкой широких кругов общества и даже армии, полиции и государственных служащих (что часто игнорируется), оно решило сопротивляться военному мятежу. В то же время рабочий класс, который был организован для осуществления революции или, по меньшей мере, для псевдореволюционного давления на правительство, также был готов противостоять угрозе и откликнулся на призывы правительства. Лояльность или, по крайней мере, неоднозначное отношение к правительству группировок внутри армии; мобилизация масс, осуществленная пролетарскими организациями; враждебность местных националистов к правым сторонникам власти

центра — все это обусловило сопротивление выступлению армии и ее сторонников во многих районах Испании. Однако кое-где армия получила поддержку гражданского населения, что сделало невозможным быстрое подавление мятежа лоялистами; гражданская война, продленная иностранной интервенцией, стала неизбежной. Две политические системы, воевавшие между собой почти три года, имели мало общего с системой, существовавшей в июле 1936 г., и еще меньше — с установленной в 1931 г.

Хотя модель прихода к власти Муссолини и Гитлера не повторится, современные демократии не могут игнорировать возможность совместного сопротивления демократического правительства левой ориентации и мобилизованного рабочего класса, подобно тому, как это произошло в Испании. К несчастью, те, кто надеется сочетать демократическое правление с быстрыми социально-экономическими изменениями (а такое сочетание воспринимается и его сторонниками и оппонентами как революция), вряд ли смогут добиться успеха без гражданской войны, если армия находится на стороне оппонентов. Даже если лоялисты победят, пройдет немало времени после гражданской войны, прежде чем правительство начнет функционировать демократически и даст побежденным те же политические права, что и победителям. При любом исходе гражданская война означает смерть демократии и установление какого-то рода диктатуры.

Вопреки верованиям и надеждам демократов, демократическому режиму никогда не следует доходить до того предела, когда его выживание зависит от готовности его сторонников воевать за него на улицах. Даже во время кризиса немногие готовы поддерживать желающих свергнуть демократию, однако в современном обществе эти люди могут чувствовать себя беспомощными в ситуации угрозы демократии. Лишь находящиеся на окраинах политического спектра готовы воевать и имеют организационные возможности для этого. Чтобы противостоять нелояльности таких мень-

шинств, демократическое правительство должно воспрепятствовать их доступу к орудиям насилия, оставляя их небооруженными, и изолировать от поддержки масс. Если такие меньшинства добьются поддержки на таких уровнях власти и смогут тем самым обеспечить себе лояльность или нейтралитет средств подавления, судьба режима окажется в серьезной опасности. Важнейшее условие стабильности демократического режима — сохранение легитимации среди тех, кто непосредственно контролирует инструменты подавления. Политика, которая отдалит их настолько, что они будут готовы восстать, окажется губительной. В каком-то смысле армия в современном обществе — конкурентное меньшинство (по Калкуну). Однако в современной демократии правительство, обладающее легитимацией за пределами корпуса своих избирателей, вряд ли столкнется с нелояльностью значительной группировки в армии. Его шансы на выживание будут зависеть от того, как на его требования легитимации будут реагировать офицеры, не желающие участвовать в перевороте. Гражданская лояльность новобранцев (а они в этом контексте не имеют партийной принадлежности) и мобилизация граждан, приверженных хотя бы некоторым политическим целям, могут и не привести к самой эффективной реакции, а в некоторых случаях влияние этих факторов может оказаться даже отрицательным. Единственным спасением режима, очутившегося перед такой угрозой, может стать компромисс с мятежниками, если они слишком сильны, или же поиск поддержки армейских частей, не замешанных в мятеж. Это означает, что демократический режим должен обратиться к организованным группам общества, а не надеяться нанести поражение мятежникам путем "вооружения народа". Такое решение, принятое даже ценой изменения политики и институциональных перемен, подавления некоторых гражданских свобод и кооптирования в правительство полулояльных лидеров дает больше надежды сохранить демократию, нежели сопротивление и гражданская война. Такого рода вывод и харизма де Голля,

имевшего поддержку, намного выходящую за пределы круга его непосредственных сторонников, позволили демократическому руководству Четвертой республики осуществить переход к Пятой — редкий случай нахождения нового равновесия.

Новое равновесие может наступить в случае, когда демократический режим оказался на грани краха. К сожалению, немногие кризисы демократии имеют такой исход. Но несмотря на это следует обратить больше внимания на положительные аспекты преодоления такого кризиса¹¹.

ОБРЕТЕНИЕ НОВОГО РАВНОВЕСИЯ

Проблема обретения нового равновесия демократической системы

Обретение нового равновесия демократической системы это политический процесс, происходящий после кризиса, серьезно угрожавшего стабильности и дальнейшему существованию основных политических механизмов демократии. Результат процесса — сохранение системы на том же или более высоком уровне демократической легитимности, дееспособности и эффективности¹. Процесс обретения равновесия наступает после жестокой перетряски демократических институтов, утративших свою дееспособность, эффективность, а то и легитимность, что приводит к временной утрате власти демократическим режимом. Обретение нового равновесия вполне совместимо с переменами в рамках режима, т.е. он остается демократическим (в широком смысле слова). Речь идет о переменях такого типа, какие проводились при переходе от Четвертой к Пятой Республике во Франции; при переходе от цензового режима к современной массовой демократии или от мажоритарной системы к системе, основанной на консociативных механизмах. Обретение нового равновесия может происходить, хотя это и не обязательно, через крушение или глубокое преобразование режима, но не его основных институтов и демократической легитимности.

Крушение, за которым следует обретение нового равновесия демократии, может быть вызвано антиконституционными или неконституционными действиями, вмешательством в нормальный демократический процесс политика (например, харизматического лидера), изначально не бывшего демократом, или же насильственным путем, например, посредством военного путча. Следовательно, обретение нового равновесия может сопровож-

даться разрывом между тем, что немецкие политологи 20-х годов называли легальностью и легитимацией. Новый режим, таким образом, может быть установлен незаконно, но он должен получить легитимацию в дальнейшем ходе демократического процесса и впоследствии обязан действовать в соответствии с демократическими нормами. Несомненно, это означает нарушение принципов преемственности режима и принятых правил его существования, и создание новых механизмов для обеспечения необходимых перемен. В этом смысле приход де Голля к власти в 1958 г. не был похож на смену консерваторов лейбористами в Великобритании и даже на замену Никсона Фордом после ухода Никсона в отставку из-за угрозы импичмента. Вопрос, который мы задаем на этой стадии анализа и на который получим гипотетический ответ, таков: "при каких условиях возможно обретение нового равновесия?"

Представляется, что первым условием должно быть наличие лидеров, которых не связывают с утратой существующим режимом дееспособности и легитимации и его кризисом и которые готовы посвятить себя созданию нового режима с новыми институтами, при условии, что эти институты заслужат легитимацию в дальнейшем демократическом процессе. Во-вторых, эти лидеры должны обладать способностью склонить на свою сторону граждан, оставшихся лояльными режиму, и даже тех, кто в ходе кризиса стал нелояльным, т.е. потенциальных сторонников недемократического режима. В-третьих, лидеры режима, утратившего дееспособность, эффективность, значительную долю легитимности, а то и власть, должны найти в себе силы признать этот факт и ускорить передачу власти, а не сопротивляться этому. Прежнее руководство, при всей его приверженности определенным политическим целям, идеологии и интересам, должно подчинить достижение этих целей задаче сохранения демократии, даже ценой отсрочки реализации своих целей. Такая готовность и способность ее осуществить предполагают веру в то, что руководство, которому должна быть передана

власть, привержено демократии. Поскольку не бывает, чтобы режим и его руководство утратили авторитет и легитимность полностью, то обычно у него возникает стремление — и его легко оправдать — воспротивиться "незаконным" переменам. Но у оппонентов тоже есть весьма обоснованные претензии на легитимность, и в итоге может установиться авторитарный режим (или начаться гражданская война), если режим решится мобилизовать какую-то часть населения, чтобы воспрепятствовать передаче власти и преобразованию режима. Пятое условие, несколько менее важное, предусматривает достаточное безразличие и пассивность большинства населения по отношению к конечному исходу кризиса. Кроме того, модель обеспечения нового равновесия может сработать лишь если полулояльная оппозиция данному режиму способна контролировать и нейтрализовать нелояльную оппозицию, которая ставит под сомнение не только данный режим и правительство, но и демократическую систему вообще. Это игра, в которой полулояльные действующие лица сознательно вводят в заблуждение нелояльные политические силы, способные привести к крушению режима и захватить власть.

Может показаться, что для обретения нового равновесия необходимо уникальное сочетание факторов. Этот процесс инициируется руководством, находящимся вне переживающего кризис режима, но пользующимся поддержкой многих сторонников режима; в то же время эти лидеры должны обладать способностью склонить на сторону нового режима многих своих оппонентов и изолировать наиболее непримиримых противников. Руководство должно также стремиться обеспечить новому режиму легитимность путем дальнейшего использования демократических мер и создания демократических институтов. Обретение нового равновесия происходит в условиях, когда избиратели готовы одобрить преобразование или изменение режима; условием же такого одобрения является способность нового режима решить ранее нерешенные проб-

лемы, которые, собственно, и привели к кризису. Такие требования были в точности выполнены при переходе от Четвертой к Пятой Республике. Харизматическая личность де Голля, его легитимность как лидера, его приверженность демократии (как он ее понимал) и готовность к сотрудничеству с ним ведущих политических деятелей Четвертой республики, а также пассивность большинства населения французской метрополии в дни кризиса — все это сделало возможным обретение нового равновесия². Важным фактором был и низкий уровень мобилизованности французской компартии и нежелание большинства демократических лидеров искать поддержки коммунистов против угрозы справа.

А. Гиршман, анализируя процесс оздоровления ослабшей фирмы или организации, обращает внимание на необходимость соблюдения некоторых условий, перечисленных нами выше как условий обретения нового равновесия³. Он пишет, что для фирмы чрезвычайно полезно иметь и чутких к ее положению, и инертных клиентов. Чуткие создают фирме механизм обратной связи, который сигнализирует о необходимости проведения мер по ее оздоровлению, а инертные предоставляют фирме время и средства, необходимые для того, чтобы принятые меры дали соответствующие результаты. Таким образом, он говорит о тех же факторах, которые были упомянуты нами как условия успеха процесса обретения нового равновесия. Здесь можно провести параллель с нелояльной оппозицией, которая отбрасывает демократическую систему, и массой пассивных сторонников демократии, не готовых оказать ей поддержку, а ожидающих конкретных шагов со стороны политиков по разрешению кризиса или же вообще не обеспокоенных происходящим и не осознающих глубины переживаемых режимом трудностей. Именно эти граждане, сохраняющие терпимость к демократическому режиму, несмотря на его неудачи; не желающие присоединиться к нелояльной оппозиции, но в то же время не готовые настаивать на полном соблюдении демократических принципов, делают возможным обретение нового

равновесия даже ценой временного отказа от демократической легальности.

Возникает вопрос, не могли ли некоторые недемократические режимы, установленные путем незаконных, насильственных действий и формально законной инвентуры нового правительства, после некоторого "замирения" страны и проявления каких-то признаков дееспособности преобразоваться в новый демократический режим, в котором оппоненты старого режима были бы решающей частью коалиции? Возможно, что и Муссолини в 1922 г. не исключал такого поворота событий. Включение в правительство представителей других партий; полученный им самим вотум доверия; благожелательный нейтралитет Всеобщей федерации труда, которая была готова отойти от социалистической партии; попытки ослабить насилие, совершаемое фашистскими отрядами; первые успехи в экономике, а главное, традиция мирных преобразований, свойственная итальянской политике, — все это благоприятствовало такому развитию событий. Можно полагать, что значительную роль здесь сыграло убийство Маттеоти и последствия этого убийства, в результате чего Муссолини пришлось предстать ответственным за акты насилия фашистских экстремистов, требовавших оказать им покровительство. Все это вынудило Муссолини избрать если не тоталитарную, то в полном смысле слова авторитарную альтернативу.

Концепция обретения нового равновесия по формуле Парето вовсе не означает, что это новое равновесие сил в рамках демократического процесса будет таким же, что и ранее. Она также не означает, что не будут изменены в определенных рамках правила политической игры, например, избирательные законы, исключительно важные для формирования системы партий и отношений между законодательной и исполнительной властями. На самом деле, могут потребоваться такие перемены, в результате которых создается положение, когда демократия уже граничит с полуавторитарным режимом. Такое положение возникает, когда новый режим накладывает

ограничения на гражданские свободы или запрещает некоторые партии, как это было в 30-е годы с компартией Финляндии. Но не разумнее ли считать сохранение менее демократической демократии, в особенности если оппозиция ей, которую большая часть общества считает нелояльной, поставлена вне закона, лучшим исходом, нежели установление авторитарного режима или начало гражданской войны во имя подлинной демократии?

Наш анализ процесса обретения нового равновесия намеренно начинается с того этапа, на котором уже происходит изменение режима, но еще в рамках демократии. Однако более вероятно, что эффективные и менее рискованные способы перемен будут выработаны на более ранних этапах кризиса демократии. В принципе, все партии, приверженные демократическому строю, должны принести в жертву свои особые устремления, интересы многих своих сторонников, свои идеологические обязательства, а также согласиться с ограничениями в области наиболее либерального определения гражданских свобод ради стабилизации обстановки и обеспечения выживания системы. В каком-то смысле это некие олигопольные, принимаемые несколькими сторонами решения: не конкуренция в ее чистом виде, но и не монополия власти. Такие решения приводят к созданию коалиционных правительств национального единства, временной отсрочке выборов, соглашениям между партиями не соперничать на выборах, к заранее выработанным формулам обеспечения ротации партий в правительстве и к пропорциональному представительству на ключевых постах в администрации. Такие соглашения, как правило, достигаются в демократических государствах в военное время. Однако Австрия после второй мировой войны и войны в Колумбии после диктатуры Рохаса Пинильо — интересные примеры подобных действий в посткризисные периоды.

Было бы полезно рассмотреть такие случаи и предложения по разрешению кризисных ситуаций. В этом контексте особенно интересна идея испанской республиканской диктатуры, проводившаяся весной 1936 г.

демократическими политиками, не связанными ни с Народным фронтом, ни с умеренной правой. Мог бы добиться успеха Азанья, имевший большой личный престиж, если бы он действовал в сотрудничестве с умеренными каталонскими националистами и с умеренными социалистами во главе с Прието, и получил поддержку большей части армии, избежав тем самым гражданской войны или сведя ее к местным мятежам и бунтам? Самый квалифицированный ответ здесь — "может быть". Однако для участников процесса издержки столь крайних решений могут оказаться слишком высокими, ибо они могли бы вызвать перестройку партийной системы: раскол главных партий и применение силы. Для политиков же принятие крайних решений представляет серьезнейшую психологическую проблему — предать идеи и ценности даже политику нелегко, в особенности если результат, ради которого совершается предательство, далеко не гарантирован.

Наш анализ экстремальных моделей обретения нового равновесия проводится, в частности, для изучения степени свободы, которой располагают политические лидеры, оказавшиеся в крайних обстоятельствах. Только попытка понять самих политиков и мотивы их действий может расширить наши познания о процессе политических перемен, даже если такой процесс может оказаться препятствием для построения элегантной, основанной на причинных связях модели⁴.

Восстановление и повторное провозглашение демократии

Создание новой демократии и ее консолидация после относительно короткого периода недемократического правления при активном участии лидеров прежнего демократического режима — не является обретением нового равновесия в строгом смысле этого понятия⁵. Оно решительно отличается от случаев, когда автократическое правление продолжалось много лет и когда преследования демократических лидеров предшествовавшего режима были столь суровыми, что

лишь немногие из них могли вернуться к политической деятельности. Это означает, что на политической арене оказываются новые поколения лидеров, не имеющие ничего общего с додиктаторскими партиями и их руководителями. Новые лидеры создают режим, не считая его правопреемником прежнего додиктаторского режима; это провозглашение новой демократии, а не ее восстановление⁶. Однако большинство случаев возврата к демократии представляет собой нечто промежуточное между приведенными двумя вариантами.

С восстановлением демократии возникают особые проблемы: необходимо преодолеть напряженность между партиями, способствовавшими крушению демократии; устранить подозрения, вызываемые полулояльными действиями в прошлом; избежать закрепления тех политических и идеологических формул, которые способствовали кризису. Все это будет зависеть от того, насколько руководство нового демократического режима усвоило опыт прошлого. Будет ли оно настаивать на целях, которые выдвигали прежние лидеры, возвращаться к разногласиям прошлого, обвинять своих оппонентов в крушении демократии? Если да, то в таком случае провозглашение новыми людьми нового режима имеет определенные преимущества для последующей консолидации демократии. С другой стороны, пережившие судьбоносный кризис, по всей вероятности, лучше понимают, что именно привело к крушению демократии, они лучше знакомы с принципами демократического политического процесса и могут лучше выполнять обязанности парламентариев. Политические деятели, обладающие опытом прошлого, как правило, более умело действуют в направлении консолидации режима, что помогает избежать ряда трудностей, которые обострили кризис додиктаторского режима,

Процесс восстановления протекает по-разному в зависимости от характера режима, установленного после падения демократии. Несомненно, тоталитарный режим, преследуя демократических лидеров, способствует укреплению их солидарности. Совместное пребывание в

тюрьмах и лагерях даже у самых ярых в прошлом противников может вызвать готовность к совместным действиям. При таком режиме становится ясно, "кто есть кто". Принципиальное исключение из игры прежних политических групп, даже если некоторые их члены готовы сотрудничать с новым режимом, помогает определить тех, кому будет дозволено играть активную роль в восстановлении демократии. В этом, вероятно, состояло преимущество восстановления демократии в Германии, Австрии и даже Италии после второй мировой войны. Более серьезные проблемы создает, однако, восстановление демократии после правления такого авторитарного режима, который кооптировал политиков, активных при прежнем режиме, и который преследовал одних оппонентов, но терпимо относился к другим. Положение в таких случаях обостряется, когда некоторые новые партии, ссылаясь на "послужной список" политических лидеров при прежнем режиме, стараются отстранить их от дальнейшего участия в политической жизни. Весьма искусно пользовались этой тактикой коммунисты в Восточной Европе, в особенности в Чехословакии, после второй мировой войны.

Здесь не место рассматривать эту проблему: она изучается в других главах сборника. Но это особый аспект социологического анализа макрополитики — а именно, вопрос прерывности и непрерывности политического процесса.

Право на неповиновение, восстание и подпольную деятельность в защиту демократии

Не предопределяется ли наш анализ анализируемыми нами конфликтами? Не оказываются ли наши теории под влиянием общепринятых методов научного исследования и политического анализа? Не используем ли мы (сознательно или бессознательно) употребляемые в работе термины так, чтобы выводы оказались в пользу режима, а не его оппонентов? Недавно опубликованная работа Терри Нардина и другие исследования о

гражданском неповиновении, как и недавно проводившиеся анализы насилия в Америке поднимают такие вопросы. При анализе крушения демократии в хрестоматийном случае Веймарской республики их можно было бы избежать, но в других случаях это невозможно⁷.

Важно помнить, что восстание против демократических режимов — это прежде всего конфликт по вопросу легитимности режима. Повстанцы объявляют, что демократическая власть утратила свое право на руководство и потому, даже если исходить из ее системы ценностей, стала нелегитимной⁸. В веберовском анализе легитимности подчеркивается, что в каждом типе режима "встроены" его пределы, и преобразования, выводящие режим за эти пределы, становятся причиной его делегитимации и, в конечном счете, крушения⁹. Токвиль, говоря о демократии, особенно предостерегал от гнета большинства¹⁰. Нарушение конституционных норм, превышение власти, пренебрежение гражданскими свободами, акты чрезмерного насилия со стороны властей также являются причинами крушения демократий, которые ни в коем случае не следует игнорировать. Ниспровергатели, несомненно, будут ссылаться на такие нарушения, и это может убедить многих нейтральных граждан поддержать свержение режима или, по меньшей мере, не противиться его свержению. Таким образом, действующие на политической арене и нелояльные по отношению к демократическому режиму лица набирают силы благодаря демократической процедуре: законные выборы правительства становятся угрозой непрерывности и бесперебойного функционирования демократических институтов.

Обвинения противников демократии должны быть, однако, отброшены с порога: ведь те, кто используют его для достижения власти, получив ее, не восстанавливают свободный демократический политический процесс, несмотря на их прежние заявления, что они свергают действующее демократическое правительство ради спасения демократии. Эти обвинения опровергаются также тем, что такие группы были готовы вступить в коалицию с участ-

никами оппозиции демократическому режиму еще до того как он якобы нарушил доверие демократов. Так что аргументы такого рода имеют силу лишь в тех случаях, когда свержение действующего правительства в момент временного кризиса демократического режима ведет к восстановлению демократии. Однако маловероятно, что применение насилия даже с целью защитить демократию может привести к восстановлению или к обретению нового равновесия демократического режима, независимо от того, какими намерениями руководствовались политики, прибегнувшие к насилию. Результат, как правило, доказывает, что доводы, приведенные противниками демократического режима, были ханжескими, а обвинения — ложными.

Некоторые утверждают, что крушение демократии вызывается не нелояльной оппозицией, а правителями. Именно они, считают сторонники такого мнения, получив власть конституционным демократическим путем, используют ее так, что обычные методы, открытые для лояльной оппозиции и предоставляющие ей возможность выступать с критикой, — такие как использование конституционных механизмов для контроля над правительством, осуществление либерально-демократических свобод, подготовка к следующим выборам с тем, чтобы заставить правителей ответить за превышение власти — начинают представляться неподходящими для обеспечения непрерывности демократического режима. Европейские политологи определили такую ситуацию как конфликт между легальностью и легитимацией — в данном случае, демократической легитимацией.

Иная ситуация возникает, когда оппозиция режиму опирается на другие формулы легитимации. К ним относятся такие как защита традиционной власти от контрреволюционных атак на демократию; харизма лидера; историческая миссия революционного движения или класса, представляемого его наиболее сознательными участниками (хотя они составляют меньшинство избирателей), или концепция национальной общности, выражаемой плебисцитом, а не представительными ин-

ститутами. Когда возникает столкновение между двумя концепциями легитимации, сторонники каждой из них заявляют, что они и только они верны народу. В конечном счете, граждане должны решить, какой стороне они предоставят право применить силу. Не следует, однако, забывать, что, принимая такое решение, граждане могут отдать приоритет своим личным ценностям, а не ценностям демократического режима, если они перестанут чувствовать себя уверенно при таком режиме. В то же время необходимо помнить, что ни один демократический режим не может постоянно следовать раз и навсегда сформулированным ценностям, ибо демократия зиждится на предпосылке, что общая для большинства граждан шкала ценностей время от времени может меняться. В стабильных демократиях достижение компромиссов относительно высших ценностей, приемлемых для большинства граждан, нередко затрудняется преднамеренно из опасения частых смен настроения большинства; это достигается, например, требованием квалифицированного большинства для внедрения соответствующих перемен, а в некоторых экстремальных конфликтных ситуациях — предоставлением меньшинству права вето. Как подчеркивает Шумпетер (в противоположность классической теории демократии), условие успеха демократии состоит в том, что реальная сфера, в которой действует принятое политическое решение, не должна быть чрезмерно широкой и что не каждая функция государства должна быть подчинена демократическим политическим методам¹¹.

Но возникает еще одна проблема: могут ли способствовать крушению демократии антидемократические или недемократические действия лидеров, считающихся демократическими правителями? Такая ситуация отлична от кризиса Веймарской республики или итальянской демократии начала 20-х годов, когда действовали все перечисленные нами факторы — и нелояльная оппозиция, и утрата правительством дееспособности и эффективности, обуславливающие передачу власти новому режиму. Нелояльная оппозиция, разумеется, всегда утверждает, что

демократическая власть предала свои собственные принципы; нелояльная оппозиция также всегда находится среди самых громогласных защитников гражданских свобод, но защищает она их только для себя, отказывая в этих свободах другим. Нелояльная оппозиция всегда объявляет себя (и часто не без причин) жертвой дискриминации, преследований и даже незаконных действий властей. Никого не удивит при чтении собранных Абелем автобиографий нацистских деятелей, что они ощущали себя меньшинством, которое преследовали полиция и общество, которое дискриминировали по месту работы и которое было отлучено от церкви, семьи и друзей¹². При этом они гордятся своей готовностью применить силу против оппонентов. На практике большинство демократических правительств перед лицом прибегающей к силе нелояльной оппозиции и ее лидеров, открыто оправдывающих применение силы против режима (который они считают незаконным), проявляют готовность принять меры, к которым они не стали бы прибегать, имея дело с лояльной оппозицией. В такой ситуации демократические правительства могут ввести законы, запрещающие ношение оружия и военных мундиров, организацию военизированных формирований; они могут запретить офицерам армии и полиции и государственным служащим становиться членами таких формирований, а также запретить демонстрации, явная цель которых — спровоцировать насилие.¹³

Такие меры в защиту демократии, даже если они приняты законно, демократическим большинством законодательных органов, сомнительны со строго либертарианской точки зрения¹⁴. Их принятие связано с риском *abus du droit* (буквально, превышение права), т.е. с риском использования легальных норм для достижения не предусмотренных этими нормами целей. Это происходит в тех случаях, когда ограничительные меры распространяются и на оппонентов, которые не могут рассматриваться как нелояльная, способная применить насилие оппозиция. Такой способ защиты демократии может привести к утрате легитимации и среди тех, кто не

поддерживает нелояльную оппозицию. В этой "серой" зоне бывает трудно отличить тех, кто спорит с властями в законных, демократических рамках, от тех, кто, не одобряя методов нелояльной оппозиции, соглашается с ее конечными целями. Эти последние могут даже склониться к коалиции с нелояльной оппозицией ради достижения своих собственных или каких-то общих с нелояльной оппозицией целей. Тут начинается борьба за умы граждан — тех, кто привержен существующему социально-политическому устройству, и тех, кто готов к его свержению.

Вот что о такой борьбе за умы граждан пишет Парето:

"Теории, созданные для оправдания применения подданными силы, почти всегда сочетаются с теориями, осуждающими применение силы властями против общества. Лишь немногие мечтатели отвергают применение силы кем бы то ни было; но их теории либо вообще не имеют никакого влияния, либо способствуют ослаблению сопротивления властей, расчищая тем самым место для насилия со стороны подданных...

Не нужно долго теоретизировать, чтобы вызвать сопротивление людей, которые находятся под гнетом или чувствуют себя угнетенными и готовы прибегнуть к силе. Поэтому различные варианты таких теорий разрабатываются главным образом для того, чтобы склонить людей, которые в противном случае остались бы нейтральными, к осуждению возможного сопротивления правителей (и тем самым к его ослаблению) или же для того, чтобы убедить самих правителей не прибегать к силе"¹⁵.

При демократическом режиме, когда большая часть общества признает его легитимность, наиболее веский аргумент в этой идеологической борьбе — различие между формальной легитимностью, сведенной к понятию легальности, и между подлинной демократией, которую можно определить как власть правительства, действующего в соответствии с волей народа и ответственного перед ним. Эта норма нарушается в условиях формальной демократии. Радикальные критики, в том числе

фашисты, доказывали, что одних гражданских свобод недостаточно, поскольку продолжает существовать неравенство ресурсов, имеющих в распоряжении разных групп общества, в особенности экономических средств, необходимых для финансирования политической деятельности. Сторонники такой точки зрения обычно приводят в пример частное владение средствами массовой информации или наличие правительственного контроля над ними; они говорят о неформальных санкциях со стороны общества против радикальных критиков — таких, например, как дискриминация по месту работы; приверженность институтов истеблишмента существующему социально-политическому устройству; консервативный уклон созданной обществом культуры. В последнее время стали также указывать на решающее влияние консюмеризма, стимулирующего индивидуальную, а не коллективную деятельность и материальные цели в ущерб совершенствованию отношений между властными структурами¹⁶. В этих рассуждениях радикалов, несомненно, есть резон. Но кто знает, являются ли их неудачи в мобилизации тех, кого они якобы представляют, результатом перечисленных недостатков или же недостаточной привлекательности их программ и лидеров?

Бессмысленно утверждать, что внедрение либерально-демократических институтов и стимулирование процессов демократизации в развивающихся странах или в обществах, где по традиции социально-культурные отношения основаны на сохранении существующего строя, может привести к быстрым и мирным преобразованиям только в результате политической мобилизации низших слоев. Меньшинство, уверенное в своем правильном понимании реальных нужд народа, постоянно оказывается перед соблазном действовать решительно, вместо того, чтобы идти по пути медленной мобилизации этих слоев через политические партии и массовые организации. Элита, не имеющая шансов получить власть через избирательное законодательство и средства воздействия на общественное мнение, но

осознавшая себя лидером и выступающая якобы от имени молчаливого большинства, скорее всего отвергнет методы политической демократии. Но неизбежным последствием защиты диктатуры "сознательного" меньшинства и отказа от политической демократии является диктатура, утверждающая, что ее цель — создать условия для установления подлинной демократии, т.е. такой, при которой народу будет предоставлена реальная возможность участвовать в правлении. Именно так понимал Маркс диктатуру пролетариата, т. е. как чрезвычайную организацию революционного действия, как инструмент разрушения государства, являвшегося орудием господствовавшего класса, как инструмент, которым позже перестанут пользоваться за ненадобностью. Сартори правильно отмечает, что во времена Маркса этот термин (использованный Марксом, кстати, лишь трижды) не имел того отрицательного значения, какое он приобрел позже¹⁷. Ленин сместил акценты и начал доказывать, что диктатура пролетариата более демократична, чем буржуазная демократия:

"А диктатура пролетариата, т. е. организация авангарда угнетенных в господствующий класс для подавления угнетателей, не может дать просто только расширение демократии. Вместе с громадным расширением демократизма, впервые становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких, диктатура пролетариата дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплуататорам, капиталистам. Их мы должны подавить,... их сопротивление надо сломить силой, — ясно, что там, где есть подавление, есть насилие, нет свободы, нет демократии"¹⁸.

Мы не намерены обсуждать здесь ленинскую теорию или соотношение между демократией и коммунистическим обществом, но суть доводов Ленина состоит в том, что марксист-ленинец автоматически демократ, а все прочие автоматически недемократы. Чтобы понять опасность приложения таких идей, нет нужды обращаться к доводам критиков-антимарксистов, это уже сделала Роза

Люксембург в своем блестящем анализе русской революции:

"Да, диктатура! Но диктатура эта состоит в способе применения демократии, а не в ее устранении, в энергичной, решительной атаке на прочно укоренившиеся права и экономические отношения буржуазного общества, без которых социалистические преобразования не могут быть завершены. Однако такая диктатура должна быть делом класса, а не руководящего меньшинства, выступающего от имени этого класса; это значит, что работа должна шаг за шагом осуществляться при активном участии масс; она должна проходить под их прямым воздействием и под контролем всей общественной деятельности; она должна исходить из растущей политической зрелости народных масс"¹⁹.

Роза Люксембург продолжает:

"Свобода только для тех, кто поддерживает правительство, только для членов одной партии, как бы многочисленна она ни была, — вообще не свобода. Свобода это всегда и исключительно свобода для того, кто мыслит по-иному. Не из некоей фанатической концепции "справедливости", но потому, что все, что есть поучительного, цельного и очищающего в политической свободе, зависит от этого существенного понятия, и ее эффективность сходит на нет, если "свобода" становится особой привилегией"²⁰.

Политическая демократия, разумеется, не обязательно гарантирует даже приблизительное приближение к тому, что мы называем демократическим обществом — обществом существенного равенства возможностей во всех областях и возможностей формулировать политические альтернативы и мобилизовывать избирателей для их осуществления. Ясно также, что диктатура меньшинства — партии, присвоившей себе право говорить от имени класса или "народа", т.е. якобы от имени большинства, никогда не приведет к созданию строя, который соответствовал бы определению Розы Люксембург.

Есть, однако, немало свидетельств, что политическая демократия в нашем определении с течением времени

может привести к созданию демократического общества. Пока цель еще не достигнута, но в некоторых странах к ней уже приближаются.

Вряд ли есть смысл спорить с теми, кто отвергает политическую демократию из-за медленных темпов ее эволюции в демократическое общество²¹. Наши оппоненты могут пренебречь анализом, проведенным в настоящей работе. Им, может быть, безразлично, продвигались ли рассмотренные здесь страны к демократическому обществу под демократическим или авторитарным правлением²². Собственно говоря, важные для них цели могут быть достигнуты при авторитарном режиме в такой же, а то и в большей степени, чем при олигархической или застойной демократии. Но у авторитарных режимов есть другие издержки, с которыми люди, возможно, не захотят мириться; мы убеждены, что в XX веке такие режимы не решают проблемы строительства легитимных и стабильных политических институтов. С этой точки зрения, с которой некоторые могут не согласиться, вопрос о крушении даже несовершенной демократии представляется чрезвычайно насущным. Опасность заложена в равнодушном отношении к кризису демократии, поскольку оно может привести к стремлению активизировать такой кризис в надежде, что он стимулирует революционный прорыв в демократическое общество, а не просто обеспечит политическую демократию. Не следует, однако, забывать, что тщетная надежда демократизировать демократию недемократическими методами в прошлом слишком часто приводила к кризисам режимов и, в конечном счете, прокладывала дорогу авторитарному строю.

ПРИМЕЧАНИЯ

I

1 Хороший обзор литературы по этому вопросу дается в работе John D. May. *Of the Conditions and Measures of Democracy*. Morristown, N.J., General Learning Press, 1973. Дискуссия была открыта весьма плодотворной статьей Seymour M. Lipset. *Some Social Requisites of Democracy*. — "American Political Science Review", vol. 53, 1959, pp. 69-105. Следующими вехами дискуссии стали работы: Harry Eckstein. *A Theory of Stable Democracy*, приложенная к его работе *Division and Cohesion in Democracy*. — "A Study of Norway", Princeton University Press, 1966, а также Robert A. Dahl. *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven, Yale University Press, 1971. Критический анализ см.: Brian S. Barry. *Sociologists, Economists and Democracy*. London, Collier-Macmillan, 1970, chap. 3. См. также сборник статей: Charles F. Conudde, Deane E. Neubauer (eds.). *Empirical Democratic Theory*. Chicago, Markham, 1969.

2 К уже упомянутым работам Липсета и Даля можно добавить также: Philips Cutright. *National Political Development: Its Measurement and Social Correlates*. — In: *Politics and Social Life*. Nelson W. Polsby, Robert A. Denkler, Paul A. Smith (eds.). New York, Houghton Mifflin, 1963; Deane E. Neubauer. *Some Conditions of Democracy*. — "American Political Science Review", vol 61, December 1967, pp. 1002-1009. Из работ по значительно более широкой проблеме стабильности политических систем, как демократических, так и прочих, особого внимания заслуживает очерк: Ted Robert Gurr. *Persistence and Change in Political System, 1800-1971*. — "American Political Science Review", vol. 6, December 1974, pp. 1482-1504. См. также Leon Hurwitz. *Democratic Political Stability: Some Traditional Hypotheses Reexamined*. — "Comparative Political Studies", vol. 4, January 1972, pp. 476-490 и его же *An Index of Democratic Political Stability: A New Methodological Note* — "Comparative Political Studies", vol. 4, April 1971, pp. 41-68.

3 В этой области дорогу проложила работа историка и политолога Карла Дитриха Брахера (Karl Dietrich Bracher), в частности, его историко-теоретический очерк *Aufloesung einer Demokratie: Des Ende der Weimarer Republik als Forschungsproblem* — In: Arkadij Gurland (ed.), *Faktoren der Machtbildung*. Berlin, Duncker and Humblot, 1952. Наш анализ был вдохновлен его мыслью и его монументальными трудами.

4 Следует предупредить читателя, что ни в этом очерке, ни в других главах сборника он не найдет какой-либо формальной модели, поддающейся компьютерной симуляции. Ни подготовка автора, ни состояние наших знаний, ни сложность проблемы не располагают к этому, но мы, разумеется, будем приветствовать других ученых, которые пожелают формализовать наши попытки. Примеры того, как намного менее формальный анализ может быть переведен на совершенно иной язык и научный стиль, см. в работе Roland F. Moy. *A Computer Simulation of Democratic Political Development: Tests of the Lipset and Moore Models*. In: "Comparative Politics Series", No. 01-019, vol. 2, Beverly Hills, California, Sage Professional Papers, 1971.

5 Было бы интересно провести систематическое сравнительное изучение того, в какой степени различные участники событий, в особенности демократические лидеры, сознавали опасности, грозившие системе на критических поворотах истории, перед ее окончательным крушением. Так, заявление лидера Германской социал-демократической партии Брейтшейда на партийном съезде в Магдебурге в 1929 г. о возможных последствиях распада большой коалиции (он произошел в марте 1930 г.) обнаруживает и понимание того, чем это угрожает демократии и парламентаризму, и нежелание чем-либо пожертвовать ради их спасения. См. Werner Conze. *Die Krise des Parteienstaates in Deutschland, 1929-1930*. — In: Gotthard Jasper. *Von Weimar zu Hitler, 1930-1933*. Cologne, Kiepenheuer and Witsch, 1968, p. 44. Еще большую печаль навевают слова Индалесио Прието, социалистического лидера Испании весной 1936 г. (см. раздел настоящего сборника, посвященный Испании).

6 См. главы с примерами из Латинской Америки.

7 Наша основная отправная точка — формула Макса Вебера о "методологическом индивидуализме". Это хорошо сформулировано в его письме 1920 г., которое цитировано в работе: Wolfgang J. Mommsen. Diskussion ueber «Max Weber und die Machtpolitik» — In: Verhandlungen des 15. deutschen Soziologentages: Max Weber und die Soziologie heute. Tuebingen, J.C.B. Mohr "Paul Siebeck", 1965, p. 137: "Социология может взять за отправную точку только действия одного, нескольких или многих индивидуумов, строго индивидуально, методологически... Государство в социологическом смысле — не что иное как вероятность того, что некие формы специфических действий будут иметь место. Действия отдельных людей. И ничего более..., главное здесь то, что эти действия вызваны специфическими концепциями. Сказуемое здесь то, что наблюдатели чувствуют: действия, направляемые этими концепциями, будут свершаться. Если такой вероятности нет, государство больше не существует".

8 Наше видение общественно-политического процесса основывается на понятии исторической обстановки как "довольно тонкого равновесия сил, действующих в противоположных направлениях; в результате этого перемены, вызываемые войной, политическими движениями и даже влиянием отдельного человека, могут иметь весьма далеко идущие последствия... Это не означает, что такой фактор "создает" результат. Это, скорее, означает, что какого-то дополнения к силам, работающим в данном направлении, бывает достаточно, чтобы изменить баланс в пользу одного возможного результата и уменьшить возможности другого". (Макс Вебер. Цит. по: Reinhard Bendix. Max Weber: An Intellectual Portrait. London, Heinemann, 1960, p. 269). Кстати, Джеймс Джинс использует тот же образ: "Путь поезда в точки его маршрута однозначно предписан ему рельсами, по которым он движется. Временами, однако, он прибывает на перекрестки, где перед ним открываются различные трассы, и его можно повернуть

на ту или иную трассу посредством ничтожной затраты энергии на перевод стрелок". (Цит. по: Albert Speer. *Inside the Third Reich*. New York, Avon, 1971, p. 55).

9 Karl D. Bracher. *Aufloesung einer Demokratie*.

10 Плодотворную дискуссию по этому вопросу см.: Robert McIver. *Social Causation*. Boston, Ginn and Co., 1942, особенно chapt. 6, pp. 161-194.

11 В нашем смысле руководство — остаточная временная, которой, в конечном счете, как отмечается в приведенном выше тексте Вебера, нельзя пренебречь; но о ней не следует упоминать ранее, чем будет окончательно оценен вес других факторов. Однако в ряде случаев влияние этого фактора настолько очевидно, что ему надо отдать должное. Пример — наша дискуссия о новом равновесии, найденном французской демократией при переходе от Четвертой к Пятой республике: вероятно, без де Голля результат был бы совершенно иным. Проблема руководства и его качества, особенно в обстановке кризиса, не принимается во внимание как независимая переменная нередко из-за чрезмерного неприятия понятия "великая историческая личность" и упора на социологические факторы. См. Lewis Edinger. *The Comparative Analysis of Political Leadership*. Недавние исследования упоминаются в: Lewis J. Edinger (ed.). *Political Leadership: Studies in Comparative Analysis*. New York, John Wiley and Sons, 1967; а также летний выпуск 1968 г. журнала "Daedalus", озаглавленный "Philosophers and Kings: Studies in Leadership".

12 Выражение было пущено в оборот Игнацио Силоне в заголовке его книги: Ignazio Silone. *The School of Dictators*. London, Jonathan Cape, 1939. Это остроумная и глубокая книга, весьма полезная для читателей настоящего сборника. Вероятно, следовало бы написать и "Школу для демократов".

13 О проблемах определения политической демократии

в сущностных и оперативных терминах см. Giovanni Sartori. *Democratic Theory*. Detroit, Mich., Wayne State University Press, 1962; Dahl. *Polyarchy*, а также классические высказывания в: Hans Kelsen. *Vom Wesen und Wert der Demokratie*. Tuebingen, J.C.B. Mohr, 1929; "Foundations of Democracy"; "Ethics 66", October 1955, pt.2.

14 Характеристику различных типов режимов и рассуждения о динамике перемен внутри них и между ними можно найти в: Juan J. Linz. *Totalitarian and Authoritarian Regimes*. - In: Fred I. Greenstein and Nelson W. Polsby (eds.) *Handbook of Political Science*, Reading, Mass., Addison-Wesley, 1975, vol. 3, pp. 175-411. Загнивание и крушение авторитарных режимов на Иберийском полуострове и последствия этих процессов рассматриваются в работе того же автора "Spain and Portugal: Critical Choices", in: David S. Landes (ed.). *Western Europe: The Trials of Partnership*. Lexington, Mass., D.C. Heath, 1977, pp. 237-296.

15 Вопрос о свободе действий антидемократических партий, в особенности защищающих применение силы для свержения демократических режимов, весьма сложен. Легальное преследование политических организаций при одновременном сохранении либеральных институтов рассматривается в: Otto Kirchheimer. *Political Justice: The Use of Legal Procedures for Political Ends*. Princeton, N.J., Princeton University Press, 1961, chap. 4, pp. 132-172; автор делает особый акцент на применение конституционных установлений против КПГ и правого крыла партии социалистов-республиканцев в Западной Германии. Анализ обстановки в 30-е годы см. в: Karl Loewenstein. *Legislative Control of Political Extremism in European Democracies*. "Columbia Law Review", Vol. 38, No 4, April 1938; No 5, May 1938, pp. 725-774.

16 Нам представляется слишком строгим утверждение о необходимости хотя бы одной успешной смены власти на общегосударственном уровне с переходом ее к партии (или коалиции), устанавливающей демократический режим, от ее оппонентов, чтобы можно было определить режим как

действительно демократический. См. Giovanni Sartori. *Il caso italiano: Salvare il pluralismo e superare la polarizzazione*. - *Revista Italiana di Scienza Politica*. Vol. 3, 1974, pp. 675-687. Еще менее это относится к многопартийным системам, где часто происходят сдвиги коалиций.

17 См. Juan J. Linz. *Totalitarian and Authoritarian Regimes*, pp. 336-350. О принципиальной ограниченности реформ Дубчека см. Alex Pravda. *Reform and Change in Czechoslovak Political System: January-August 1968*. — "Sage Research Papers in the Social Sciences", Beverly Hills, Ca., Sage, 1975.

18 См. главы о Венесуэле и Колумбии в настоящем сборнике. Обширная литература об австрийской политике после второй мировой войны постоянно ссылается на это "исследование".

19 Victor S. Mamatey and Radomir Luza (eds.). *A History of the Czechoslovak Republik, 1918-1948*. Princeton, N.J., Princeton University Press, 1973.

20 Консоциативная демократия — это демократическая система, в рамках которой решения принимаются не простым большинством, а с учетом позиции меньшинств, у которых нет никаких шансов стать большинством, таких, например, как расовые и этнические меньшинства. Ныне существует обширная литература о демократии этого типа. См., например, Arend Lijphart. *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. New Haven, Yale University Press, 1977. Библиографию и подборку текстов см. в: Kenneth D. McRae (ed.). *Consociational Democracy: Political Accommodation in Segmented Societies*. Toronto, McLelland and Stewart, 1974. Однако эта концепция вызвала возражения. См. Brian Barry. *Review Article: Political Accommodation and Consociational Democracy*. — "British Journal of Political Science", Vol. 5, No 4, 1975, pp. 477-505.

21 Веймарская республика просуществовала только с 1918 по 1933 г., если учитывать и период до утверждения

конституции и скорее президентское, нежели парламентское правление начала 30-х годов. Было бы, однако, ошибкой не принимать во внимание в целом либеральный и имманентно демократический период Империи, когда создавались партии, регулярно проводились свободные выборы в рейхстаг и парламенты земель. Даже Испанская республика, провозглашенная 14 апреля 1931 г., против которой был организован мятеж 18 июля 1936 г., имела столетнюю предисторию, пока либерализм и демократия стали более или менее известными понятиями; 47 лет этого столетия монархия была конституционной или, по меньшей мере, полуконституционной (1876-1923 гг.). Итальянское либеральное государство, становившееся все более демократическим по мере расширения круга избирателей, обрело еще более глубокие корни в эпоху Рисорджименто и борьбы за объединение.

22 Проблема продолжительности анализируется в: Harry Eckstein. *The Evaluation of Political Performance: Problems and Dimensions*, Beverly Hills, Ca, Sage, 1971, pp. 21-32; Ted Robert Gurr, Muriel McClelland. *Political Performance: A Twelve-Nation Study*, Beverly Hills, Ca, Sage, 1971, pp. 10-17.

23 Robert A. Dahl, Edward R. Tufte. *Size and Democracy*. Stanford, Ca., Stanford University Press, 1973. В этой работе тщательно анализируется гипотеза, что малые размеры страны могут способствовать демократии.

24 Обзор трудов Клауса Эпштейна см. в: Joseph Berlau, Peter Gay, Carl Schorske. — "World Politics", vol. 11, 1959, pp. 629-651 и в заключительной главе книги Guenther Roth. *The Social Democrats in Imperial Germany: A Study in Working-Class Isolation and National Integration*. Totowa, N.J., Bedminster Press, 1963.

25 В этом контексте заслуживает упоминания Barrington Moore. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston, Beacon Press, 1966. Намеренное пренебрежение малыми странами со стороны этого автора возмещается следующими работами: Robert A. Dahl. *Polyarchy*; Hans Daalder. *Building Consociational*

Nations. — In: S.N. Eisenstadt, Stein Rokkan (eds.). *Building States and Nations*. Beverly Hills, Ca., Sage, 1973, Vol 2, *Analyses by Region*, pp. 15-31; Dankwart Rustow. *Sweden's Transition to Democracy: Some Notes toward a Genetic Theory*. — "Scandinavian Political Studies", Vol. 6, 1971, pp. 9-26; Francis G. Castles. *Barrington Moore's Thesis and Swedish Political Development*. — "Government and Opposition", Vol. 8, No 3, 1973, pp. 313-331.

26 В Австрии в 20-е годы были периоды, когда основные "лагеря" успешно преодолевали свои разногласия; балтийские республики после обретения независимости и краткого периода гражданских войн, за которыми последовали коренные аграрные реформы, могли добиться стабилизации. Были и такие страны как Бельгия, где серьезные политические кризисы не поставили под угрозу их демократические институты. Поэтому наш анализ следовало бы дополнить исследованием периодов консолидации и стабилизации демократии и успешного преодоления кризисов.

27 Richard Rose. *Dynamic Tendencies in the Authority of Regimes*. — "World Politics", Vol. 21, No 4, July 1969, pp. 602-628.

28 Friedrich Meinecke. *The German Catastrophe: Reflections and Recollections*, Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1950, p. 63. Автор пишет: "Я сказал себе в величайшем ужасе, что с Германией стряслось огромное несчастье, хотя это можно было предотвратить. Не было неотвратимой политической или исторической необходимости падения Вильгельма II в августе 1918 г., не было общей тенденции к краху, а нечто случайное, прежде всего слабость Гинденбурга, склонившая весы судьбы".

29 Вебер в своей классической типологии власти не обсуждает в явной форме различия между демократическими (в терминологии Даля "полиархическими") и недемократическими режимами, однако здесь есть очевидное пересечение между его типологией легально-рациональной власти и нашим определением демократических режимов.

Вебер сознательно избегал проблем, выдвигавшихся критиками естественного права, которые подчеркивали понятие сущностной справедливости как преимущественное по отношению к "формальному" праву; мы тоже избегаем вопроса об ответственности в пользу критерия формальной подотчетности, ибо этот показатель обладает преимуществом относительной легкости эмпирической проверки. Об этом различии см. Juan J. Linz. *Michels e il suo contributo alla sociologia politica*. — введение к Roberto Michels. *La sociologia del partito politico nella democrazia moderna*. Bologna, Il Mulino, 1966, pp. LXXXI-XCII.

30 Традиция естественного права неизменно помещает справедливость выше формальной законности и "общие принципы права" выше писанных законов, но не предлагает ни одного бесспорного средства для выяснения, что это такое, если только мы не обратимся к определениям, даваемым католической церковью, что такое "естественное", т.е. определяемое здравым смыслом. Это определение использовали католические мыслители для оправдания тираноубийства и права на восстание, а также американская протестантская и светская традиция "гражданского неповиновения". О католической мысли см.: Heinrich A. Rommen. *The State in Catholic Thought: A Treatise in Political Philosophy*. St. Louise, Mo., Herder, 1945, pp. 473-476. И то и другое может сослужить службу меньшинству, желающему бросить вызов, в том числе и посредством насилия, действиям законно избранной власти, действующей в рамках конституции, когда власть воспринимается как угроза высшим ценностям. Этот довод использовали некоторые католики, чтобы оправдать восстание против республиканского правительства в Испании. См. влиятельную работу Aniceto de Castro Albarran. *El derecho a la rebeldia*. Madrid, Imp. Grafica Universal, 1934.

31 Различение между отказом в легитимации политической системе и общественно-экономической системе носит в основном теоретический характер. В реальности различить это трудно. Разумеется, глубокая ненависть к

общественно-экономическому устройству почти неизбежно ведет к отказу в легитимации политической системы, которая поддерживает данное устройство или его восстановление. Поскольку демократия (в нашем определении) обеспечивает выживание этого ненавидимого строя, если его поддерживает большинство, или позволяет временно побежденному меньшинству свободно бороться за его восстановление, то в этом случае отрицание демократии — логическое следствие. Равным образом, для ценителей общественно-экономического строя неприемлемы даже временные перемены, навязанные демократическим путем, и они тоже обратятся против демократии. Еще более серьезные проблемы возникают при доказательстве, что свободное соревнование на выборах за право применить силу для проведения альтернативных программ требует организационных и экономических ресурсов и определенной степени личной независимости, что может быть гарантировано при свободном распоряжении ресурсами группами и индивидуумами, желающими избежать контроля со стороны правительства и его сторонников. Более конкретно: если обобществление собственности и доходов, выходящих за пределы основных личных нужд, и объединение в группу с едиными интересами тех организаций, которые предпочтительны для правительства и зависят от него, лишат оппозицию возможности открытых выступлений, можно сделать вывод, что установление такого общественно-экономического и институционального устройства несовместимо с политической демократией. Парадоксально, что либералы, боящиеся социализма, и те, кто доказывает, что в бесклассовом социалистическом обществе нет нужды в конкуренции между партиями, сходятся в своих конечных выводах.

32 Мейнеке ("German Catastrophe", pp. 63-65) правильно отмечает важность этого вопроса в истолковании исторического процесса. Это имеет также решающее значение при определении того, возможна ли защита демократии, ибо альтернативная точка зрения, которая неизбежно связывает исход конфликта со структурными проблемами,

внешними факторами, культурной традицией и т. д., подрывает волю защитников демократии и их веру в успех. Это также разжигает желание их оппонентов начать преследование своих целей, не ожидая перемен в рамках демократии, исходя из того, что она и так обречена.

33 Идеологическая двусмысленность максималистского социализма в противоположность социал-демократическому реформизму, впервые сформулированная Бернштейном, часто отмечалась, но никогда не изучалась систематически. Хороший анализ одного из вариантов дается в: Norbert Leser. *Zwischen Reformismus und Bolschewismus*. Vienna, Europa, 1968; Erich Matthias. *Kautsky und der Kautskyanismus; Die Funktion der Ideologie in der deutschen Sozialdemokratie vor dem ersten Weltkrieg*. — In: Iring Fetscher (ed.). *Marxismusstudien*. Tuebingen, J.C.B. Mohr, 1957, Vol 2, pp. 151-197. Даже в Harold Laski. *Democracy in Crisis*. Chapel Hill, N.C., University of North Carolina Press, 1933 можно найти эту двусмысленную формулировку в приложении к Великобритании 30-х годов: "Поэтому я верю, что приход к власти лейбористской партии через обычные выборы должен привести к радикальным преобразованиям парламентского правления. Такая администрация, если она желает быть эффективной, не может принять нынешних форм ее функционирования. Она должна будет принять на себя широкие полномочия и в их рамках издавать приказы и декреты; ей придется приостановить функционирование классических форм обычной оппозиции. Если такая политика будет принята мирно, то продолжение парламентского строя будет зависеть от гарантий со стороны консервативной партии, что преобразовательная работа не будет прервана саботажем с ее стороны в случае поражения консерваторов на выборах".

34 Разумеется, найдутся и искренне верящие, что другие человеческие ценности стоят выше, и стремящиеся подогнать демократию и гражданские свободы (в их понимании) под свои желания или же грозить революцией, если этому будут мешать; они будут считать, что демократия не может обеспечить эти ценности из-за "непросвещенности"

избирателей, "не сознающих собственных интересов". Несомненно, в условиях нищеты, неравенства, экономического застоя, зависимости народа от иностранных держав, принимаемой демократическими правителями (как это было с веймарскими политиками, которые, хоть и с оговорками, но принимали принцип "выполнения" воли победителей), такая реакция может быть понятной. Однако те, кто думает, что этот путь верен и козыри вневыборной борьбы в их руках, должны помнить, что на каждую успешную революцию приходится еще более успешная контрреволюция, не только отстаивающая статус кво, но и лишаящая уже достигнутых завоеваний и чреватая большими издержками для тех, кто отстаивал радикальные перемены.

1 Этот вопрос хорошо рассмотрен в: M. Rainer Lepsius. *Machtuebernahme und Machtuebergabe: Zur Strategie des Regimewechsels.* — In: Hans Albert et al., *Sozialtheorie und Soziale Praxis: Homage to Eduard Baumgarten, Manheimer Sozialwissenschaftliche Studien.* Vol. 3, Meisenheim, Anton Hain, 1971, pp. 158-173.

2 Народные революции (в строгом смысле этого понятия), в особенности революции, вдохновленные марксизмом, не преуспели в странах с либеральными и относительно демократическими институтами. Попытки таких революций в Германии и Финляндии в конце первой мировой войны и октябрьская революция в Астурии (Испания) потерпели поражения; революционная ситуация в Северной Италии в 1919 г. ни к чему не привела. Потерпели поражение даже попытки, сделанные в более авторитарных странах вроде Венгрии. Успеха в XX веке добились революции, направленные против недемократических режимов (Мексика, Россия, Югославия, Китай, Куба) и в колониальных странах в процессе завоевания независимости (Вьетнам, Алжир). В России, Китае и Югославии важным благоприятствующим революции фактором оказалась война. Несколько революций, имевших крестьянскую основу (Мексика, Россия, Китай, Вьетнам, Алжир и Куба), изученные в: Eric Wolf. *Peasant Wars of the Twentieth Century.* New York, Harper and Row, 1969, были направлены против так и неустановившихся демократических режимов. Отмечено, что в революционной гражданской войне испанские крестьяне действовали на обеих сторонах и не составляли ядра революционных сил. Кроме того, их революционная мобилизация в период республики была ограниченной, и в восстании в Астурии они не играли никакой роли. См.: "Peasants, Politics and Civil War in Spain, 1931-1936". — In: Robert Bezucha (ed.). *Modern European Social History,* Lexington, Mass., D.C., Heath, 1972, pp. 192-227.

3 Считать или не считать революционным влияние на-

цистов на германское общество — это зависит от принятой концепции революции. Очевидно, что если считать революцией только смену собственности на средства производства, правление Гитлера революцией не было. Если же считать определяющими факторами изменения в статусной структуре, в положении армии и церкви, в контроле над экономикой и, прежде всего, — в общественных ценностях, то это, несомненно, была революция. Даже если считать решающим фактором поворот к равенству, выравнивание традиционных германских различий в статусе путем преобразования иерархии через партию и даже равенство перед деспотическим произволом, то и в этом случае следует считать произошедшее революцией. Перемены в германском обществе, которые были намечены и отчасти осуществлены, описаны в: David Schoenbaum. *Hitler's Social Revolution: Class and Status in Nazi Germany, 1933-1939*. Garden City, N.Y. Doubleday, 1963. Эти перемены отличаются от произошедшего в большинстве случаев крушения демократии в Европе. Глубокая дискуссия по поводу "незапланированного" модернизирующего влияния национал-социалистической революции на германское общество содержится в: Ralf Dahrendorf. *Society and Democracy in Germany*, loc. cit. 6, 1969, pp. 381-396.

4 См. об этом: Eckstein. *Evaluation of Political Performance*, pp. 32-50. Даже когда политическое насилие оказывает решающее влияние на падение режима, пик насилия не обязательно совпадает с последним этапом режима. Гражданская война, путчи, убийства были характерны для первых лет Веймарской республики. Затем последовал этап консолидации. Однако все эти неурядицы оставили в наследство нелояльность и скептицизм в отношении режима. В Испании астурийское восстание 1934 г. не привело к крушению системы, но нанесло ей глубокую рану. Хронология событий, необходимая для сопоставления обоих явлений и различных компонентов насилия, содержится в: Charles L. Taylor and Michael C. Hudson. *World Handbook of Political and Social Indicators*. New Haven, Yale University Press, 1972, section 3 "Political Protest and Executive Change", pp. 59-199.

Один из более сложных сравнительных анализов содержится в: Ivo K. Feierabend with Rossalind L. Feierabend and Betty A. Nesvold. *The Comparative Study of Revolution and Violence*. - "Comparative Politics", Vol. 5, No 3, April 1973, pp. 393-424 (имеется библиография). Эта работа была инициирована более ранней работой Тедда Роберта Гурра, которая включала статью, написанную им совместно с Чарлзом Руттенбергом: Ted Robert Gurr (with Charles Ruttenberg). *The Conditions of Civil Violence: First Tests of a Casual Model*. Princeton University, Center of International Studies. — "Research Monograph", No 28, Princeton, N.J., 1967. См. также: Douglas A. Hibbs, Jr. *Mass Political Violence: A Cross-National Casual Analysis*. New York, Wiley, 1973. К сожалению, отсутствуют сравнительные международные исследования внутреннего насилия в межвоенные годы, которые бы позволили сопоставить уровни насилия в странах, испытавших и не испытавших крушения режима, а также современные уровни насилия. Нелегко также (см. ниже) соотнести различные меры насилия (уровень, интенсивность, тип, место) с проблемой стабильности режима. Несомненно, уровень насилия в Северной Италии до 1922 г. был высоким, но на Юге было спокойно. Распространение угрозы насилия, вызванной нацистским СА, трудно сравнить с более кровавыми акциями сквадристов и т.д. Это может быть интересной областью сравнительного исторического исследования.

5 Отличный пример — работа Peter Merkl. *Political Violence Under the Swastika: 581 Early Nazis*. Princeton, N.J., Princeton University Press, 1975. Сравнительного исследования итальянских сквадристов не существует. Заслуживает изучения реакция властей и судов на политическое насилие. По Веймарской Германии имеется работа: Emil J. Gumbel. *Vom Fememord zur Reichskanzlei*. Heidelberg, Lambert Schneider, 1962, основанная на работах авторов 20-х годов, например "Zwei Jahre Mord" (Berlin, Neues Vaterland, 1921), но нет сравнительных анализов судебного преследования насилия в Италии, Испании и Австрии в этот период кризисов.

6 Неясности случая Германии хорошо показаны в: Hans Schneider. Das Ermächtigungsgesetz vom 24 März 1933. — In: Gotthard Jasper (ed.). Von Weimar zu Hitler: 1930-1933. Cologne, Kiepenheuer and Witsch, 1968, pp. 405-442, где цитируется соответствующая литература. См. также: Hans Boldt. Article 48 of the Weimar Constitution: Its Historical and Political Implications. — In: Anthony Nichols, Erich Matthias (eds.). German Democracy and the Triumph of Hitler. London, Georg Allen and Unwin, 1971, pp. 79-98. Это один из немногих случаев, когда легальность вступила в конфликт с демократической легитимацией и легальная процедура была пущена в ход для достижения целей, явственно противоречащих основным понятиям демократической легитимации. Бюрократия и вооруженные силы, вполне в духе прусско-германской традиции, были более привязаны к положительно понимаемой легальности, нежели к либерально-демократическим ценностям, что облегчило захват власти нацистами, и в особенности консолидацию их власти. Это же обеспечило новым правителям лояльность многих граждан, весьма далеких от того, чтобы их поддерживать.

7 К сожалению, в настоящий сборник не включен анализ крушения или свержения демократии в Чехословакии в 1948 г. Несомненно давление и более или менее прямое вмешательство Советского Союза делают этот случай особым. См. Josef Korbel. Communist Subversion of Czechoslovakia, 1938-1948: The Failure of Co-existence. Princeton, N.J., Princeton University Press, 1959; Pavel Tigrid. The Prague Coup of 1948: The Elegant Takeover. — In: Thomas T. Hammond, Robert Farrel (eds.). The Anatomy of Communist Takeover. New Haven, Yale University Press, 1975, где имеется библиография западных и последних чешских источников. То же можно сказать о последовательности событий, которые привели к отделению Словакии под мюнхенским диктатом и к внутреннему преобразованию оставшейся Чехии перед ее включением в Германию в качестве "протектората".

8 "Господство определено выше как вероятность того,

что данная группа лиц будет слушать определенные команды (или все команды). Таким образом, это определение не включает всех форм осуществления "власти" или "влияния" по отношению к другим людям. В этом смысле господство ("авторитет") может быть основано на самых различных мотивах подчинения: от простой привычки до рационального расчета выгоды. Поэтому любая подлинная форма господства предполагает некий минимум добровольного подчинения, т.е. интереса в послушании, основанного на высших мотивах или подлинном принятии. Как правило, господство над значительной группой людей требует штатов, т.е. специальной группы, которой в обычных условиях может быть доверено осуществление общей политики и подача конкретных команд. Члены администрации могут быть связаны послушанием начальнику (или начальникам) вследствие обычая, симпатии, чисто материальных интересов или же идеалистических (wertrationale) мотивов. Именно свойство этих мотивов определяет тип господства. Чисто материальные интересы и выгода в качестве основы солидарности между начальником и его административным штатом создают относительно неустойчивую обстановку. Как правило, эти интересы дополняются другими элементами — симпатиями и идеалами. В исключительных случаях решающее влияние могут оказать факторы первого рода. В повседневной жизни эти отношения, как и все прочие, определяются и обычаем, и материальными расчетами выгоды". Max Weber. *Economy and Society*. Ed. by Guenther Roth and Claus Wittich. New York, Bedminster Press, 1968, pp. 212-213.

9 Ibidem, p. 213

10 Слова Джона Ф. Кеннеди по поводу событий в Оксфорде, штат Миссиссипи (цит. по "New York Times", Oct. 1, 1962, p. 22).

11 Там же.

12 "Множественность суверенитетов — отличительная

черта революции. Революция начинается, когда администрация, ранее находившаяся под контролем одной суверенной группы, становится объектом эффективных, конкурентных, взаимно исключающих претензий двух или более групп; она заканчивается, когда одна суверенная группа захватывает контроль над правительством". (Charles Tilly. *Revolutions and Collective Violence*. — In: Greenstein and Polsby. *Handbook of Political Science*, Vol. 3, p. 519). Выводы этого отличного очерка во многом совпадают с нашим анализом и дополняют его в некоторых аспектах. Критический обзор, проведенный Тилли по другим вопросам, избавляет нас от необходимости такого обзора в настоящем сборнике.

13 Здесь не место для цитирования обширной библиографии по теме вмешательства военных в политику. Краткий обзор вопроса и библиографические отсылки имеются в: Linz. *Totalitarian and Authoritarian Regimes*. Недавнее дополнение к растущей литературе по данному вопросу, включающее обширную библиографию: William R. Thompson. *Regime Vulnerability and the Military Coup*. — "Comparative Politics", Vol. 7. No. 4, 1975, pp. 459-487. Вмешательство военных в свете действий демократических правителей, как оно представлено в этом очерке, а не просто в перспективе, сконцентрированной почти исключительно на военных, доказано в: Alfred Stepan. *The Military in Politics: Changing Patterns in Brazil*. Princeton, N.J., Princeton University Press, 1974, и в работе того же автора в настоящем сборнике.

14 См. об этом докторскую диссертацию Juan J. Linz. *The Bases of Political Diversity in West German Politics*. Columbia University, 1959. См. также главу "Cleavage and Consensus in West German Politics: The Early Fifties". — in: Seymour M. Lipset and Stein Rokkan (eds.). *Party System and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York, Free Press, 1967, pp. 305-316. Прекрасный набор данных, заслуживающий тщательного анализа, представляют собой длинные временные ряды с идентичными или сопоставимыми вопросам о поддержке глав правительств различными социальными группами и

различными партиями. Такая смесь поддержки, терпимости или отвержения — один из компонентов и индикаторов желания предоставить режиму легитимацию. См., например, Pierpaolo Luzzato Fegiz. *Il volto sconosciuto dell' Italia: Dieci anni di sondaggi Doxa*. Milan, Giuffrè, 1956, pp. 534-547; Elisabeth Noelle, Erich Peter Neumann (eds.). *Jahrbuch der Oeffentlichen Meinung, 1965-1967*. Allensbach, Institut fuer Demoscopie, 1967; *ib.* "Jahrbuch der Oeffentlichen Meinung 1968 bis 1973", *ib.* 1974.

15 Этот вопрос обсуждается с несравненной иронией в: Vilfredo Pareto. *The Mind and Society: A Treatise on General Sociology*. 2 vols. New York, Dover, 1965, No 585.

16 Смешанный характер основ легитимации любой реальной демократии постоянно подчеркивался Максом Вебером, в особенности в его трудах по политике. По его мнению, харизма государственного деятеля — политического лидера может повысить авторитет демократических институтов. В этом смысле тезис Гарри Экштейна о соответствии между структурами власти и вкладом, который может сделать авторитарное руководство в создание более авторитарного общества (он имеет в виду "канцлерскую" демократию в ФРГ), находится в русле веберовской традиции.

17 Гипотеза, что "стабильность демократической системы зависит и от ее эффективности, и от ее легитимации, хотя эти две концепции нередко смешиваются в конкретном анализе кризиса данной политической системы", определенные различия этих понятий и приложение гипотезы к ряду ситуаций — все это впервые осуществлено после дискуссии с автором этих строк в: Lipset. *Political Sociology*. — In: Robert K. Merton, Leonard Broom, Leonard S. Cottrell, Jr. (eds.). *Sociology Today: Problems and Prospects*. New York, Basic Books, 1959, pp. 81-114, особенно pp. 108-109. См его же: "Political Man: The Social Bases of Politics". Garden City, N.Y., Doubleday, 1960, chap. 3, pp. 77-98.

18 Леонардо Морлино (Leonardo Morlino), основываясь на

Экштейне, приходит к формулам, весьма близким к нашим. Он отмечает необходимость делать различие между дееспособностью в принятии решений и способностью воплощать решения, преодолевая ограничивающие условия, т.е. различать количественные и качественные результаты. В примечании он даже говорит: "Необходимо в ходе анализа принимать во внимание количественные итоги вместо качественных — еще одна причина, по которой мы предпочитаем дееспособность в решениях эффективности: эффективность делает упор на результатах. В нашем анализе дееспособность и эффективность — различные переменные по отношению к процессу крушения, ибо они не взаимозаменяют друг друга: это две размерности единого понятия. См. работу того же автора "Stabilita, legittimita e efficacia decisionale nei sistemi democratici". — *Rivista Italiana di Scienza Politica*, Vol. 3, No. 2, August 1973, pp. 247-316.

Через некоторое время после завершения этого анализа мое внимание обратили на: Chester Barnard. *The Functions of the Executive*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1947, pp. 19-20, где используются термины "действенность" (efficiency) и "эффективность" (effectiveness), и различия между этими понятиями похожи на проводимые нами между "дееспособностью" и "эффективностью". Нам не был известен отрывок из Бернарда, связывающий его работу с нашей:

"Когда некая желанная цель достигнута, говорят, что действие "эффективно". Когда нежелательные последствия действий оказываются более значительными, нежели продвижение к искомой цели, и результаты оказываются неудовлетворительными, говорят, что принятые меры были "недейственными". Когда ненужные последствия оказываются незначительными или тривиальными, говорят, что действия были "эффективными". Кроме того, иногда случается, что искомая цель не достигнута, но результаты, которых не добивались, удовлетворяют желаниям или мотивам, хотя принятые меры не имели их в виду. Тогда такие меры можно считать действенными, но не эффективными. В ретроспективе эти действия оправданы не искомым результатом, а результатом, к которому не стремились. Каждый имеет личный опыт такого рода.

Поэтому можно сказать, что действие эффективно, если оно достигает своей объективной цели. Можно также сказать, что оно действенно, если оно удовлетворяет мотивам, скрытым за данной целью, и неважно, эффективно оно или нет: лишь бы процесс не породил резкой неудовлетворенности. Можно сказать, что меры не оказались действенными, хотя были эффективными, если мотивы, стоявшие за данной целью, не были удовлетворены и возникла резкая неудовлетворенность. Такое случается часто: оказывается, нам не нужно то, что нам казалось желанным".

19 Mancur Olson. *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1965, pp. 132-133, 165-167, 174-178.

20 "Функция" или "цель" государства — центральная тема традиционной политической науки, как показывает немецкая литература на эту тему. Критическую дискуссию по этой теме см. в: Herman Heller. *Staatslehre*. Leiden, A.W. Sijthoff's Uitgeversmaatschappij, N.V., 1934. В каком-то смысле литература о "количественной продукции" политической системы и о роли государства в развивающихся странах сменила эту тематику, не всегда улучшив качество исследований.

После публикации этого очерка возник интерес к проблемам, близким к нашей дискуссии о вопросах, не поддающихся решению, а именно к проблеме "перегрузки правительства" и "неуправляемости". См. работы, представленные на коллоквиуме по перегрузке правительств: "Colloquium on Overloaded Governments", European University Institute, Florence, December 1976; Richard Rose. *Government and Ungovernability: A Sceptical Inquiry*. - "Studies in Public Policy". Centre for the Study of Public Policy, University of Strathclyde, Glasgow, 1977; Erwin K. Scheuch. *Wird die Bundesrepublik unregierbar*. Cologne, Arbeitgeberverband der Metallindustrie, 1976.

21 Robert A. Dahl. *A Preface to Democratic Theory*. Chicago, University of Chicago Press, 1956, pp. 90-123.

22 К сожалению, всегда мало данных о том, как избиратели и элиты видят прошлый режим в различные моменты: сразу после их падения, в ходе консолидации нового режима и по прошествии времени, и как качество работы предшествующих режимов служит рамками для соотнесения при оценке новых режимов. Социологам следует обращать больше внимания на то, что Морис Хальбвакс определил как "коллективная память". См. Maurice Halbwachs. *La Memoire collective*. Paris, Presses universitaires de France, 1950. После второй мировой войны в немецких обзорных исследованиях и в одном итальянском исследовании общественного мнения было изучено представление о прошлых режимах. См. G.R. Boynton, Gerhard Loewenberg. *The Decay of Support for Monarchy and the Hitler Regime in the Federal Republic of Germany*. — "British Journal of Political Science", 4, 1975, pp. 435-438, где такие реакции соотносятся со степенью удовлетворенности новым режимом.

23 Otto Kirchheimer. *Confining Conditions and Revolutionary Breakthroughs*. — "American Political Science Review", 59, 1965, pp. 964-974. Эта статья включена в антологию Frederic S. Burin, Kurt L. Shell (eds.). *Politics, Law and Social Change*. New York, Columbia University Press, 1969.

24 Albert O. Hirschman. *Journeys Toward Progress: Studies of Economic Policy-Making in Latin America*. Garden City, N.Y., Doubleday, 1965, pp. 327-384.

25 Albert O. Hirschman. *The Changing Tolerance for More Inequality in the Course of Economic Development; With a Mathematical Appendix by Michael Rotschild*. — "Quarterly Journal of Economics", 87, November 1973, pp. 544-566.

26 Одно из выдающихся исключений — Gabriel A. Almond, Sidney Verba. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton, N.J., Princeton University Press, 1963. Первая попытка систематически выверить проблемы, описанные здесь, на материалах обследований, собранных в период Четвертой республики — докторская диссертация

ция Steven F. Cohn. *Loss of Legitimacy and the Breakdown of Democratic Regimes: The Case of the Fourth Republic*. Columbia University Press, 1976.

27 См. об этом дискуссию о "бездействии правительства" в: Charles Tilly. *Revolutions and Collective Violence*, pp. 532-533; Ted Robert Gurr. *Why Men Rebel*. Princeton, N.J., Princeton University Press, 1969, pp. 235-236.

28 Джон Ф. Кеннеди в речи о кризисе в Оксфорде, штат Миссиссипи (*New York Times*, Oct. 1, 1962, p. 22).

29 В: Harry Eckstein. *On the Theory of Internal Wars*. — "History and Theory", Vol.4, No 2, 1965, pp. 133-163 перечисляются три элемента, необходимые для революции, указанные Троцким: "Политическое сознание революционного класса, недовольство средних слоев и правящий класс, утративший веру в себя". Тилли в работе, упомянутой в примечании 27, дает четыре условия, приближающих революцию, среди которых отмечает "неспособность или нежелание администрации подавить альтернативные группировки или ее сочувствие их претензиям" (стр. 521) и продолжает (стр. 532-537) анализ "бездействия правительства". Судьба либерального государства в Италии, несомненно, была решена, когда оно стерпело — по каким-либо причинам (вовлеченность или неспособность) — ситуацию, описанную в: Renzo De Felice. *Mussolini il fascista*. Vol. I. *La conquista del potere: 1921-1925*. Turin, Einaudi, 1966, pp. 25-30, 88-89, 129. Именно насилие со стороны фашистов, нацистов и пролетариата, которое правительство отчасти не хотело, а отчасти не могло контролировать, создало вакуум власти, приведший к крушению демократии.

Итальянский политик Саландра хорошо сформулировал происшедшее в письме от 15 августа 1922 г.: "Как вам известно, я, подобно вам, и восхищаюсь фашизмом, и тревожусь. Шесть лет правления слабого, отсутствующего, а то и предательского правительства, привели нас к тому, что мы возлагаем надежды на спасение страны на вооруженную и организованную силу, неподвластную

государству. В строгом смысле слова, это анархическое явление" (ibidem, p. 286). С другой стороны, Муссолини мог сказать своему соратнику-фашисту Дж. Росси: "Если бы сегодня в Италии было правительство, заслуживающее этого названия, оно должно было бы безотлагательно послать агентов и карабинеров, чтобы захватить и опечатать наши центры. Организация, обладающая кадрами и кодексом внутренней дисциплины для своих членов, немислима в государстве со своей армией и полицией. Следовательно, в Италии нет государства. Оно беспомощно. Следовательно, нам необходимо захватить власть. В противном случае, история Италии превратится в незаконченный черновик" (ibidem, p. 317). Такова была его реакция на неудачу правительства Факта ответить на провокационное создание частной армии. Власть, не желающая или не способная применить силу против силы, не может претендовать на послушание даже со стороны тех, кто не готов бросить ей вызов. Для таких людей авторитет стоит выше притеснений, однако противник, подобный сквадристам, может быть подавлен только силой.

30 Pareto. *Mind and Society*. Vol.2, pp. 1527-1528, No 2186. Чтобы не посчитать Парето бездумным сторонником силы, что было бы ошибочным, этот текст следует читать в контексте с параграфами 2174 и 2175 (pp. 1512-1513). В контексте нашей дискуссии должно быть ясным, что отвечающие за поддержание демократического политического строя должны быть наделены верящими в легитимность этого строя правом использовать адекватную силу для подавления оппонентов, готовых использовать силу для свержения или ослабления этого строя. Вопрос о насилии политических групп против властей или других граждан или готовность к такому насилию не является частью проблемы гражданских свобод; это относится и к такому использованию силы политическими лидерами. Разумеется, это правило следует применять объективно. Современное государство не может терпеть политических групп, даже таких, которые привержены демократии, если они намерены защищать себя сами, а не отдаются под защиту государства.

31 Наше отступление по поводу отношений между партийными системами и стабильностью демократии основано на чрезвычайно глубокой и побуждающей к размышлению типологии партийных систем и анализе их динамики в: Giovanni Sartori. *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. Cambridge, Cambridge University Press, 1976, Vol. I, pp. 119-216.

32 Giuseppe Di Palma. *Surviving without Governing: The Italian Parties in Parliament*. Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1977, pp. 219-286. Дискуссия по поводу применения модели поляризованных многопартийных систем, развитой Сартори, к современной Италии дается в сочинении Сартори *Il caso italiano*, стр. 645-674, где указывается также на другие работы по этому вопросу.

33 Идея "двойного суверенитета", в неявной форме содержащаяся в анализе Парето, четко сформулирована Троцким, но и Муссолини употреблял ее. За месяц до "марша на Рим", 4 октября 1922 г., он одобрительно цитирует замечание в газете: "В Италии ныне два правительства — на одно больше, чем нужно" (цит. по: Christopher Seton-Watson. *Italy from Liberalism to Fascism: 1870-1925*. London, Methuen, 1967, p. 617). Продуманное использование высказывания о множественном суверенитете в изучении революций см. указанное сочинение Тилли.

34 Различные формы оппозиции в условиях демократии всесторонне рассматриваются в статье Роберта А. Даля в сборнике "Political Opposition in Western Democracies", New Haven, Yale University Press, 1966 и в его же "Polyarchy".

35 Richard Rose. *Governing Without Consensus: An Irish Perspective*. Boston, Beacon Press, 1971, pp. 179-202, 218-246; *ibidem* Northern Ireland: Time Choice. Washington, D.C., American Enterprise Institute, 1976; *ibidem*. On the Priorities of Citizenship in the Deep South and Northern Ireland. — "Journal of Politics", 39, 1976, pp. 247-291; Arend Lijphart. The Northern Ireland Problem: Cases, Theories, and Solutions. — "British Journal of Political Science",

5, 1975, pp. 83-106. В случаях, когда постоянно существующие и численно слабые меньшинства с различными культурными, расовыми, национальными и религиозными характеристиками противостоят большинству, отказываясь с ними сотрудничать, вряд ли права меньшинства могут быть защищены; их интересы также не принимаются во внимание в условиях правления по принципу "один человек — один голос". В особенности это справедливо при однопалатном мажоритарном представительстве. В этом случае могут существовать все формальные элементы демократии, но дух ее или отсутствует или серьезно нарушен. Роуз доказывает, что в таких обстоятельствах равенство перед судом или укрепление законности с помощью может оказаться предпочтительнее, нежели голосование за гражданство.

36 В этом контексте особый смысл имеет работа Roth. *Social Democrats in Imperial Germany*. О концепции негативной интеграции см. стр. 311-322.

37 Наиболее яркий пример — сотрудничество нацистов и коммунистов в парламентской оппозиции веймарским партиям, что сделало систему неработоспособной. Более конкретный пример — забастовка рабочих берлинского транспорта в 1932 г., проведенная нацистами и коммунистами вопреки решению профсоюзов и переросшая в саботаж и насилие. Забастовка оказала большое психологическое влияние на армию и на планирование ею защиты от нападения с обеих сторон. Об этих событиях см. Hans Otto Meissner, Harry Wilde. *Die Machergriffung: Ein Bericht ueber die Technik des Nationalsozialistischen Staatsstreiches*. Stuttgart, Cotta'sche Buchhandlung, 1958, pp. 11-20. О политике КПГ см. Herman Weber. *Die Wandlung des deutschen Kommunismus: Die Stalinisierung der KPD in der Weimarer Republik*. Frankfurt, Europaeische Verlagsanstalt, 1969. О решении армии см. Francis L. Carstein. *Reichswehr und Politik, 1918-1933*. Cologne, Kiepenheuer und Witsch, 1964, p. 429.

38 Невозможно отрицать, что такие силы не играют роли в политике: во всяком случае, они не работают таким образом и не пользуются таким влиянием, как предполага-

ют это сторонники упрощенной, детективной интерпретации политики. Анализ подобного политического стиля см. в: Seymour M. Lipset, Earl Raab. *The Politics of Unreason: Right-Wing Extremism in America, 1790-1970*. New York, Harper and Row, 1970. Экстремисты, склонные к конспирации, к тайному проникновению в чужие ряды, к манипуляции доводами, лживой пропаганде склонны приписывать такое же поведение оппонентам. Опасность начинается там, где более умеренные люди из истеблишмента начинают разделять эти верования, как это произошло, например, с генеральным прокурором США Браунеллом, который в период пика маккартизма обвинил демократическую партию в измене.

39 О кризисе 1958 г. во Франции см. Steven F. Cohn. *Losses of Legitimacy*, где развиваются идеи, впервые представленные на Всемирном конгрессе по социологии в Варне (Болгария) в 1970 г. В монографии проверяются многие гипотезы, высказанные в настоящей главе, в том числе обсуждается сложный анализ данных обследования, проведенного IFOP. Скандал занимает особое место во французской политике; он во многом способствовал делегитимации политиков, партий, парламента, а также Третьей и Четвертой республик. Глубокий анализ функций и динамики скандалов (вполне приложимый к испанскому кризису 1935 г.), см. в: Philip Williams. *The Politics of Scandal*. - In: "Wars, Plots, and Scandals in Post-War France", Cambridge, Cambridge University Press, 1970, pp. 3-16. Обзор литературы о майском кризисе 1958 г. см. там же, стр. 129-166.

40 О восприятии итальянцами компартии см. Juan J. Linz. *La Democrazia italiana di fronte al futuro*. - In: Fabio Luca Cavazza, Stephen R. Graubard (eds.). *Il caso italiano: Italia anni 70*. Milano, Garzanti, 1974, pp. 124-162. На стр. 161 есть отсылка к сопоставимым французским данным. См. также Giacomo Sani. *Mass Constraints on Coalition Realignment: Images of Anti-System Parties in Italy*. - "British Journal of Political Science", 5, January 1976, pp. 1-32; idem, *Mass Level Response to Party Strategy: The Italian Electorate and the Communist Party*. — In:

Donald L. Blackmer, Sidney Tarrow. *Communism in Italy and France*. Princeton, N.J., Princeton University Press, 1975, pp. 456-544.

41 См. главу о лапуасском движении в Финляндии в настоящем сборнике.

42 Об опасности отождествления режима с первым большинством, установившим режим, хорошо сказал Жиль Роблес:

"Против кого голосовало народное общественное мнение? Против режима или против его политики? Честно говоря, по моему мнению, во всяком случае, сегодня испанский народ голосовал против политики Учредительного собрания. Однако, если вы, держащие в руках управление государством, вы, бесящие оппозицию, настаивающие, как вы делали до сих пор, на отождествлении политики с режимом; если вы попытаетесь убедить испанский народ, что социализм, сектантство и республика имеют одну и ту же суть, то будьте уверены: народ будет голосовать против республики и режима. Если такое предположение верно, то уж не мы станем на пути всепобеждающего общественного мнения Испании".

Цит. в: Carlos Seco Serrano. *La experiencia de la derecha posibilista en la Segunda republica espanola: Estudio preliminar*. — In: Jose Maria Gil Robles. *Discursos parlamentarios*. Madrid, Taurus, 1971, pp. XXXIII-XXXIV.

43 Rose. *Dynamic Tendencies in the Authority of Regimes*.

44 Соотношение между стабильностью и нестабильностью правительства (кабинета) и стабильностью режима нуждается в дальнейших исследованиях. В последнее время систематическому измерению нестабильности правительства и анализу ее причин уделяется значительное внимание. См., например, Hurwitz. *An Index of Democratic Political Stability*; Michael Taylor, V.M. Herman. *Party Systems and Government Stability*. — "American Political Science Review", 65, 1971, pp. 28-37. Данные о нестабильности кабинетов и причинах этой нестабильности в ряде европейских стран с XIX века приводятся в: Klaus von Beyme. *Die parlamentarische*

Regierungssysteme in Europa. Muenchen, R. Piper, 1970. Отличная монография на эту тему — A. Soulier. L'instabilite ministeriele sous la Troisieme Republique (1871-1938). Paris, Recuweil Sirey, 1939.

Существуют некоторые систематические данные, свидетельствующие, что нестабильность кабинетов тесно соотносится с крушениями европейских парламентских демократий в межвоенные годы и с интенсивностью их кризисов. Разумеется, это не причинно-следственная связь, ибо нестабильность правительства — отражение общественно-политического кризиса, но вряд ли можно сомневаться, что частые смены правительств тоже способствуют кризису. Данные, подтверждающие это предположение, можно свести в таблицу. Взяв данные о средней продолжительности существования межвоенных кабинетов до и после кризиса 1929 г. (этот индикатор имеет свои ограничения и должен быть дополнительно очищен от других влияний), можно видеть, что только в одной стране (Франции), где правительство существовало в среднем менее девяти месяцев, демократия выжила. В то же время в группе стран, где правительства сохранялись в среднем более девяти месяцев, только в одной стране произошла смена режима. Это была Эстония, где ранее существовал авторитарный режим и где в кризисной ситуации демократически избранный лидер порвал с демократической легальностью. В большинстве стран, где до кризиса существовали стабильные правительства (Нидерланды, Великобритания, Дания, Швеция, Норвегия, Ирландия) со средним сроком "жизни" год и более, послекризисные правительства тоже были более стабильными (это не относится к Нидерландам, занимавшим второе место по стабильности: здесь "сроки существования" кабинета сократились с 996 до 730 дней). Даже в Финляндии, столкнувшейся с серьезным кризисом, стабильность возросла. Только в Бельгии "срок существования" правительства снизился до близости к опасной точке: с 432 до 285 дней.

**Нестабильность кабинетов в европейских парламентских
системах между мировыми войнами, или крушение
демократии**

До кризиса 1929 г.

Страна	Период	"срок жизни" кабинета в днях
Португалия	16 мая 1918 г. — 28 мая 1926 г. 30 кабинетов, 19 премьеров	117
Югославия	декабрь 1918 г. — январь 1929 г. 24 кабинета, 7 премьеров	154
Испания	21 марта 1918 г. — 13 сентября 1923 г. 12 кабинетов, 7 премьеров	166
Германия	9 ноября 1918 г. — 27 марта 1930 г.	210
Франция	16 ноября 1917 г. — 3 ноября 1929 г. 18 кабинетов, 8 премьеров	239
Италия	30 октября 1917 г. — 30 октября 1922 г. 7 кабинетов, 5 премьеров	260
Австрия	30 октября 1918 г. — 30 сентября 1930 г. 16 кабинетов, 6 премьеров	267
Финляндия	17 апреля 1919 г. — 4 июля 1930 г. 14 кабинетов, 12 премьеров	294

Эстония	25 января 1921 г. — 2 июля 1929 г. 10 кабинетов, 7 премьеров	306
Чехословакия	14 сентября 1918 г. — 7 декабря 1929 г. 12 кабинетов, 7 премьеров	340
Ирландия	9 январь 1919 г. — март 1932 г. 10 кабинетов, 5 премьеров	368
Бельгия	31 мая 1918 г. — 6 июня 1931 г. 11 кабинетов, 7 премьеров	432
Норвегия	31 января 1913 г. — 12 мая 1931 г. 9 кабинетов, 8 премьеров	441
Швеция	19 октября 1917 г. — 7 июня 1939 г. 10 кабинетов, 8 премьеров	461
Дания	30 марта 1920 г. — 30 апреля 1929 г. 6 кабинетов, 5 премьеров	533
Великобритания	10 января 1919 г. — 5 ноября 1931 г. 7 кабинетов, 4 премьера	668
Нидерланды	9 сентября 1918 г. — 10 августа 1929 г. 4 кабинета, 3 премьера	996

После кризиса 1929 г.

Страна	Период	"срок жизни" кабинета, в днях
Португалия	—	—
Югославия	—	—
Испания	14 апреля 1931 г. — 18 июля 1936 г. 19 кабинетов, 8 премьеров	101
Германия	30 марта 1930 г. — 30 января 1933 г. 4 кабинета, 3 премьера	258
Франция	3 ноября 1929 г. — 16 июня 1940 г. 22 кабинета, 13 премьеров	165
Италия	—	—
Австрия	30 сентября 1930 г. — 20 мая 1932 г. 4 кабинета, 4 премьера	149
Финляндия	4 июля 1930 г. — 27 марта 1940 г. 6 кабинетов, 6 премьеров	592
Эстония	9 июля 1929 г. — 17 октября 1933 г. 6 кабинетов, 5 премьеров	260
Чехословакия	7 сентября 1929 г. — 5 октября 1938 г. 6 кабинетов, 4 премьера	537

Ирландия	март 1932 г. — июнь 1938 г. 3 кабинета, 1 премьер	750
Бельгия	6 июня 1931 г. — 22 февраля 1939 г. 11 кабинетов, 11 премьеров	285
Норвегия	12 мая 1931 г. — 25 июня 1945 г. 4 кабинета, 4 премьера	469
Швеция	7 июня 1930 г. 13 сентября 1939 г. 5 кабинетов, 5 премьеров	694
Дания	30 апреля 1929 г. — 4 мая 1942 г. 1 кабинет, 1 премьер	4750
Великобритания	5 ноября 1931 г. — 28 мая 1940 г. 3 кабинета, 3 премьера	1035
Нидерланды	19 августа 1929 г. — 9 августа 1939 г. 5 кабинетов, 2 премьера	730

Примечание: число дней не может считаться точным, ибо не всегда ясно, когда одно правительство уходит и другое приходит. Другой мерой нестабильности может быть число дней, необходимых для формирования нового правительства.

45 Со времени атаки Фердинанда Герменса на разрушительные последствия пропорционального представительства в: Ferdinand A. Hermens. *Democracy or Anarchy*. Notre Dame, Ind., Notre Dame University Press, 1941, вопрос о соотношении между стабильностью демократии и системой

выборов был предметом длительных и напряженных споров. Вклад в них внесли также Maurice Duverger. *Political Parties*. New York, John Wiley, 1963; Anthony Downs. *The Economic Theory of Democracy*. New York, Harper, 1957, многочисленные работы Сартори и полемика вокруг них. Наиболее важная монография — работа Douglas W. Rae. *The Political Consequences of Electoral Law*. New Haven, Yale University Press, 1971. Сложность проблемы показана в: Stein Sparre Nilson. *Wahlsoziologische Probleme des Nationalsozialismus*. - "Zeitschrift fuer die gesamte Staatswissenschaft", 60, No 2, 1954, ss. 282-283. Случай Веймарской республики подробно рассматривается в: Hans Fenske. *Wahlrecht und Parteiensystem: Ein Beitrag zur deutschen Parteiengeschichte*. Frankfurt, Athenaeum, 1972. См. также Friedrich Schaefer. *Zur Frage des Wahlrechts in der Weimarer Republik*. - In: Ferdinand A. Hermens, Theodor Schieder (eds.). *Staat, Wirtschaft, und Politik in der Weimarer Republik: Festschrift fuer Heinrich Bruening*. Berlin, Duncker and Humblot, 1967, pp. 119-140, особенно о дебатах и предложениях реформы избирательной системы перед лицом надвигающегося кризиса. И теоретические изыскания и эмпирический анализ показывают, насколько сомнительно возлагать всю вину на пропорциональное представительство, ибо мажоритарная система может привести к равно разрушительным последствиям в поляризованном обществе с крупными экстремистскими меньшинствами. Многие зависят от степени зрелости партийной системы в обществе, где вводится та или иная избирательная система.

46 Werner Kaltefleiter. *Wirtschaft und Politik in Deutschland: Konjunktur als Bestimmungsfaktor des Parteiensystems*. Cologne, Westdeutscher Verlag, 1968. См. также Heinrich Bennecke. *Wirtschaftliche Depression und politische Radikalismus, 1918-1938*. Munich, Olzog, 1970, где кроме Германии рассматриваются также Австрия и Судетская область.

47 Karl Dietrich Bracher. *The Technique of the National Socialist Seizure of Power*. — In: *The Path to Dictatorship, 1918-1933: Ten Essays by German Scholars*. Garden City, N.Y., Doubleday, 1966,

pp. 113-132; idem. Die Aufloesung der Weimarer Republik: Eine Studie zum Problem: des Machtverfalls in der Demokratie. Stuttgart, Ring, 1957; idem. The German Dictatorship. New York, Praeger, 1970; idem. Wolfgang Sauer, Gerhard Schulz. Die nationalsozialistische Machtergreifung: Studien zur Errichtung des totalitaeren Herrschaftssystem in Deutschland, 1933-1934. Cologne, West-deutscherverlag, 1960.

48 См. его раздел в настоящем сборнике, а также "The New Professionalism of Internal Warfare and Military Role Expansion". — In: Alfred Stepan (ed.). Authoritarian Brazil: Origins, Policies, and Future. New Haven, Yale University Press, 1973, pp. 47-65; The State and Society: Peru in Comparative Prospective, Princeton, N.J., Princeton University Press, 1978, а также John S. Fitch. The Military Coup d'Etat as a Conservative Political Process: Ecuador, 1948-1966. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1977.

49 Charles Tilly. Does Modernization Breed Revolution? — "Comparative Politics", 3, April 1973, p. 447.

50 Предлог для таких конфликтов создала смена национального флага Германской и Испанской республик. Другой пример — замена в официальных и военных церемониях лозунга "Да здравствует республика!" на "Да здравствует Испания!".

51 "Злопамятство" было темой интересной монографии философа и социолога Max Scheler. Ressentiment. New York, Free Press of Glencoe, 1961, под редакцией и с предисловием Люиса Козера. Понятие взято у Ницше, в работах которого оно занимает важное место и является объектом феноменологического описания. Автор предисловия пишет:

"Оно обозначает поведение, возникающее при постоянном подавлении ненависти, мстительности, зависти и т.п. Когда эти чувства выходят наружу, злопамятства не бывает. Злопамятство возникает, когда человек не может открыто выразить эти чувства лицам или группам, вызывающим их. Это порождает у него ощущение бессилия, и

он испытывает эти чувства вновь и вновь. Злопамятство создает склонность принижать, приуменьшать подлинные ценности и их носителей. В отличие от бунта, злопамятство не ведет к утверждению противоположных ценностей, ибо злопамятные люди втайне лелеют те ценности, которые они публично отрицают".

Для политики злопамятства типична направленность больше "против", чем "за".

52 См. например, Carmelo Lison-Tolosana. *Belmonte de los Caballeros: A Sociological Study of a Spanish Town*. Oxford, The Clarendon Press, 1966, pp. 45, 289-290.

53 Robert E. Lane. *The Regulation of Businessmen: Social Conditions of Government Economic Control*. New Haven, Yale University Press, 1954, pp. 19-35. Автор больше подчеркивал психологические, нежели материальные издержки регулирования и сопротивления регулированию.

54 Трудно, разумеется, измерить влияние на внутриполитические события Версальского договора, различных его условий, соглашения о репатриациях, вмешательства Антанты (в особенности оккупацию Рура), но пренебрегать этим нельзя. См. Erich Matthias. *The Influence of the Versailles Treaty on the Internal Development of the Weimar Republic*. - In: Anthony Nichols, Erich Matthias (eds.). *German Democracy and the Triumph of Hitler*. London, Georg Allen and Unwin, 1971, pp. 13-28. Свидетельства в автобиографиях нацистских активистов см. в: Merkl. *Political Violence Under the Swastika*.

55 См. работу Паоло Фарнети в этом сборнике.

56 Guillermo A. O'Donnel. *Modernization and Bureaucratic Authoritarianism*. Berkeley, Ca., Institute of International Studies, 1973, pp. 166-199.

57 Последствия различных уровней прерывности или непрерывности политических элит при смене режимов, в особенности при демократизации, не изучались. См. Juan J.

Linz. Continuidad y discontinuidad en la elite political espanola: De la Restauracion el Regimen actual. - In: "Estudios de Ciencia Politica y Sociologia: Homenaje al Profesor Carlos Ollero". Madrid, Caltavilla, 1972, pp. 361-424.

58 Pareto. Mind and Society.

59 Мы имеем в виду развитую им концепцию, которую Альфред Вебер назвал концепцией "социально не связанной интеллигенции" (freischwebende Intelligenz). Karl Mannheim. Ideology and Utopia: An Introduction to the Sociology of Knowledge. New York, Harcourt Brace Jovanovich, n.d., pp. 153-164.

60 Исследования о роли интеллигенции в кризисе плюралистических демократий не проводилось. Нередко ее отождествляли со свергнутым демократическим государством из-за преследований или отвержения, которые терпела интеллигенция от режимов, последовавших за демократией. Лишь в Германии широко изучалась и обсуждалась роль интеллигенции, влиявшей как на элиту, так и на массы. См. Peter Gay. Weimar Culture: The Outsider as Insider. Harper and Row, 1968, а также публикацию в журнале "Social Research", озаглавленную "Germany 1919-1932: The Weimar Culture", vol. 39, No 2, Summer 1972. В работе George Mosse. The Crisis of German Ideology: Intellectual Origins of the Third Reich. New York, Grosset and Dunlop, 1964, автор справедливо обращает особое внимание на то, что националистическая и антивеймарская идеология просачивалась через множество каналов. Не следует также забывать, что левая интеллигенция старалась "развенчать" веймарскую систему и социал-демократов. См. Istvan Deak. Weimar Germany's Left-Wing Intellectuals. Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1969.

По Испании и Италии подобного анализа нет. Несомненно, критика со стороны интеллигенции способствовала отчуждению режима Джолитти в Италии; это признает Сальвемини в его предисловии к: William Salomone. Italian Democracy in the Making. В Испании у ве-

душих представителей интеллигенции Ортеги и-Гасцета, Унамуно и других был краткий медовый месяц с республикой; затем они обратились к резкой критике ее. К счастью, Гамилтон (Alastair Hamilton. *The Appeal of Fascism*. New York, Avon, 1971, предисловие Стефана Спендера) исправляет ошибочное впечатление, что только второразрядные интеллигенты и писатели поддерживали фашизм или забавлялись им; лишь позднее среди них стали преобладать антифашисты. К сожалению, культурные критики справа и слева нередко безответственно способствовали разрушению обществ с гражданской демократией, пусть даже несовершенных, часто просто из симпатии к движениям, которые они недостаточно знали.

Редкое выражение двойственного отношения многих представителей интеллигенции к свободе — приводимый ниже отрывок из дневников Андре Жида:

"Понятие о свободе в той форме, в которой оно было нам привито, представляется мне крайне фальшивым и вредным. Если я одобряю советские ограничения, я должен одобрять и фашистскую дисциплину. Но я еще тверже верю, что идея свободы — не более чем подделка. Я хотел бы быть уверенным, что мои чувства не изменятся, если я сам не буду свободен — я, ценящий собственную свободу мысли превыше всего. Но я все тверже и тверже верю, что человек ничего не стоит без ограничений, а люди, способные обрести такие ограничения внутри себя, очень редки. Я верю также, что мысль полноценна, лишь когда она брошена для возмущения спокойствия. Именно однородность массы позволяет некоторым личностям подняться и восстать против нее. Евангельское "кесарю — кесарево, а Божие — Богу" представляется мне ныне более мудрым, чем когда бы то ни было. От Бога мы получили свободу — свободу духа, от кесаря — подчинение, подчинение наших деяний" (цит. в: Hamilton. *Appeal of Fascism*, p. 24).

Отличный пример — Шпенглер, писавший: "Гитлер — дурак, но его движения надо поддерживать", голосовавший за Гитлера и выставлявший флаги со свастикой, объяснял это так: "Когда есть возможность позлить людей, надо ею воспользоваться" (*ibidem*, p. 174).

61 Kelsen. Vom Wesen und Wert der Demokratie; idem. Foundations of Democracy. Разумеется, есть разница между "идеологией" как системой верований, основанной на фиксированных элементах и имеющей закрытую когнитивную структуру, и ее преобразованием — "прагматизмом". Определение этих терминов в: Giovanni Sartori. Politics, Ideology, and Belief Systems. — "American Political Science Review", 63, June 1969, pp. 398-411. Можно доказать, что для постоянного функционирования демократических конституционных процедур необходима безусловная верность им и защита гражданских свобод, а также, что отказ от незаконного насилия против законной власти — тоже идеология.

III

1 Ограничивающие условия специально рассматриваются в работе Отто Кирхгеймера в этом сборнике.

2 Социально-психологические процессы освещены особенно подробно в: Albert Hirschman. *Journey Toward Progress*. Garden City, N.Y., Doubleday, 1965, pp. 299-326.

3 Karl von Clausewitz. *War, Politics and Power*. Ed. Edward M. Collins, Chicago, Regnery, 1962, pp. 83, 92-93, 254-263.

4 Max Weber. *Science as a Vocation*. — In: Hans H. Gerth, C. Wright Mills (eds.). *From Max Weber: Essays in Sociology*. New York, Oxford University Press, 1958, pp. 129-156.

5 Неопределенность позиции социал-демократов хорошо описал Фриц Тарнов, депутат рейхстага и руководитель союза рабочих деревообрабатывающей промышленности в основном докладе на последнем съезде партии перед приходом Гитлера к власти (1931 г.): "Стоим ли мы... у постели больного капитализма как диагностики или как врачи, ищущие средство его излечения? Или как радостные наследники, нетерпеливо ждущие конца и даже готовые помочь ему ядом?... Думается, мы обречены быть врачом, который честно ищет средства излечения, и сохранять при этом чувства наследника, который предпочитает перенять все наследство капиталистической системы сегодня, а не завтра (цит. по: Franz Neuman. *Behemoth. The Structure and Practice of National Socialism, 1933-1944*. New York, Octagon, 1963, p. 31). Итальянец Клаудио Тревес охарактеризовал ту же ситуацию в марте 1920 г. следующими словами: "Трагизм нынешнего кризиса в том, что вы не можете навязать ваш строй нам, а мы свой строй — вам" (цит. по: Seton-Watson. *Italy from Liberalism to Fascism*, p. 560).

6 Макс Вебер отмечал, что партии в империи времен

Бисмарка, будучи отключенными от реального контроля над исполнительной властью и потому — от полной ответственности, тяготели к высокой идеологизации и тесно отождествляли себя с группами интересов. Поэтому многие партии выработали привычку, сохранившуюся у них и в Веймарской республике, — больше действовать как группы давления, нежели как партии. Борьба за руководство между Гугенбергом и графом Весторпом в Германской национально-народной партии и между лордом Бивербруком и Болдуином — в британской консервативной партии имела из-за этого различия неодинаковый исход. См. Max Weber. *Parliament and Government in a Reconstructed Germany*. — In: Guenther Roth, Claus Wittich (eds.). *Economy and Society*. New York, Bedminster Press, 1968, vol. 3, pp. 1381-1469.

7 Этот процесс сыграл решающую роль в ослаблении немецких буржуазных и аграрных партий и в успехе нацистов как на выборах, так и в проникновении их в истеблишмент в последние годы Веймарской республики. Другой аспект — вето, налагаемые группами интересов (деловыми кругами или профсоюзами) на решения партий и партийных лидеров, идущие вразрез с их интересами, даже если чисто политические соображения (забота о стабильности системы) требовали жертвовать интересами. Жесткость профсоюзов в отношении Германской социалистической партии и деловых кругов в отношении Германской национальной партии во многом способствовали падению кабинета Мюллера — последнего парламентарного правительства Веймарской республики. См. Helga Timm. *Die deutsche Sozialpolitik und der Bruch der Grossen Koalition in Maerz 1930*. — "Beitraege zur Geschichte des Parlamentarismus und der politischen Parteien", N 1, Duesseldorf, Droste, 1953.

8 Цит. по: Joachim C. Fest. *The Face of the Third Reich: Portraits of Nazi Leadership*. New York, Pantheon Books, 1970, p. 25.

9 Один из самых плодотворных анализов формирования политики — Hirschman. *Journeys Toward Progress*, part. 2.

10 Philip M. Williams. *Crisis and Compromise: Politics in the Fourth Republic*. Hamden, Conn., Archon, 1964, pp. 426-427. Автор отмечает, что "политики, встретившись с реальностью, от которой они хотели отвертеться, постоянно уступали новому премьеру в тех самых требованиях, за которые они свергли предыдущего... Слишком часто год без кризиса означал год без политики, и наличие постоянной группы министров прикрывало отсутствие правительства". Кризис был также инструментом принятия решений "посредством шоковой терапии".

11 Это центральная тема трудов этого политолога, глубокого наблюдателя и участника крушения веймарской демократии. В своем однозначном видении политического процесса и в его определении политики (1927 г.) в терминах "друзья — враги" он отражал "невежливую" политику своего времени. Mathias Schmitz. *Die Freund-Feind-Theorie Carl Schmitts*. Cologne, Westdeutscher Verlag, 1965.

12 См. примечание 12 ко второй главе, стр. 46, 83.

13 Albert O. Hirschman. *Exit, Voice and Loyalty*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1970, p. 91.

14 Термин "кризисная группа" применен в Sigmund Neuman. *Permanent Revolution: Totalitarianism in the Age of International Civil War*. New York, Praeger, 1965, pp. 30-32, 106-111. Здесь не место обращаться к обширной литературе о социальных движениях и условиях их возникновения и успеха, и мы отсылаем читателя к одному из недавних обзоров: Anthony Oberschall. *Social Conflict and Social Movements*, Englewood Cliffs, N.J., Prentice Hall, 1973. Поскольку фашистские движения играли важную роль в крушениях или кризисах рассматриваемых здесь демократий, а историко-социологический анализ фашизма выходит за рамки настоящей работы, мы отсылаем читателя к Juan J. Linz. *Some Notes Toward a Comparative Study of Fascism in Sociological Historical Perspective*. — In: Walter Laqueur (ed.). *A Reader's Guide to Fascism*. Berkeley and Los Angeles, University of California Press,

1976, pp. 3-121, а также к другим работам в упомянутом сборнике.

15 Curt Erich Suckert (Curzio Malaparte). *Coup d'Etat: The Technique of Revolution*. New York, E.P. Dutton, 1932.

16 Ted Robert Gurr. *Why Men Rebel*; Hugh Davis Graham and Ted Robert Gurr (eds.). *Violence in America: Historical and Comparative Perspectives*. Washington, D.C., National Commission on the Causes and Prevention of Violence, 1969; Robert M. Fogelson. *Violence as a Protest: A Study of Riots and Ghettos*. Garden City, N.Y., Doubleday, 1971; H.L. Nieburg. *Political Violence: The Behavioral Process*. New York, St. Martin Press, 1969.

17 Это особенно справедливо по отношению к Веймарской республике, где акты насилия и убийства, совершаемые правыми патриотами-"идеалистами", трактовались необычайно снисходительно, тогда как подобные акции левых "революционеров" сурово наказывались. Это, несомненно, подрывало легитимность законодательного строя и политической системы. См. Gumbel. *Vom Fememord zur Reichskanzlei*; Heinrich E. Hannover, Elisabeth Hannover. *Politische Justiz, 1918-1933*. Frankfurt, Fischer, 1966; Bracher. *Die Aufloesung der Weimar Republik*, pp. 191-198. Такая позиция судебной системы отражалась и в ее решениях по конституционным вопросам, благоприятствуя авторитарным решениям.

В Италии власти, в особенности на низких полицейских уровнях, тоже были весьма далеки от объективности в их реакциях на политическое насилие. Это отражается в докладах префектов, подобных Мори, которые хотели сохранить авторитет государства, а также в статистике Министерства внутренних дел. Например, из 1073 актов насилия, совершенных партиями (на 8 мая 1921 г.), были переданы судебным властям 964. Но наиболее показательны, что арестовали 306 фашистов, но позволили остаться на свободе 878, а социалистов было арестовано 1421, а на свободе было позволено остаться 617 (см. De Felice. *Mussolini il fascista*. Vol. 1, pp. 35, passim). Замечательный историк-социалист Гаэтано Сальвемини хорошо описывает возникший в результате климат насилия и его происхождение.

О поведении судов в Испании систематических сведений нет, но тот факт, что и правые, и левые (позднее) намеревались провести реформы и сделать суды более зависимыми от правительства, наводит на мысль, что суды, возможно, были более нейтральными. Но и здесь медленность судебной процедуры косвенно способствовала политической напряженности, ибо это приводило к ненужным арестам. Об этом писал в 1935 г. в своих воспоминаниях премьер-министр Joaquin Chapaprieta. *La paz fue posible. Esplugues de Llobregat, Ariel, 1971.* Он жалуется, что суды были снисходительны к "социальным преступлениям".

18 Атмосфера, создававшаяся присутствием военизированных партийных формирований, отлично передана в монографии William Sheridan Allen. *The Nazi Seizure of Power: The Experience of a Single German Town. 1930-1935.* Chicago, Quadrangle, 1985, и во множестве историй, рассказанных местными активистами о приходе к власти итальянских фашистов и борьбе против них. "Коллективную биографию" таких активистов и участников уличных столкновений см. в: Merkl. *Political Violence under Swastika*, основанной на автобиографиях, добровольно написанных нацистами по просьбе социолога Теодора Абеля.

19 О разнообразных военизированных организациях, возникших после первой мировой войны, об их идеологиях и преобразовании в годы Веймарской республики см. Bracher. *Die Aufloesung der Weimarer Republik*, chapter 5; Ernst H. Posse. *Die politischen Kampfbuende Deutschlands.* Berlin, 1931; Robert G.L. Waite. *Vanguard of Nazism: The Free Corps Movement in Postwar Germany, 1918-1923.* Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1952; Wolfgang Abendroth. *Zur Geschichte des Roten Frontkaempferbundes.* - In: Alwien Diemer (ed.). *Dem Verleger Anton Hain zum 75. Geburtstag am 4. Mai 1967.* Meisenheim, Glan, 1967. Об Италии см. Giovanni Sabbatucci. *I combattenti nel primo dopoguerra.* Bari, Laterza, 1974; Fernando Cordova. *Arditi e Legionari d'annunziani.* Padova, Marsilio, 1969. Общий анализ см. в: Michael A. Ledeen. *The War as a Style of Life.* - In: Stephen Ward (ed.). *The War Generation.* New York, Kennikat, 1975.

20 Об Австрии см. Bruce Frederick Pauley. Hannenschwanz and Swastika: The Styrian Heimatschutz and Austrian National Socialism, 1918-1934 (докторская диссертация Рочестерского университета, 1967)—Ludwig Jedlicka. The Austrian Heimwehr. — "Journal of Contemporary History", Vol. 1, N 1, 1966, pp. 127-144.

21 Allan Mitchell. Revolution in Bavaria 1918-1919: The Eisner Regime and the Soviet Republic. Princeton, N.J., Princeton University Press, 1965. Монография Werner T. Angress. Stillborn Revolution: The Communist Bid for Power in Germany, 1921-1923 посвящена нападениям левых на германскую демократию в ее раннюю пору.

22 Поскольку демократия и национализм пришли на историческую сцену одновременно, и первые демократии были национальными государствами (кроме Швейцарской конфедерации демократических кантонов), теория возможного конфликта между национальными чаяниями и демократической политикой почти не развивалась. Практически демократия отождествлялась с национальным суверенитетом. Проблему выявила лишь демократизация Австро-Венгерской империи и применение принципов национального самоопределения, провозглашенных Вильсоном. Однако анти- и недемократические политические процессы в Восточной Европе вновь затемнили ее. Даже появление многонациональных государств в третьем мире и зарождение этнических образований последних лет в Западной Европе не побудило начать работу по систематическому анализу (за исключением литературы по консоциативной демократии). Пробудившийся интерес к лингвистическим и культурным конфликтам породил интересные аналитические работы по отдельным странам, однако систематических исследований об охране прав меньшинств и о сепаратизме, что привлекло какое-то внимание в 20—30-е годы, так и не появилось.

Возникшее напряжение распознал уже лорд Актон, когда писал:

"Величайший противник прав нации — современная теория нации. Создав теоретическое соответствие между

государством и нацией, она практически ставит все другие нации, существующие внутри государственных границ, в подчиненное положение. Эта теория не может признать их равенство с правящей нацией, образующей государство, ибо тогда государство перестает быть национальным, что противоречит самому принципу его существования. Поэтому, соответственно степени гуманности и цивилизованности этого доминантного образования, претендующего на все права общества, национальные меньшинства или уничтожаются, или обрекаются на рабство, или ставятся вне закона, или вынуждены быть в зависимом положении" (Lord Acton. *Esseys on Freedom and Power*. Boston, Beacon, 1948, p. 192).

23 Здесь не место обзору обширной литературы об общинных конфликтах и гражданских войнах сепаратистов. Пример, когда формально демократические институты не работают и потерпели крушение, дает северная Ирландия. На коллоквиуме в Варне Ричард Роуз представил доклад на эту тему. См. также Lijphart. *The Northern Ireland Problem*.

О небольшом количестве многоязычных демократий см. Joshua A. Fishman. *Some Contrasts between Linguistically Homogenous and Linguistically Heterogeneous Polities*. — In: Joshua A. Fishman, Charles A. Ferguson, Jyatrindra das Gupta (eds.). *Language Problems of Developing Nations*. New York, Wiley, 1968; Eric Nordlinger. *Conflict Regulations in Divided Societies*. Harvard University Center for International Affaires. Occasional Paper N 29, Cambridge, Mass., 1972 (здесь описаны наиболее конструктивные попытки урегулирования конфликтов). Наиболее пессимистическая работа, содержащая сведения по многим странам и касающаяся перспектив стабильной демократии в плюралистических обществах, — Alvin Rabushka, Kenneth A. Shepsle. *Politics in Plural Society: A Theory of Democratic Instability*. Columbus, Ohio, Charles A. Merrill, 1972.

24 K.D. McRae. *Consociational Democracy*; idem. *The Concept of Consociational Democracy and its Application to Canada*. —

In: Jean-Guy Savard, Richard Vigneault (eds.). *Les etats multilingues: Problems et Solutions*. Quebec, Universite Laval, 1975, pp. 245-301.

25 Знаменательно, что в наши дни социологи пишут о "национальном строительстве", тогда как в большей части мира задача — строительство государств. Равным образом, идея патриотизма без националистической идентификации исчезла из языка. В этом контексте по-прежнему заслуживает внимания работа Robert Michels. *Der Patriotismus: Prolegomena zu seiner soziologischen Analyse*. Munich, Duncker and Humblot, 1929.

26 Joshua Fishmann. *Bilingualism With and Without Diglossia: Diglossia With or Without Bilingualism*. — "Journal of Social Issues", 23, 1967, pp. 29-38.

27 Ряд заслуживающих внимания работ содержится в Savard, Vigneault. *Les etats multilingues*. Существует, конечно, весьма яркое исключение — Швейцария. См. Juerg Steiner. *Amicable Agreement versus Majority Rule: Conflict Resolutions in Switzerland*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1974. Другие исключения — Бельгия, Канада, возможно, Индия, до недавнего времени — Ливан.

28 См. главу об Австрии в: *The Breakdown of Democratic Regimes: Europe* (Walter Simon).

29 Дисбаланс сил между Пруссией и рейхом; партикуляристская политика Баварии, способствовавшая кризисам, подобным "пивному путчу"; возможность для нацистов войти в правительства земель (Тюрингия); разноречивой в политике земельных властей в деле защиты государства от военизированных организаций — все это содействовало обострению кризиса. См. Ernst-August Roloff. *Buergertum und Nationalsozialismus, 1930-1933. Braunschweigs Weg ins Dritte Reich*. Hannover, Verlag fuer Literatur ind Zeitgeschehen, 1961.

30 Немцы даже изобрели для таких попыток специаль-

ный термин — *Zaemungskonzept* (концепции одомашнивания). Эти попытки кооптации хорошо организованного оппонента, нередко контролирующего улицу, неизбежно побуждают оппозицию требовать все больше и больше. В этом случае вполне оправдывается высказывание Клемансо, что "каждый человек или государство, действия которых сводятся к уступкам, могут закончить свой путь лишь самоуничтожением. Все, что живет, сопротивляется..." (цит. по: Eckstein. *Etiology of Internal Wars*, p. 157). Принятое как средство сдерживания ведет к примирению, а в конечном счете — к капитуляции. Примеры переговоров, обычно тайных и ведущихся через посредников, можно найти в: De Felice. *Mussolini il Fascista*. Vol. 1, pp. 255-260, 282-285, 300-305, 345-346. Переговоры были основаны на растущем среди элиты убеждении, что "сегодня с фашистами не справиться". Нелояльная оппозиция подчас воспринимает это с опаской, если считает, что партнер способен пересмотреть устройство власти, как это сделал Джолитти в Италии. В Германии такие попытки делали Брюнинг и Шлейхер; наконец, "успешная" кооптация Гитлера фон Папеном сделала фюрера канцлером и хозяином Германии. При таких попытках кооптации для нелояльной оппозиции характерно сначала требовать ограниченного участия во власти — например, несколько министерских постов. Однако по мере того как партии, поддерживающие режим, отступают с позиции силы и сопротивление требованиям нелояльной оппозиции слабеет, ее запросы растут. Во время "марша на Рим" запросы возросли с нескольких мест в кабинете до поста премьера. Не следует забывать, что в первом кабинете Муссолини у фашистов было лишь шесть из шестнадцати портфелей, а рядом с Гитлером и тремя министрами-нацистами было восемь консерваторов и фон Папен на посту вице-канцлера. Характер затребованных министерств тоже имел значение: если оппозиция получает полицию и армию (а ныне и средства информации), то какая-либо защита демократии становится невозможной. С другой стороны, как отмечает Саландра в своих воспоминаниях о переговорах с Муссолини, когда оппозиция стимулирует насилие на улицах, а ее лидер не

входит в правительство, то предоставление оппозиции нескольких министерских постов, в том числе и министра внутренних дел, чрезвычайно ослабляет правительство (De Felice. Mussolini il fascista. Vol 1, p. 346).

31 Это центральная тема работы, содержащей анализ динамики таких партийных систем; см. Sartori. European Political Parties, pp. 137-176. Его анализ подтверждается результатами выборов в Германии после 1928 г., в Австрии и в Испании — в 1936 г. и в Италии после 1948 г. (впрочем, некоторые наблюдатели толкуют итальянские результаты по-иному, считая не по партиям, а по разрывам между партиями: между растущей КПИ и центром в терминах идеологии, политических действий и восприятия избирателями).

32 В мае 1936 г. партия рексистов собрала 11,5% голосов, и ее лидер, воспрянувший духом после массовых митингов, потребовал плебисцита в Брюсселе и приказал одному из депутатов-рексистов уйти в отставку. Это привело к новым выборам. Демократические партии (католики, либералы и социалисты), поняв, что их разногласия могут привести к роковому исходу, согласились выдвинуть общего кандидата в премьер-министры. Таким образом, голосование должно было идти за или против режима. Против правых мобилизовались все, включая кардинала-архиепископа Мехельна. Голосование 19 апреля 1937 г. дало 175 тыс. голосов Ван Зееланду и 69 тыс. голосов, включая фламандских нацистов, — Дегреллю (лидеру правых). Рексисты так и не оправались от поражения, нанесенного блоком демократических партий.

33 Яркий пример — правительство Факты, которое устраивало фашистов вследствие его слабости и блокировало все другие альтернативы. Сам Факта не слишком желал нести бремя власти и считал себя временной заменой Джолитти, ожидавшего подходящего момента для возвращения к власти. Такого же рода лидерами были Шлейхер и фон Папен перед захватом власти Гитлером; в Испа-

нии ту же роль играли несколько премьеров и министров, получивших свои посты с помощью Алкала Заморы в 1933-1936 гг., а также Казарес Кирога — премьер, которому этот пост дал Азанья после того, как стал президентом Испанской республики.

34 Основываясь на общей традиции конституционной теории (в основном связанной с Бенжаменом Константом), Карл Шмитт развил идею "нейтральной власти" (*neutrale Gewalt*) и ее независимости от плюралистического государства-партии. См. его имевший большой резонанс труд *Carl Schmitt. Der Hueter der Verfassung*. Tuebingen, 1931. См. также его работы, опубликованные в сборнике "Positionen und Begriffe in Kampf mit Weimar-Genf-Versailles: 1923-1939", Hamburg, Hanseatische Verlagsanstalt, 1940, pp. 120-132, 158-161.

35 Toenu Parning. *The Collapse of Liberal Democracy and the Rise of Authoritarianism in Estonia*. — "Contemporary Political Sociology Series", N 06-010, Beverly Hills, Ca., Sage, 1975; Georg von Rauch. *Zur Krise des Parlamentarismus in Estland und Lettland in der 30er Jahren*. — In: Hans-Erich Volkman (ed.). *Krise des Parlamentarismus in Ostmitteleuropa zwischen der beiden Weltkriegen*. Marburg/Lann, J.G. Herder Institut, 1967, pp. 135-155; Juergen von Hehn. *Lettland zwischen Demokratie und Diktatur*. — "Jahrbuecher fuer die Geschichte Osteuropas", Supplement 3, Munich, Isar Verlag, 1957. Об истории этих недолговечных малых демократий Европы см. Georg von Rauch. *The Baltic States: The Years of Independence. Estonia, Latvia, Lithuania, 1917-1940*. London, C. Hurst, 1974.

36 Один из признаков кризиса режима и в конечном счете — один из факторов, способствовавших его крушению, — выжидательная позиция военного руководства по вопросу о том, с кем солидаризироваться публично — с "государством" или "нацией", а также его стремление избежать полного посвящения себя режиму. Такова была позиция фон Секта в Германии и многих испанских офицеров высокого ранга, включая Франко. Это позволило им не вступить в столкновение с более политизированными кол-

легами, с которыми они не полностью расходились во мнениях, и поддержать видимость единства в армии под прикрытием нейтралитета. Такая позиция постепенно становилась несостоятельной, и молодые офицеры все больше ощущали, что в поляризованном обществе им придется встать на ту или другую сторону. Армия, подобная итальянской, которая в конфронтации с фашистами, атаковавшими властные структуры, "выполнила бы свой долг, но предпочла бы этого не делать", несомненно ограничивает возможность принятия решений политическим руководством, когда оно сталкивается с политическим насилием. Разумеется, никакой режим не может разрешить офицерам и даже бывшим офицерам иметь какую-либо связь с политическими военизированными формированиями.

IV

1 См., например, Jules Moch. De Gaulle d'hier a demain. — "La Nef", 19, July-August 1958, pp. 9-15. Вспоминая о своей работе на посту министра внутренних дел в мае 1958 г., Жюль Мок пишет о "страхе...", который вызывал у него баланс сил и их динамика, беспорядки, которые могли вспыхнуть и которые были наруку только коммунистам. В мои бессонные ночи перемежались картины Праги 1948 г. и Мадрида 1936 г.". К той же теме возвращается Ги Молле, выступая за де Голля: "Правительство полковников пришло бы к власти почти без сопротивления. Возможно, что тысяча-другая отважных людей пошла бы на бойню, но это была бы испанская гражданская война без республиканской армии. При таком допущении, я полагал, правительство полковников просуществовало бы 20-30 лет". См. Guy Mollet. 13 mai 1958 - 13 mai 1962. Paris, Plon, 1962, pp. 11-13. Здесь Ги Молле с присущим ему блестящим аналитическим умом упоминает о том печальном факте, что разрыв с демократической легитимностью нелегко восстановить.

2 Lepsius. Machtuebernahme und Machtuebergabe. Zur Strategie des Regimewechsels.

3 Это ощущение срочности выразил Муссолини, сказав "теперь или никогда". Когда достигнута стадия серьезных переговоров о кооптации, руководители сил, противодействующих системе, также начинают ощущать, что власть надо брать срочно, и если не сделать этого, то дело примет оборот, опасный для них самих. Взаимные обвинения лидеров в готовности "продаться за министерское кресло" могут расколоть партию на революционеров и прагматиков; массы, которые удалось мобилизовать, в другой раз не поднимутся; сторонники-оппортунисты, в особенности обеспечивающие финансовую поддержку, могут посчитать это плохой инвестицией, ибо у партии нет тяги к власти. В такой ситуации силы, поддерживающие режим, могут вновь обрести уверенность в себе и объединиться.

Несмотря на переговоры с Джолитти, Муссолини заявил: "Необходимо задействовать массы, создать внепарламентский кризис и войти в правительство. Необходимо воспрепятствовать тому, чтобы Джолитти вошел в правительство. Раз он стрелял в д'Аннунцио, то может отдать приказ стрелять и в фашистов" (De Felice. Mussolini il fascista. Vol. 1, pp. 304-305). Именно тогда Парето в письме Пантелеоне говорил об опасности "приручения" фашизма "лисой"-Джолитти; Парето и другие фашистские лидеры чувствовали необходимость "революции", чтобы не потерять импульса и не потерять сторонников (там же, стр. 304). Де Феличе и другие эксперты того времени заявляли, что "настоящий политик", имеющий власть над армией и полицией и "готовый стрелять" даже "без пяти двенадцать", может быть угрозой для демократии.

4 Оппозиция, верящая в свои шансы на захват власти, обратит особое внимание на установление контактов и будет использовать противодействие таких институтов, как церковь (в католических странах — Ватикана), деловых кругов, масонов, монархии, даже профсоюзов, и будет подталкивать их к отказу от поддержки политических партий демократического режима. В некоторых случаях они используют фракционные разногласия внутри таких институтов. Это случается и при свержении авторитарного режима, находящегося в кризисе, что можно увидеть из заявлений испанской компартии. Де Феличе описывает, как интенсифицировалась деятельность Муссолини между неаполитанским партийным съездом и "маршем на Рим" ("Mussolini il fascista").

5 Тому есть многочисленные примеры: приведем лишь немногие. В Италии католическая церковь, в особенности Ватикан, предвидя перспективы правительства Муссолини, начала устанавливать с ним тайные контакты. Но что еще важнее, — церковь стала постепенно лишать своей поддержки партию "Пополари", в частности, не одобряя политическую деятельность священников. Это подорвало позиции Стурцо. В Германии отношения между Партией

центра, церковь и Ватиканом в период захвата власти нацистами были предметом споров между исследователями. Эти споры сконцентрированы в следующих работах: Erich Matthias, Rudolf Morsey (eds.). *Das Ende der Parteien 1933*; Ernst-Wolfgang Botckenferde. *Der deutsche Katholizismus in Jahre 1933* в Gotthard Jasper. *Von Weimar zu Hitler, 1930-1933*. Cologne, Kiepenheuer and Witsch, 1968, SS. 317-376. Такой же была позиция Ватикана в отношении Испанской республики незадолго до ее победы в 1931 г., что отмечается в: Ricardo de la Cierva. *Historia de la Guerra Civil Espanola*. Madrid, San Martin, 1969, pp. 478-479. Даже профсоюзы, весьма тесно связанные с социалистами и другими радикальными партиями, подчас следовали стратегии, отличной от стратегии этих партий, приближаясь к полуавторитарным альтернативам и утверждая собственную идентификацию. Как показывает политика д'Арагона и Лейпарта после захвата власти фашистами и нацистами, профсоюзы надеялись выжить при новом режиме.

В Италии Всеобщая конфедерация труда обнаруживала растущую тенденцию к независимым от Социалистической партии действиям, в особенности во время "пацификационного пакта". В канун провозглашения Муссолини премьер-министром, 6 октября 1922 г., ВКТ порвала свой пакт с Социалистической партией, чтобы "сохранить свободу от каких-либо связей с какой-либо политической партией и считая такой акт необходимым для поддержания профсоюзного единства". Такая политика поощряла Муссолини, и продолжалась она все более интенсивно вплоть до убийства Маттеотти. См. De Felice. *Op. cit.*, pp. 380-385, 598-618.

О растущих расхождениях между профсоюзами и социал-демократами в Германии см. Erich Matthias. *Der Untergang der Sozialdemokratie 1933*. — In: Jasper. *Von Weimar zu Hitler, 1930-1933*, pp. 298-301; Karl Dietrich Bracher. Wolfgang Sauer, Gerhard Schulz. *Die Nationalsozialistische Machtergreifung: Studien zur Errichtung des totalitaeren Herrschaftssystem in Deutschland 1933-1934*. Cologne, Westdeutscher Verlag, 1960, SS. 175-186. События в Германии 1933 г. еще более удивительны в свете итальянского опыта.

Деловые круги более осторожно относятся к оппозиции, которая способна свергнуть режим. Они готовы включить такие партии в число получателей доли пожертвований (размер пожертвований зависит от перспектив партии и ее "разумности"), чтобы по меньшей мере иметь доступ к партийному руководству, а то и просто влиять на партийную политику или даже формировать ее. Подчас социальный статус ведущих бизнесменов позволяет им выступать в качестве посредников между политиками, нередко — в интересах "замирения", столь важного для бизнеса.

6 Гитлер в его знаменитой "клятве о законности" на процессе лейпцигского рейхсвера в 1930 г., когда он нагло говорил перед судом. Цит. по: Bracher. Path to Dictatorship, 1918-1933, p. 117.

7 Laski. Democracy in Crisis, passim.

8 Передовая в "El Socialista", 16 августа 1933 г.; цит. по: Stanley G. Payne. The Spanish Revolution: A Study of the Social and Political Tensions That Culminated in the Civil War in Spain, New York, Norton, 1970, pp. 108-109, 111, 137. Ларго Кабальеро, лидер максималистского крыла Испанской социалистической рабочей партии и экс-министр, перед выборами 1933 г. выразил это в следующих словах:

"Я вам говорю: если мы победим 19-го, мы заставим капиталистов думать по-другому. Но, думается, если мы проиграем, мы вступим в новый период, когда деятельности на выборах будет недостаточно. Будет необходимо сделать нечто посильнее — все, что угодно, только не отказываться от наших идеалов. Пока социализм не торжествует, справедливости не будет. Справедливость наступит, когда мы сможем поднять красный флаг революции над государственными зданиями и башнями Испании".

Более подробное обсуждение трагического конфликта в Испанской социалистической партии см. мою главу об Испании в этом сборнике.

9 Здесь не место для анализа феномена фашизма и его роли в межвоенном кризисе в Европе. Библиография все пополняющейся литературы об этом содержится в: Walter Laqueur. *A Reader's Guide to Fascism*. В этом сборнике читатель найдет наше определение фашизма, анализ его привлекательности и социальной базы фашистского движения (pp. 3-121).

10 Theodore Draper. *The Ghost of Social Fascism*. — "Commentary", February 1969, pp. 29-42; Max Weber. *Die Wandlung des deutschen Kommunismus*. Vol. 1, pp. 232-247.

11 В этом отношении история Веймарской республики от основания до конца 20-х годов дает интересные примеры: капповский путч, "пивной путч", нападения левых экстремистов. Можно также упомянуть о февральском кризисе в Париже в 1934 г., когда правые угрожали парламенту, и о мае 1968 г., когда под угрозой оказалась голлистская Пятая республика. О последних событиях см. Bernard E. Brown. *Protest in Paris: Anatomy of Revolt*. Morristown, N.J., General Learning Press, 1974; Philippe Beneton, Jean Touchard. *Les interpretations de la crise de mai-juin 1968*. — "Revue Francaise de Science Politique", vol. 20, N 3, June 1970, pp. 503-544.

Случай Финляндии особенно интересен, ибо опасности крайней многопартийности, наличие третьей по величине компартии на Западе и близость СССР делали сомнительной стабильность демократии. См. Kevin Devlin. *Finland in 1948: The Lesson of a Crisis*. — In: Hammond and Farrell. *Anatomy of Communist Takeovers*; C. Jay Smith. *Soviet Russia and the Red Revolution of 1918 in Finland*. — *idem*, pp. 71-93.

Еще один интересный случай, когда казалось, что условия для стабильной демократии отсутствуют, однако режим сумел консолидироваться, описан в: Frank Munger. *The Legitimacy of Opposition: The Change of Government in Ireland in 1932*. — "Contemporary Political Sociology Series", vol. 2, Beverly Hills, Ca., Sage, 1975.

1 Идея рассмотрения общественной системы как "состояния равновесия" разработана Парето ("The Mind and Society", pp. 122-125, chap. 12, N 2060-2070 ff.). В дальнейшем эта тема была развита Л.Дж.Гендерсоном, и через него и работы Парсонса она вошла в основное русло социологической науки. Прочитируем Парето: "Мы можем воспользоваться особенностью общественной системы, чтобы определить состояние, которое мы избрали для анализа и которое мы назовем в данном случае X. Тогда мы можем сказать, что X есть такое состояние, которое, если его искусственно подвергнуть некоей модификации, отличной от происходящих обычно изменений, немедленно вызывает возвращение к его реальному, нормальному состоянию" (2068). По мнению Парето, все состояния равновесия имеют подобный динамический аспект, не всегда внутренне несовместимый с измерениями ("прогрессом") и, разумеется, не всегда и не для всех желанный и ценный. В видении Парето все "состояния" социальной (или политической) системы постоянно находятся в процессе регулирования. Здесь мы имеем дело с такими ситуациями (о них упоминается у Парето), когда происходят не просто малые, непрерывные, неуловимые изменения системы, а крупные обрывы, после чего элементы системы способны реагировать, не изменяя ряда основных отношений между ними (в нашем случае — демократических институтов), и достигать нового стабильного состояния.

2 Важный источник для понимания особой роли де Голля во французской политике — издание Французского института общественного мнения "Les Français et de Gaulle", Paris, Plon, 1971, в котором приводятся данные обзоров, касающихся генерала, с 1945 г. до его смерти. Бесчисленные таблицы свидетельствуют о харизме, окружавшей его как государственного деятеля. См. Mattei Dogan. Le personnel politique et la personnalité charismatique. — "Revue Française de Sociologie", 6, 1965, pp. 305-324 и очерки о де Голле в:

Stanley Hoffman. *Decline or Renewal: France Since the 30th*. New York, Viking, 1974, pt.3.

3 A. Hirschman. *Exit, Voice and Loyalty*, p. 24.

4 См. обсуждение вопроса об "объективной возможности" в: Max Weber. *Critical Studies in the Logic of the Cultural Sciences: A Critique of Eduard Meyer's Methodological Views*. — In: E.A. Shils, H.A. Finch (trans. and eds.). *The Methodology of the Social Sciences*. New York, Free Press, 1949, pp. 113-188.

5 Существует принципиальная разница между возвращением к демократии после немецкой оккупации, особенно если правительство в изгнании обеспечило непрерывность легитимации институтов, и возвращением к демократии после установления недемократических режимов, например, в Италии, Германии, Австрии, Японии и даже в вишистской Франции. Не следует забывать, что в последних случаях демократия восстанавливается победителями. См. Robert A. Dahl. *Governments and Political Oppositions*. - In: Greenstein and Polsby. *Handbook of Political Science*. Vol.3, pp. 115-174. Кроме того, в этих случаях недемократическое правление продолжалось сравнительно недолго: в Италии — 23 года (1921-1945 гг.), в Германии — 12, в Австрии — 11, в Японии — 8. Уже это существенно отличает их от событий в Португалии, где демократия была восстановлена после 48 лет, или Испании, где это потребовало 37 лет. В Португалии давление со стороны военных (после поражения в колониальных войнах), а не внутренние факторы, привело к свержению режима, и восстановление соревновательной демократии все еще остается под сомнением. После свержения демократии только в Греции и в некоторых латиноамериканских странах (Венесуэла, Колумбия, Аргентина, Бразилия, Чили) вернулись к демократическому правлению, хотя и не очень стабильному, в результате внутренних процессов, произошедших после периода авторитарной власти. В работе Gianfranco Pasquino. *L'Instaurazione di regimi democratici in Grecia e Portogallo*. — "Il Mulino", 238, March-April 1975, pp. 217-237, подчеркивается различие в

продолжительности авторитарных режимов в Греции и в Португалии как фактор различных итогов возвращения демократии.

6 Robert A. Kahn. *The Problem of Restoration: A Study in Comparative Political History*. Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1968.

7 Terry Nardin. *Violence and the State: A Critique of Empirical Theory*. Beverly Hills, Ca., Sage, 1971.

8 Это классическое различие, проводимое теоретиками-политологами между легитимностью происхождения или названия и легитимностью отправления власти. Будучи демократически легитимными (например, свободно избранными), такие правительства правят методами, противоречащими ценностям демократической политики.

9 Эта точка зрения подчеркивается в: Bendix, Max Weber, p. 300 и в: Johannes Winckelman. *Legitimitaet und Legalitaet in Max Webers Herrschaftsoziologie*, Tuebingen, J.C.B. Mohr, 1952.

10 Alexis de Tocqueville. *Democracy in America*. London, Oxford University Press, 1946, chap. 34, pp. 583-584.

11 В: Joseph A. Schumpeter. *Capitalism, Socialism, and Democracy*. New York, Harper and Brothers, 1950, pp. 291-293 подчеркивается как второе условие успеха демократии: чтобы "эффективное пространство политических решений не было растянуто слишком широко". На самом деле, отмечает Шумпетер, "демократия не требует, чтобы каждая функция государства была подчинена ее политическим методам".

12 Merkl. *Political Violence Under the Swastika*.

13 Отличный обзор таких попыток дается в: Karl Loewenstein. *Legislative Control of Political Extremism in European Democracies*, pp. 591 - 622, 725 - 774.

14 Подробный анализ функций и опасностей использования чрезвычайного положения в условиях демократии, включая многочисленные случаи использования ст. 48 Веймарской конституции, а также соответствующих законов и установлений во Франции, Великобритании и США дается в: Clinton L. Rossiter. *Constitutional Dictatorship: Crisis Government in the Modern Democracies*. Princeton, N.J., Princeton University Press, 1948. Особенно интересна последняя глава, где определяются 11 критериев конституционной диктатуры в связи с проблемой восстановления демократического равновесия (pp. 297-306).

15 Pareto. *Mind and Society*, N 2186.

16 Ср. популярную формулу "репрессивная терпимость" в: Herbert Marcuse. *Critique of Pure Tolerance*. Boston, Beacon Press, 1965. Критику см. в: Alastair MacIntyre. *Herbert Marcuse: An Exposition and Polemic*. New York, Viking, 1970.

17 Sartori. *Democratic Theory*, chap. 16, pp. 418-419, 444-445.

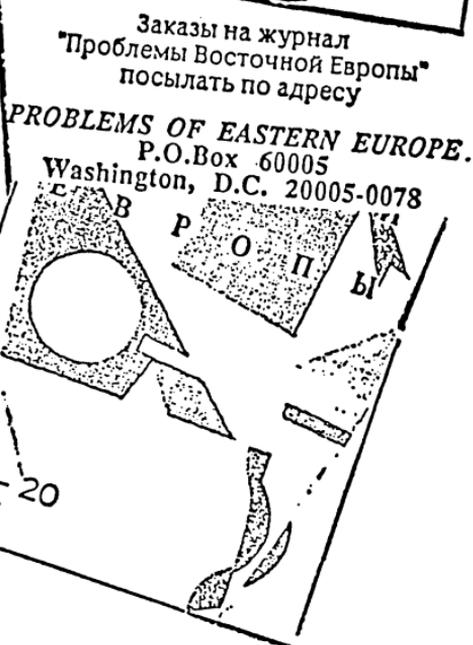
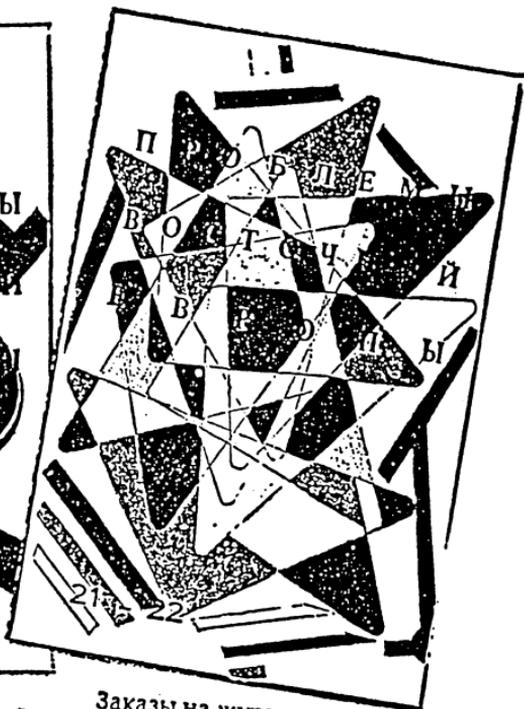
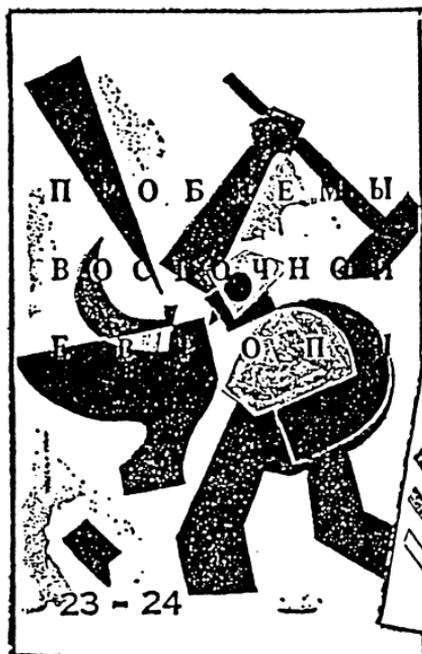
18 В. И. Ленин. *Государство и революция*. Соч. т.25, стр. 433.

19 Очерк Розы Люксембург "Русская революция" написан ею в тюрьме (1917-1918 гг.).

20 Там же.

21 Здесь мы не занимаемся вопросом о том, насколько действительно демократичны режимы, которые должны быть демократическими по нашему определению. Еще меньше занимает нас проблема, насколько осуществляется "социальная" и "экономическая" демократия в условиях демократии "политической". Действительно, политические демократии различаются по уровням "демократичности" и были даже попытки измерить этот уровень. Интересное обсуждение этого вопроса дается в: May. *Of the Conditions and Measures of Democracy*.

22 Следует напомнить, что такова была позиция коммунистов, создавших теорию социал-фашизма в период наступления нацистов. В резолюции ЦК КПГ в мае 1931 г. провозглашалось: "Фашистская диктатура ни в коей мере не является принципиальной противоположностью буржуазной демократии, в условиях которой также осуществляется диктатура финансового капитала. Это просто изменение формы, органический переход". В феврале 1932 г. ЦК отмечает, что "демократия и фашистская диктатура — две формы с одним классовым содержанием... Они также приближаются друг к другу и по их внешним методам..." Член рейхстага от КПГ следующим образом описал практическое применение этой формулы: "Когда фашисты приходят к власти, выступает объединенный фронт пролетариата и сметает все на своем пути. Голодать при Брюнинге не лучше, чем при Гитлере. Мы фашистов не боимся. Они проворуются быстрее, чем любое другое правительство" (цитируется по готовящейся к печати работе Ричарда Гамильтона о социальной базе нацизма).

Заказы на журнал
"Проблемы Восточной Европы"
посылать по адресу

PROBLEMS OF EASTERN EUROPE.
P.O. Box 60005
Washington, D.C. 20005-0078

ПРОБЛЕМЫ
ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

17 - 18

ПРОБЛЕМЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

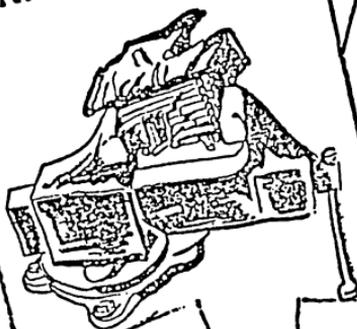

33 - 34

АНАТОЛИЙ МАРЧЕНКО

ЖИВИ КАК ВСЕ

Эдвард МЛИНАРЖ
ХОЛОДОМ
ВЕЕТ
ОТ КРЕМЛЯ

Джордж Орвелл

ФЕРМА ЭНИМАЛ

Франтишек Силицкий

НАЦИОНАЛЬНАЯ

ПОЛИТИКА

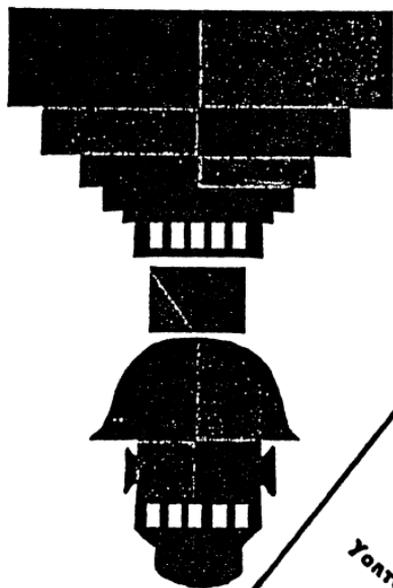
КПСС

(1917-1922 гг.)

Уолтер Лакер

**РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ
НАСТАВНИКИ ГИТЛЕРА**

Уолтер Лакер

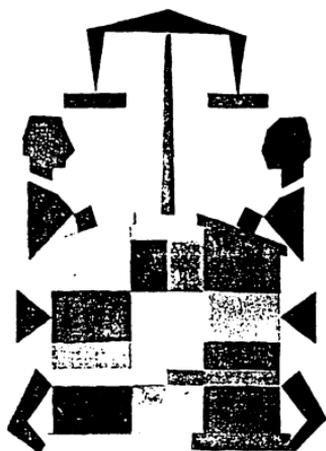
**РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ
НАСТАВНИКИ ГИТЛЕРА**

с новым предисловием автора к русскому изданию.

Уолтер Лакер — председатель Совета международных исследований Вашингтонского Центра по изучению стратегических проблем и международных отношений и содиректор лондонской библиотеки современной истории ик. Вилера. Он автор более двадцати книг.

ГЕНРИ М. РОБЕРТ

**ПРАВИЛА
ПАРЛАМЕНТСКОЙ
ПРОЦЕДУРЫ**

**Заказы на журнал
“Проблемы Восточной Европы”**

посылать по адресу:

**PROBLEMS OF EASTERN EUROPE
P.O. Box 6005
Washington, D.C. 20005-0078**